

№ 1(9)'2022

научный рецензируемый журнал

KANT

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES
SERIES

10.00.00 PHILOLOGICAL SCIENCES
17.00.00 ART STUDIES
22.00.00 SOCIAL SCIENCES
23.00.00 POLITICAL SCIENCE
24.00.00 CULTURAL STUDIES

ОПРАВДАНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ И ВЫЗОВЫ
СОЦИАЛЬНОМУ НАТУРАЛИЗМУ • ЧЕЛОВЕК –
КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ •
ИНФАНТИЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ
ИЛЛЮСТРАЦИИ • РАЗНОВИДНОСТИ
ПРОЗРАЧНОСТИ: ИЗУЧЕНИЕ СВОБОДЫ
ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМАХ ИИ • ДЕНЬГИ
КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ
И ФАКТОР АБЕРРАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОН-
ТОВА "ТЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ"
• КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭТИКА &
МЕТАЭПИСТЕМОЛОГИЯ

ISSN 2305-8757

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований за счет средств издательства по следующим отраслям наук:

10.00.00 Филологические науки, 17.00.00 Искусствоведение, 22.00.00 Социологические науки, 23.00.00 Политические науки, 24.00.00 Культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО "Издательство

СТАВРОЛИТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Абдуллаева Рена Габип кызы, д-р искусствоведения, проф., Институт архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доц., Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Буксикова Ольга Борисовна, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Гравчев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Комуцки Людмила Владимировна, д-р филолог. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н., проф., Севастопольский государственный университет (Севастополь, Республика Крым)

Костина Анна Владимировна, д-р культурологии, д-р филос. н., проф., Московский гуманитарный университет (Москва)

Лю Сюянь, д-р филолог. н., проф., Полицияская академия при Министерстве общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н., проф., Северо-Кавказский социальный институт (Ставрополь)

Петров Владимир Николаевич, д-р социологических наук, проф., Кубанский государственный университет (Краснодар)

Прахакара Джатъяло Рао, профессор лингвистики, Центральный университет Хайдерабада (Хайберабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р искусствоведения, проф., этномызыковед, Северо-Кавказский государственный институт искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдуллагаб оглы, д-р искусствоведения, проф., Национальной академии наук Азербайджана, член-кор. Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

Сраджев Виктор Пулатович, д-р искусствоведения, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

Шемякина Мария Константиновна, д-р культурологии, проф., Белгородский государственный университет искусств и культуры (Белгород)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2022, № 1(9), 1-100 c.

Главный редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.01.2022. Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 100 экз. Заказ № 578.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanities фокусируется на специальных и общих теоретико-методологических подходах, характерных для социально-гуманитарных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева

Содержание

Хейндельс С. Оправдания, исключения и вызовы социальному натурализму ---	4
Григорьев А.Ф. Человек – культура в пространстве и времени: философско- культурологический дискурс -----	17
Чуйкова В.В. Инфантилизм в современной иллюстрации -----	28
Андрада Г., Клоуз Р.В., Сمارт П.Р. Разновидности прозрачности: изучение свободы действий в системах ИИ -----	35
Погребная Я.В. Деньги как маркер современной эпохи и фактор аберрации нравственных ценностей в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" -----	52
Макферсон Т., Планкетт Д. Концептуальная этика, метаэпистемология и нормативная эпистемология -----	65
Исаева Х.И. Основные этапы формирования молодежной субкультуры в Азербайджане (исторический и социологический аспект) -----	81
Наджафова Н.Х. Социальная защита детей, лишенных родительской опеки -----	88

Contents

Heyndels S. Excuses, Exemptions, and the Challenges to Social Naturalism ---	4
Grigorev A.F. Man – culture in space and time: philosophical and cultural discourse -----	17
Chuikova V.V. Infantilism in Modern illustration -----	28
Andrada G., Clowes R.W., Smart P.R. Varieties of transparency: exploring agency within AI systems -----	35
Pogrebnyaya Y.V. Money as a marker of the modern era and a factor of aberration of moral values in the novel by M.Yu. Lermontov "A Hero of Our Time" -----	52
McPherson T., Plunkett D. Conceptual ethics, metaepistemology, and normative epistemology -----	65
Isaeva H.I. Some stages of the formation of youth subcultures in Azerbaijan (historical and sociological aspects) -----	81
Najafova N.Kh. Social protection of children deprived of parental care -----	88

КАК ПОДГОТОВИТЬ ОБЗОР ПО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ?

Редакционная коллегия журналов "KANT" и серии журнала "KANT: Social science & Humanities" заинтересована в обзорных статьях, которые систематизируют и приводят анализ публикаций, вышедших за последние два-три года по избранной автором публикации проблематике. Оплата за публикацию научных обзоров не принимается.

Научные обзоры постоянно питают новые исследования, которые в свою очередь питают научные обзоры. Дело в том, что одно действует как сила над другим, и именно это заставляет науку, как глобальную дисциплину, постоянно развиваться и развиваться. Как для ученого, написание обзора может быть очень полезным как для самого исследователя, чтобы лучше разобраться в проблематике, так и для всего научного сообщества.

Прежде всего, приступая к работе над составлением обзора, убедитесь, что вы являетесь экспертом в этой области и осведомлены о выходе последних публикаций по теме, к обзору которой вы приступаете. Подумайте о совместной работе с соавторами, чтобы расширить взгляд на проблематику.

Ознакомьтесь с прочими обзорными статьями, опубликованными по смежным темам или аналогичным темам в смежных областях за предыдущие два-три десятилетия, чтобы убедиться, что вы понимаете, что уже было сделано до вас.

Затем постарайтесь решить для себя, на какой вопрос вы попытаетесь ответить в рамках своего обзора или рецензии. Примеры вопросов, на которые можно ответить с помощью обзорных статей, включают в себя:

- Что изменилось в нашем понимании этой темы с момента последнего обзора? Какие задачи стоят сегодня перед исследователями в этой области? И каковы наиболее перспективные подходы к решению этих задач?
- Достаточно ли доказательств в существующей литературе, чтобы решить, какая из двух конкурирующих концептуальных моделей или теорий наиболее вероятна?
- Достаточно ли доказательств, чтобы обосновать общепринятое мнение или предположение в этой области?
- Насколько хорошо активные исследователи в этой области приняли то, что сейчас считается лучшей практикой, и какие научные результаты это дает?
- Из нескольких методик, используемых в этой области, какая оказалась наиболее успешной или полезной с течением времени?

Таким образом, ответы на эти вопросы помогут вам приступить к составлению обзора.

Следует внимательно отнестись к выбору ключевых слов, что позволит вам лучше сконцентрироваться на проблеме. В состав обзора необходимо привлекать не только отечественные исследования, но и зарубежные. Для этого вы можете обратиться к таким международным базам, как Web of Science, Scopus, PhilParers и другие. Следует придерживаться выбранных временных рамок исследования. По ходу изучения вопроса, вы можете делать заметки. Не все из них в итоге войдут в вашу статью и будут

проецированы вами, но это удобно для того, чтобы отслеживать все, что вы прочитали в соответствии с критериям поиска, и то, что вы узнали из него.

В какой-то момент во время этого чтения вы начнете готовить план для своей обзорной статьи. Разработайте, как вы будете структурировать статью, какие ключевые моменты вы хотите выделить, и какова история, которую вы будете рассказывать в своем обзоре. Часто хорошие обзорные статьи включают в себя цифры, которые объединяют результаты из литературы, которую вы просматривали, чтобы рассказать читателям что-то новое.

После этого вы можете приступить к написанию. Как и любая другая статья, она должна иметь введение, которое объясняет, что было сделано ранее (например, в предыдущих обзорах) и что мотивировало вашу обзорную статью (т. е. на какой вопрос вы пытаетесь ответить и для кого). В нем могут быть разделы "методы и результаты", особенно если вы выбрали системный и количественный подход к своему обзору, или это может быть более повествовательный обзор, разделенный на разделы, которые помогут вам рассказать историю и прояснить тему. В нем обязательно должен быть раздел выводов: что должно измениться в результате того, что вы нашли и обсудили в своем обзоре?

Как только вы сделаете это и попросите дружественного коллегу просмотреть его и дать вам обратную связь, вы будете готовы отправить обзор в журнал, который публикует статьи по этой области.

EXCUSES, EXEMPTIONS, AND THE CHALLENGES TO SOCIAL NATURALISM

Heyndels Sybren, Postdoctoral researcher, University College Dublin, Dublin, Ireland

Pamela Hieronymi has authored a very insightful book¹ that focuses on one of the most influential articles in 20th century philosophy: P.F. Strawson's 'Freedom and Resentment' (1962). Hieronymi's principal objective in *Freedom, Resentment, and the Metaphysics of Morals* is to reconstruct and evaluate the central argumentative strategy in Strawson's essay. The author's aim is 'to show that it can withstand the objections that are both the most obvious and the most serious, leaving it a worthy contender' (3). In the present commentary, I summarize the main results of Hieronymi's analysis. I engage with the book's main themes, noting in due course certain unclaritys and some shortcomings, while emphasizing the many valuable insights it offers.

Keywords: freedom; resentment; the metaphysics of morals; Pamela Hieronymi; critical notice.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.1

УДК 009

БАК 24.00.01

© Хейндельс С., 2022

© Григорьева М.А., перевод
с англ., 2022

Heyndels Sybren. Excuses, Exemptions, and the Challenges to Social Naturalism // International Journal of Philosophical Studies. Published Online: 11 Jan 2022.

Перевод с английского
кандидата полит. н.
М.А. Григорьевой

ОПРАВДАНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОМУ НАТУРАЛИЗМУ

Памела Иероними написала очень глубокую книгу², в которой основное внимание уделяется одной из самых влиятельных статей в философии XX века: П.Ф. Стросона "Свобода и негодование" (1962). Основная цель Иероними в "Свободе, негодовании и метафизике морали" состоит в том, чтобы реконструировать и оценить центральную аргументативную стратегию в эссе Стросона. Цель автора – "показать, что она может выдержать самые очевидные и самые серьезные возражения, оставив ей достойного соперника" (3). В настоящем комментарии я резюмирую основные результаты анализа Иероними. Я занимаюсь основными темами книги, со временем отмечая некоторые неясности и некоторые недостатки, подчеркивая при этом множество ценных идей, которые она предлагает³.

Ключевые слова: свобода; негодование; метафизика морали; Памела Иероними; критическое замечание.

1. Ответные установки

Иероними предлагает определение знаменитого понятия Стросона об "ответных установках":

"Таким образом, в общем, ответная установка – это реакция *x* на восприятие *x* или убеждения о качестве воли *y* по отношению к *z*." (8)

Плюс определения Иероними в том, что оно лаконично охватывает три разных подтипа ответных установок. Этими тремя подтипами являются (а) субъективные ответные установки, (б) объективные ответные установки и (в) направленные на себя ответные установки. Когда речь идет о субъективных ответных установках, *x* и *z* (но не *y*) в определении Иероними обозначают одного и того же человека. Например, благодарность и негодование – это реакции на собственное восприятие или веру в чье-

ХЕЙНДЕЛЬС

Сибрен, докторант,
Университетский кол-
ледж Дублина, Дублин,
Ирландия

¹ A Critical Notice by Sybren Heyndels of: *Freedom, Resentment, and the Metaphysics of Morals*, by Pamela Hieronymi, Princeton, NJ, Princeton University Press, 2020, ISBN 9780691194035.

² Критическое замечание Сибрена Хейндельса на "Свободу, негодование и метафизику морали" Памелы Иероними, Принстон, штат Нью-Джерси, Princeton University Press, 2020, (в твердом переплете), ISBN 9780691194035.

³ Ссылки на книгу Иероними, в том числе на ее переиздание "Свободы и негодование" Стросона, будут даваться просто по номеру страницы в скобках.

то качество воли по отношению к себе. Таким образом, благодарность – это *моя* реакция на *мою* веру или восприятие *вашей* благосклонности ко *мне*; негодование или обида – это *моя* реакция на *мою* веру или восприятие *вашей* недоброжелательности по отношению ко *мне*. Когда речь идет об объективных ответных установках, *x*, *y* и *z* относятся к трем разным людям. Например, негодование и нравственное восхищение представляют собой реакции одного на его восприятие или убеждение о чужом качестве воли по отношению к третьему лицу. Когда дело касается направленных на себя ответных установок, *x* и *y* (но не *z*) – это одно и то же лицо. Например, вина – это реакция человека на его восприятие или убеждение в отношении его собственного качества (неприязни) по отношению к другой стороне.

Я предлагаю три замечания по поводу предложенного Иероними определения. Во-первых, недостаточно адекватно обосновывается определение ответных установок как реакций на чье-то *восприятие* или *веру* в чье-то качество воли, а не как реакцию на чье-то качество воли (вообще, в целом). Можно было бы возразить, что предлагаемая характеристика имплицитно трактует все ответные установки (а не только направленные на себя) как реакции на собственные состояния, учитывая, что эти установки определяются как реакции на собственные перцептивные или когнитивные состояния. Хотя Иероними не рассматривает этот вопрос в деталях, я предполагаю, что причина, по которой она обращается к реакциям на чье-то "восприятие или убеждение" (а не на качество воли без дальнейших уточнений), мотивирована тем фактом, что мы можем ошибаться в отношении чьего-либо качества воли. Я действительно думаю, что возможность *ошибки* качества воли предлагает некоторое оправдание для включения квали-

"ТАКИМ ОБРАЗОМ, В ОБЩЕМ, ОТВЕТНАЯ УСТАНОВКА – ЭТО РЕАКЦИЯ *x* НА ВОСПРИЯТИЕ *x* ИЛИ УБЕЖДЕНИЯ О КАЧЕСТВЕ ВОЛИ *y* ПО ОТНОШЕНИЮ К *z*."

фикации в ее определение, но это должно быть молчаливо выведено из контекста, поскольку оно не представлено явно.

Второе замечание заключается в том, что выбор парадигматических примеров ответной установки (таких как благодарность, вина и обида) проблематичен. Благодарность рассматривается и Стросоном, и Иероними как парадигматический пример *субъективной* ответной установки. Но есть определенные разновидности благодарности, которые являются реакцией *не* на то, как кто-то обращался со *мною* (как в первом случае), а, скорее, реакцией на то, как некто обращался с *третьим лицом*, который мне дорог. Например, мать может быть благодарна тому, кто сделал все возможное, чтобы помочь ее сыну. Благодарность, направленная третьей стороной, представляет собой объективную, а не субъективную установку, если следовать определению Иероними, учитывая, что в таком случае *x*, *y* и *z* относятся к разным людям. Хотя Стросон и Иероними могут быть

правы в том, что стандартные случаи благодарности (или другие примеры ответных установок) должны быть охвачены предложенным схематическим анализом, некоторые экземпляры данного подтипа могут также служить примером другого подтипа (что приводит к совпадению в категоризации ответных установок). Такое наблюдение отражает действительную сложность отношений, которые призвано зафиксировать определение.

Третье замечание представляет собой сочувственную поправку к определению Иероними. Иероними характеризует субъективные ответные установки как установки, в которых "один и тот же человек заменяет *x* и *z*"; а направленные на себя ответные установки как установки, в которых "один и тот же человек заменяет *x* и *y*" (8). Следует четко оговорить, что в случае

субъективных ответных установок не только x и z относятся к одному и тому же лицу, но и y относится к другому лицу, отличному от x и z . Точно так же в случае направленных на себя ответных установок z следует понимать как относящийся к *другому* лицу, отличному от x и y . Хотя я сделал явной дополнительную оговорку в моем резюме определения Иероними, это не разоблачает логики самого автора. Хотя из ее примеров ясно, что она действительно считает, что эти уточнения излишни и подразумеваются, явное дополнение определения необходимо для того, чтобы отличить эти типы ответных установок от другого класса ответных установок, не рассматриваемых ни Иероними, ни Стросоном, или любым другим комментатором, насколько мне известно. Последний подкласс – это класс ответных установок, в которых x , y и z относятся к одному и тому же человеку. Этот класс представляет собой *мощь* реакции на мое восприятие или веру в качество воли, которую я выражаю по отношению к себе. Некоторые разновидности ненависти к себе, отвращения к себе или гордости за себя представляют собой яркие примеры таких ответных установок. Подобно классу направленных на себя ответных установок, эти установки касаются *моего собственного* качества воли, но в отличие от класса направленных на себя они касаются не того, как я отношусь к другим, а скорее того, как я отношусь к себе. Другими словами, логически возможно, что все x , y и z могут относиться к одному и тому же лицу, что должно учитываться при любом адекватном анализе. Хотя можно спорить о том, возможно ли концептуально выражение недоброжелательности или доброжелательности по отношению к самому себе, эту возможность не следует сбрасывать со счетов с самого начала.

2. Оправдание и исключение

Предложив определение ответных установок, Иероними предлагает обзор возможностей, при которых уместно модифициро-

вать наши ответные установки. В частности, обзор касается способов, которыми мы, согласно Стросону, *оправдываем* и *исключаем* кого-то. Иероними утверждает, что, когда мы *оправдываем* кого-то, то полагаемся на то, что "ошибались в отношении качества рассматриваемой воли, и поэтому наша реактивная позиция – реакция на наше восприятие или наши убеждения относительно качества этой воли – должны измениться" (9). А когда мы *исключаем* кого-то, это случаи, в которых мы полагаем, что "неприязнь в обычном смысле не имеет значения" (10). В данном случае мы переходим на *объективную* позицию.

Иероними различает три подтипа *исключения*, предложенные Стросоном. К первому подтипу относятся случаи, когда мы временно сбрасываем со счетов чье-то качество воли из-за экстремальных или необычных обстоятельств. Например, мы *исключаем* кого-то, указывая, что он "был не в себе" или "находился под сильным давлением". Вторым подтипом касаются случаев, когда мы не учитываем чье-либо качество воли на основании "более устойчивого состояния" (10), такого как болезнь или незрелость. Третий подтип более своеобразен и возникает, когда мы используем "ресурс" для того, чтобы занять объективную позицию, чтобы рассматривать людей, которые не оказываются в экстремальных или необычных случаях (как в первом подтипе) или недееспособных (как и во втором подтипе). В этих случаях, пишет Стросон, мы используем данный "ресурс" "как убежище, скажем, от напряжения вовлеченности; или как помощь политике; или просто из интеллектуального любопытства" (116). Как хорошо известно Иероними, Стросон "похоже, не хочет" "причислять третий подтип к двум другим" (11). Тем не менее, учитывая, что в этих трех случаях "неприязнь в обычном смысле не имеет для нас значения" (11), она считает их разными видами одного и того же рода.

Есть проблема с приведенной выше характеристикой *оправданий* и *исключений* в

связи с другим замечанием, сделанным Иероними. Последнее связано с нашими ожиданиями и требованиями уважения. В случае оправданий Иероними утверждает, что "требования сохраняются" (12). В случае исключений мы "перестаем предъявлять соответствующие требования" (12). Если добавить эти особенности оправданий и исключений в дополнение к характеристике, приведенной в предыдущем абзаце, то становится ясно, что Иероними придерживается точки зрения, согласно которой, при оправдании срабатывает:

(i) мы ошиблись относительно того, какое качество воли присутствовало.

(ii) однако требования остаются в силе.

В свою очередь при исключении:

(iii) качество воли в обычном смысле не имеет значения.

(iv) требования не остаются в силе.

Однако Иероними также утверждает, что случаи, в которых мы переходим к *оправданию* и, следовательно, признаем свою ошибку в отношении того, какое качество воли присутствовало, включают случаи, когда действующей воли вообще нет (9, fn5)⁴. Например, мы можем ошибочно полагать, что в конкретное взаимодействие был вовлечен кто-то еще (или, конкретнее, имеет место вмешательство со стороны). Иероними подчеркивает, что использование ею термина "оправдание" включает случаи, когда мы "оправдываем" кого-то, кто не обладает волей, кого-то безвольного и слабого (13 fn6). Хотя она признает, что это использование термина "оправдание" равносильно техническому термину, расходящемуся с первоначальным обсуждением Стросона, тем не менее остается несоответствие между использованием технического термина "оправ-

дание" в случае с кем-то безвольным и ее одобрением того факта, что в случае таких "оправданий" наши моральные требования остаются в силе. Ведь в тех случаях, когда мы осознаем, что оперативной воли нет, наши требования *не* останутся прежними.

Чтобы сохранить идею о том, что можно "оправдать" невольные поступки, у Иероними есть несколько примечательных вариантов. Она могла бы отказаться от утверждения, что в случае "оправданий" наши моральные требования всегда остаются в силе. Или она могла провести различие между двумя видами оправданий, в которых мы либо ошибаемся в отношении того, какое качество воли присутствовало, а требования сохраняются; или ошибаемся в том, какое качество воли присутствовало, при этом требования меняются. Я лично склонен воздерживаться от использования термина "оправдание", когда мы признаем отсутствие воли, по следующим тройным причинам. Во-первых, кажется, что нет ни особой необходимости, ни явной выгоды в расширении использования термина на случаи "отсутствия действующего волеизъявления". Более того, попытка расширить анализ приводит к непоследовательности в тех случаях, когда требования остаются на месте, хотя действующей воли вообще нет; что означает, что наши моральные требования остаются в силе, когда мы обнаруживаем, что кого-то использовали в своих интересах, и этот кто-то на самом деле был марионеткой. И, наконец, сам Стросон этого не утверждает – факт, хорошо известный Иероними (13 fn6).⁵

⁴ Хотя Иероними делает это утверждение в (длинной) сноске, я думаю, что важно обсудить это, учитывая, что это имеет последствия (см. раздел 3) для ее общей оценки аргументационной стратегии Стросона. В общем, Иероними слишком часто делает важные философские утверждения в сносках. Их следовало бы обсудить более подробно в основной части текста.

⁵ Заметьте также, что существует обычный смысл дискуссии об "оправдании", которая не предполагает, что некто вообще ошибается в отношении качества воли кого-то, оправдывая его поведение. Можно было бы оправдать его, даже не приступая к анализу качества его воли. Спасибо Джиму О'Ши за то, что он обратил внимание на этот аспект (О'Ши задался вопросом, утверждает ли текст Стросона или подразумевает ли, что оправдание агента за его действия обычно следует после совершения любой такой первоначальной "ошибки").

3. Исключения и статистика

Представление Стросона об ответственности и его интерпретация, предложенная Иероними, позволяют переформулировать предполагаемую несовместимость детерминизма и моральной ответственности: существует ли какой-либо смысл "детерминизма" или "детерминированности", который сделал бы так, что либо (а) мы всегда *оправдываемы*, либо (б) мы всегда *исключаемы*? Стросон утверждает, что ответ в каждом случае – "нет".

В то время как основное внимание Иероними на протяжении всей книги уделяется (а) (относительно *исключений*), возникает несколько замечаний по поводу ее сокращенного обсуждения (б) (относительно *оправданий*). Иероними правильно замечает, что, согласно Стросону, истина детерминизма не может иметь в качестве следствия то,

что мы всегда прибегаем к оправданию, учитывая, что это подразумевало бы "царство всеобщей доброй воли" (117). В самом деле, если возникают мысли, связанные с оправданием, мы узнаем, таким образом, что ошибались, думая, что агент действовал на основе недоброжелательности. Иероними не

акцентирует на этих вопросах, просто заключая, что "первая ревизия (в которой мы приходим к выводу, что "воля не была подавлена") не годится для общего применения" (16). Обратите внимание, что, учитывая идиосинкразическое понимание Иероними класса *оправдательных* соображений, она на самом деле придерживается не только предложению Стросона о том, что универсальное применение оправдательных соображений подразумевает господство "всеобщей доброй воли"; но универсальное применение может также подразумевать, что ни у кого вообще нет воли, или что люди либо имеют добрую волю, либо вообще не имеют воли. Это

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КАКОЙ-
ЛИБО СМЫСЛ
"ДЕТЕРМИНИЗМА" ИЛИ
"ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ",
КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ БЫ ТАК,
ЧТО ЛИБО (А) МЫ ВСЕГДА
ОПРАВДЫВАЕМЫ, ЛИБО
(Б) МЫ ВСЕГДА
ИСКЛЮЧАЕМЫ?

следует из ее характеристики оправданий как уместных, в том числе и в обстоятельствах, в которых отсутствует воля вообще. Вероятно, Иероними склоняется к тому, что нет никакого смысла, в том, что "быть детерминированным" означает отсутствие воли, но явное разъяснение не помешало бы.

Иероними сосредотачивается на утверждении Стросона о том, что детерминизм позволяет нам всегда и во всем находить вариант для *исключения*. Как мы видели, Иероними различает три подтипа исключения: (а) случаи, когда мы игнорируем чью-то волю из-за чрезвычайных или экстраординарных обстоятельств, (б) случаи, когда мы игнорируем чью-то волю по причинам болезни, незрелости или неспособности, (в) случаи, когда мы прибегаем к "ресурсу" в принятии объективного отношения к человеку как к паллиативу против "на-

пряжения вовлеченности". Иероними обсуждает (а)-(б) отдельно от (в). Соответственно, я сначала сосредоточусь на (а)-(б).

(а)-(б) подобны, потому что оба они относятся к *чрезвычайным* случаям. Аргумент Стросона состоит в том, что, поскольку исключения зарезервированы для чрезвычайных

случаев, детерминизм не может подразумевать, что мы всегда можем рассчитывать на исключение, потому что эти случаи не могут обладать универсальностью под гнетом внутреннего противоречия (очевидно, что они не были бы *чрезвычайными*, если бы это было так). Как пишет Стросон, "это не может быть следствием какого-либо тезиса, который сам по себе не противоречив, о том, что отклонение от нормы есть универсальное состояние" (118). Третий подтип исключений отличается от чрезвычайных случаев, потому что он касается случаев, когда мы выбираем объективную позицию по отношению к агенту, не обязательно в том случае,

когда он оказывается в экстремальных или необычных обстоятельствах или есть основания признать его недееспособность.

Анализ аргументации Стросона относительно *чрезвычайных* случаев лежит в основе всеобъемлющего тезиса Иероними. Опираясь не только на "Свободу и негодование", но и на важную, но часто игнорируемую работу Стросона "Социальная мораль и индивидуальный идеал" (опубликованную годом ранее, в 1961 году), она строит тонкую интерпретацию позиции Стросона. Стросон утверждал, что существование человеческого общества предполагает минимальный набор правил, касающихся наших требований и ожиданий по отношению друг к другу; более того, минимальный набор правил требует, чтобы требования такой системы "довольно регулярно выполнялись" (Strawson 1961: 5). Иероними правильно подчеркивает, что стросоновская характеристика этих *правил* допускает всестороннее разнообразие видов требований и ожиданий, на которых основано общество. Несмотря на существование вариаций, Стросон указывает на то, что любой узнаваемый пример человеческого общества должен управляться на основе некоторого проявления связанного набора моральных требований и ожиданий.

Иероними (87) расширяет точку зрения Стросона, утверждая, что система ожиданий и требований частично определяется тем, что является обычным или обыденным по отношению к нашим чисто природным способностям и способностям, привитым обществом. По сути, она утверждает, что природа взаимных ожиданий и требований в любом данном обществе зависит от (потенциально культурно разнообразных) социальных практик несения ответственности и от эмоциональной конституции человека. Чтобы прояснить, как система ожиданий и требований данного общества зависит от естественной конституции, Иероними приводит яркий пример общества, в котором:

"[Мы] все от природы обладали лишь той степенью сдерживающего контроля, внимания и памяти, которой обладаем тогда, когда находимся под воздействием психотропных средств. Система требований и ожиданий, которая сформируется в нашем обществе, сочувствует этим ограничениям. Выставление определенных ожиданий и требований кажутся необоснованными и неоправданными в данной ситуации" (31-32).

В описанном Иероними постоянно одурманенном обществе резонные ожидания в отношении воспоминаний, воспоминаний о событиях, эмоциональных всплесков, интимных взаимодействий и т. д. были бы совершенно другими, учитывая, что измененное психическое состояние было бы нормой. Наши стандарты восприятия скорректируются в сторону понижения. Точно так же, если бы память и внимание были улучшены (путем "улучшения человека"), возникающие в результате ожидания и требования должны были бы быть установлены на гораздо более высоком уровне по сравнению с нашим реальным обществом (81). Обобщение Иероними состоит в том, что "если бы у нас были разные способности, мы жили бы при другой системе требований", что привело бы к разнице "в том, что *считается* проявлением недоброжелательности или пренебрежения" (32). Повторим еще раз: наша система требований и ожиданий "приспособляется к тому, что является типичным или довольно обычным" (33).

Проведенный Иероними анализ аргумента Стросона о том, что детерминизм не может иметь следствием то, что "аномалия является универсальным условием" (118), объясняет само себя. В целом, Иероними предлагает емкую интерпретацию точки зрения Стросона, учитывая богатство понимания, которое она черпает из статьи Стросона "Социальная мораль и индивидуальный идеал". Комментаторы "Свободы и негодования" несправедливо пренебрегли этим ценным ресурсом. Дополнительным достоинством рассуждений Иероними является то, что они показывают, как наше понимание "Сво-

боды и негодования" Стросона может углубиться в сопоставлении с этим эссе.

Я возвращаюсь к рассказу Иероними о "метафизике морали" Стросона в пятом разделе. Чтобы предвосхитить дискуссию, я приведу ниже два замечания. Во-первых, Иероними утверждает, что Стросон предлагает в качестве "аргумента то, что существование общества сводится к удовлетворению необходимых для него условий – типичному соблюдению минимального набора правил" (28). В последней статье (2017) Коутс утверждает, что Стросон развивает этот аргумент в "Свободе и негодовании" и отталкивается от того факта, что мы вовлечены в межличностные отношения в угоду условиям, необходимым для таких отношений, т.е. это принуждает нас нести ответственность за наши действия. Коутс ссылается на работу Стросона о Канте, чтобы подкрепить его трансцендентальное прочтение. Хотя Иероними мимоходом отмечает, что аргумент имеет место быть, она не возвращается к нему, чтобы разъяснить предполагаемую форму трансцендентального аргумента или объяснить, чем ее собственная интерпретация отличается от интерпретации Коутса.

Приведенное выше наблюдение относится к более общему второму пункту. В начале предисловия Иероними утверждает, что "центральный аргумент" статьи Стросона "получил относительно мало внимания" (1). Но это не совсем верно. Исследования по основной аргументационной стратегии Стросона обширны. Хотя Иероними признает в сноске, что другие философы обсуждали эти вопросы до публикации ее книги (она ссылается на Shoemaker & Tognazzini 2015), в книге нет обсуждений того, как ее интерпретация соотносится со многими наиболее известными дискуссиями по аргументам Стросона (и приводит лишь несколько ссылок на эти важные критические antecedенты). Важно отметить, что работы, опубликованные в последние годы, вполне соответствуют собственному анализу Иеро-

ними. В частности, в последние годы много было опубликовано о так называемом "обратном ходе" Стросона, которое касается отношения между "быть ответственным" и "нести ответственность". "Обратный ход" обозначает идею, часто приписываемую Стросону, о том, что "привлечение к ответственности" в некотором смысле должно быть уточнено до "нести ответственность"; или что моральная ответственность является своего рода "зависимой от реакции" концепцией. Тодд (2016) убедительно утверждал, что многие комментаторы не смогли должным образом разъяснить "обратный ход". Недавно опубликованные работы призваны исправить это упущение (Shoemaker 2017, Beglin 2018, McGeer 2019, De Mesel & Heyndels 2019, De Mesel 2021).

В соответствии с общепринятой интерпретацией "обратного хода", акт привлечения к ответственности подтверждает, что кто-то несет ответственность за конкретное действие. Недостатки этой идеи очевидны. Предлагаемая точка зрения не допускает возможности *ошибок* при возложении моральной ответственности за то или иное действие. Бывают случаи, когда быть ответственным и действительно нести ответственность расходятся. Хотя многие авторы критиковали "обратный ход" именно по этой причине, они часто принимали это возражение за критику действительных взглядов Стросона. Однако в нашей соавторской статье "Факты и практика моральной ответственности" (2019) мы с Бенджамином де Мезелем утверждаем, что обратный ход Стросона не следует понимать в этом ключе. По нашему мнению, вместо того, чтобы устанавливать, несет ли кто-либо ответственность за конкретное действие, наша практика привлечения к ответственности фиксирует *критерии*, по которым кто-то может *считаться* ответственным за определенное действие (или критерии, по которым действие считается выражением пренебрежения или недоброжелательности в

первую очередь). Кроме того, мы добавляем, что эти критерии ответственности фиксируются не только нашими *социальными* практиками, но и чем-то, что является частью нашей природы. Если бы это что-то, что является частью нашей *природы*, изменилось, это в равной степени повлияло бы на критерии того, что считается ответственностью за конкретное действие, или на критерии того, что считается пренебрежением.

Хотя Иероними не прослеживает этой связи, ее описание хорошо согласуется с нашим и другими описаниями обратного хода. Что нового в предложении Иероними, так это то, что оно показывает, как понимание "обратного хода" как фиксации *критериев* моральной ответственности проливает свет на аргумент Стросона о том, что истина детерминизма не может привести к тому, что мы обычно исключаем. Учитывая, что мы освобождаем от ответственности только в *исключительных* случаях, это не может быть следствием какого-либо утверждения о том, что исключительные случаи применяются все время. Статистика имеет значение в том смысле, что то, что *считается* моральной ответственностью, зависит от наших реальных практик требовать и ожидать чего-то друг от друга, что зависит от фактов о *социальных* практиках, а также от того, что связано с нашими *природными* способностями (87). Если эти социальные практики или способности изменятся, то и критерии того, что считается моральной ответственностью за конкретное действие, также претерпят изменения. Как пишет Иероними: "в социально-натуралистической картине Стросона моральные стандарты [...] конституируются, по крайней мере частично, реальной моральной практикой" (75). Это совместимо с идеей о том, что *любое* узнаваемое человеческое общество должно иметь *некий* набор правил, лежащих в основе наших практик моральной ответственности, которые управляют нашей системой требований и ожиданий.

4. "Ресурс" и потребность в оправдании

До сих пор я комментировал интерпретации Иероними первых двух подтипов *исключений*: исключения в чрезвычайных случаях, когда мы игнорируем чью-то волю на основании чрезвычайных или экстраординарных обстоятельств, и случаи, когда мы не учитываем чью-то волю в силу болезни, незрелости или недееспособности. Стросон считает, что наличие обстоятельств не может освободить нас ни при каких условиях, потому что чрезвычайные случаи не могут применяться всякий раз. Но Иероними находит третий подтип освобождения в "Свободе и негодовании": исключения в обычных (не чрезвычайных) случаях, в которых мы, тем не менее, выбираем "объективную позицию", потому что стремимся избежать напряжения вовлеченности. Соответственно, Стросон размышляет, может ли истина детерминизма *освободить* нас от этого третьего пути. Учитывая, что Стросон допускает, что *обычно* мы можем занимать "объективную позицию", инкомпатибилист мог бы спросить, *всегда* ли мы должны занимать такую позицию (например, верен ли детерминизм)? В данном контексте бесполезно указывать, что истина детерминизма не может принимать в качестве следствия то, что *чрезвычайные* случаи применимы повсеместно, поскольку обсуждаемые ситуации – это те, в которых мы занимаем объективную позицию в случаях, которые не являются исключительными.

Таким образом, Иероними анализирует рассуждения Стросона о возможности того, что истина детерминизма подразумевает, что мы *всегда должны* прибегать к этому ресурсу. Иероними отмечает, что изначально Стросон, кажется, отвечает на вопрос о том, можем ли мы использовать этот ресурс все время. Стросон пишет, что "устойчивая объективность межличностных отношений... [не будучи] чем-то, на что люди были бы способны" (118) (вопрос эмпирического характера) не *оправдывает* того, почему мы

имеем право участвовать в этих межличностных отношениях. Как пишет Иероними, Стросон "похоже, не затронул вопрос о том, должны ли мы всегда использовать наш ресурс. Я называю это "решающим возражением"" (51). Инкомпатибилист согласится с тем, что мы не можем отказать от таких отношений, но тем не менее *должны* это сделать, если детерминизм верен. Возникает возможность того, что мы естественным образом привержены практике, которая сама по себе неоправдана.

Аргумент иллюстрирует часто повторяемый в литературе тезис о "Свободе и негодовании" Стросона. Например, Гэри Уотсон называет ответ Стросона (который он считает неадекватным) "аргументом о психологической неизбежности":

"Что меня, однако, озадачивает, так это предшествующий вопрос о том, насколько это утверждение диалектически релевантно. Так что, если это правда? Что побуждает к "пессимизму" или скептицизму, так это беспокойство или убежденность в том, что существует или вполне может существовать общее "теоретическое основание" для отказа от нашего чувства ответственности [...]. Если предположить, что это убеждение верно, мы не сможем соответствующим образом скорректировать свою жизнь (потому что не сможем принять или "впитать" ее истину), в остальном позиция этих собеседников остается совершенно нетронутой. Какую же работу, в таком случае, должен выполнять аргумент психологической неизбежности?" (Watson 2014, 25-26)

Аналогичным образом, утверждение о "психологической неизбежности" – это то, что, по мнению Пола Рассела (1992), лежит в основе натуралистической (в отличие от рационалистической) стратегии Стросона. Андраш Сигети назвал его "аргументами неизбежности" Стросона, поскольку "они движутся от диагноза неизбежности практики к заключению, что практика оправдана" (Szigeti 2012, 92).

Как подчеркивает оппонент Стросона, утверждение, что "практически немисли-

МОЖЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ
ОБЩЕЕ "ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСНОВАНИЕ" ДЛЯ ОТКАЗА
ОТ НАШЕГО ЧУВСТВА
ОТВЕТСТВЕННОСТИ [...].

мо" отказаться от ответных установок, лежащих в основе наших практик ответственности (и системы требований и ожиданий, которые идут вместе с ними), не означает, что эти практики оправданы. Иероними хорошо справляется с тем, чтобы в качестве

ответной реплики Стросона приводит его собственный фактический ответ на это замечание. Стросон не игнорирует возможность такого возражения, он пишет: "можно сказать, что все это оставляет настоя-

щий вопрос без ответа [...] поскольку настоящий вопрос – это не вопрос о том, что мы на самом деле делаем, или почему мы это делаем. Это даже не вопрос о том, что бы мы на самом деле делали, если бы определенное теоретическое убеждение получило всеобщее признание. Это вопрос о том, что было бы *рационально* делать, если бы детерминизм был истинным, как и вопрос о рациональном обосновании обычных межличностных установок в целом" (120). Далее Стросон утверждает, что такая линия мысли может прийти в голову только тому, "кто совершенно не понял смысла" его ответа, потому что "его приверженность [обычным межличностным установкам] является частью общей структуры человеческой жизни, а не чем-то, что может быть пересмотрено, как могут быть пересмотрены конкретные случаи в рамках этой общей структуры" (120). Иероними справедливо связывает эти идеи с утверждением Стросона о том, что "общая структура установок [...] не требует и не допускает внешнего "рационального" обоснования", но допускает лишь "вопросы обоснования [которые] являются внутренними для структуры" (131). Поэтому, чтобы ответить оппоненту Стросона, Иероними должна понять смысл *отказа* Стросона от *потребности в оправдании*. Это важный момент, который не получил достаточной оценки в литературе о "Свободе и негодовании" (см.: De Mesel 2018).

Различие между внутренним и внешним, утверждает Иероними, лежит в основе натурализма Стросона. Хотя некоторые авторы связывают натуралистическую стратегию Стросона в "Свободе и негодовании" с его более поздней работой "Скептицизм и натурализм" (1985), многие упустили из виду девятую главу первой книги Стросона "Введение в логическую теорию" (1952). Эта глава, которую Куайн (1953, 433) в своей рецензии назвал "превосходным маленьким философским эссе", посвящена теме обоснования наших основных канонов индукции. Иероними, однако, замечает, что отказ Стросона от обосновывающего требования в "Свободе и негодовании" напоминает его отказ от обосновывающего требования индукции во "Введении в логическую теорию" (относительно менее известном труде). В последней работе Стросон утверждает, что имеет смысл *обосновывать* отдельные части индуктивного рассуждения для поддержки *определенных* убеждений, а не стремиться *обосновать* индукцию как таковую. Как утверждает Иероними, отказ Стросона от требования обоснования напоминает антискептическую стратегию Витгенштейна в "Определенности", и она приводит четкие примеры, подтверждающие наблюдение, что Стросон явно демонстрирует влияние, которое оказала "Определенность" на его социальный натурализм в "Свободе и негодовании".

Хотя я одобряю и согласен с данной интерпретацией Стросона, тем не менее, я сомневаюсь, что Иероними до конца удалось убедить некомпаративистов в бессмысленности их вопроса о "внешнем" оправдании нашей практики в целом. Что необходимо, но отсутствует в дискуссии Иероними, так это гораздо более подробное изложение витгенштейнианского основания взглядов Стросона, подкрепленное с помощью богатого арсенала примеров аналогичных случаев, в которых потребность в оправдании представляется бессмысленной. Перспективной стратегией, на мой взгляд, является соеди-

нение предложенной витгенштейновской линии мысли с карнаповским различением внутренних и внешних вопросов, которое сам Стросон вполне мог предусмотреть при написании "Свободы и негодования". Вполне можно доказать, что общий метод Стросона в этой работе состоит в том, чтобы *описать* наши фактически принятые критерии для признания кого-то ответственным (*внутренние* для нашей практики), чтобы объяснить, как эти критерии уходят корнями в наши естественные способности; и утверждать, что любое понятие моральной ответственности, допускающее возможность того, что наши атрибуции моральной ответственности *всегда и во всем* ошибочны, будет радикально отличаться от нашего фактического понятия моральной ответственности (понятия, *внешнего* для нашей практики) (см.: Heyndels 2019).

Я думаю, что такой подход имеет преимущество в том, что он связан с современными дискуссиями в смежных областях. В качестве примера можно привести возрождение неокарнапских подходов в (мета)онтологии, где различие "внутреннее/внешнее" используется для того, чтобы показать, что некоторые элиминативистские предложения, согласно которым обычные объекты, такие как столы и стулья, не существуют, на самом деле должны интерпретироваться как (неявные) новые употребления таких слов, как "стол" и "стул", которые существенно отличаются от нашего фактического употребления. Учитывая расхождение с реальным употреблением, ответ элиминативиста не влияет ни на какие реальные онтологические вопросы, которые могут возникнуть в нашей практике. Другой пример касается подходов, которые стремятся показать, что инкомпатибилист минимально преуспевает в утверждении, что только чрезмерно требовательное понятие способности поступать иначе тривиально не выполняется, если детерминизм истинен (понятие, *внешнее* по отношению к нашей практике), но что существует надежный и обычный смысл

способности поступать иначе, которому не угрожает детерминизм (понятие, *внутреннее* по отношению к нашей практике). Я считаю, что некоторые *контекстуалистские* концепции (на которые влияют аналогичные контекстуалистские стратегии против скептицизма в отношении знания) являются перспективными в этом отношении. Я также обращаю внимание на недавний аргумент Кристиана Листа (2019) о том, что детерминизм несовместим с *физической* возможностью сделать иначе, но совместим с *психологической* возможностью сделать иначе. (Настоящие замечания носят лишь рекомендательный характер; полное обсуждение жизнеспособности этого аргумента выходит за рамки данного критического замечания).

5. Социальный натурализм

Самым оригинальным вкладом книги является защита Иероними и расширение социального натурализма Стросона. Термин "социальный натурализм" был введен Стросоном в его работе "*Скептицизм и натурализм*", поэтому он не встречается в его более ранней работе "*Свобода и негодование*". Тем не менее, Иероними использует этот термин для обозначения "метафизики морали" Стросона (как она ее называет) в "*Свободе и негодовании*". Позиция Иероними изложена в ответ на возможное возражение против утверждения, что наша система требований и ожиданий "приспосабливается к тому, что является типичным или терпимо обычным" (33). Эта точка зрения, кажется, подразумевает, что *моральное* должно быть приравнено к *обыденному*. Но это кажется глубоко ошибочным. В истории нашего вида есть множество примеров, когда морально сомнительное или неправильное поведение нормализуется. Чтобы сделать позицию Стросона убедительной, Иероними должна объяснить, как в изложении Стросона может присутствовать идея о том, что *критика* наших обычных стандартов возможна. Хотя Стросон намекает на то, что в нашей

практике есть место для "бесконечных модификаций, перенаправлений, критики" (131), он не развивает эту мысль. Цель Иероними – исправить упущение.

Иероними развивает контуры (того, что я бы назвал) *динамического* социального натурализма о том, как формируется наша система требований и ожиданий. Есть две центральные идеи. Первая – заключается в том, что в рамках нашей практики существует *давление*, заставляющее корректировать нашу систему требований и ожиданий в соответствии с ограничениями нашей фактической природной конституции и социальными привычками, навязанными традициями. Это, как подчеркивает Иероними, отражает реальный (и иногда трагический) факт человеческого состояния. Но, несмотря на "эмоциональное и межличностное давление, вынуждающее соответствовать большинству или доминирующей позиции" (90), существует и *контрдавление*, позволяющее критиковать эти ограничения. Критика может принимать форму защиты стандартов отношений, представляющих собой определенные *идеалы*, которым человек привержен и которые можно поддерживать, даже если идеальные стандарты отношения чаще всего нарушаются. Отстаивать такие идеалы в мире, где стандарты отношений нарушаются почти повсеместно, очень не просто. Хотя критика реальной практики может привести к фактическим изменениям, она также может привести к тому, что человек будет *исключен* из обычных межличностных отношений. Как пишет Иероними, "со временем, скорее всего, они либо ополчатся против вас (список мученически погибших реформаторов морали очень длинный), либо начнут использовать свой ресурс, чтобы реагировать на вас более объективно: вы станете проблемой, вопросом, или, возможно, своего рода диковинкой или музейным экспонатом. Тогда вы останетесь за рамками обычных межличностных отношений" (86).

Работа Иероними представляет собой своего рода "метанормативную" теорию того, как возникает, развивается и изменяется система моральных норм. Характеристика Иероними "давления и контрдавления" систем, кажется, отражает фундаментальное напряжение, лежащее в основе нашей моральной практики, в которой есть как традиционные силы, направленные на сохранение статус-кво, так и более революционные силы, направленные на выход за его пределы. Вместо того чтобы рассматривать эту двойственность как противоречие, Иероними в протогегельянской манере утверждает, что "противоречие" на самом деле является существенным аспектом нашего сообщества как морального агента. Ее взгляды, несомненно, представляют собой захватывающее предложение, заслуживающее более детальной проработки, чем была проделана здесь.

Лучшие идеи в книге появляются, когда Иероними откладывает в сторону вопрос о (не)совместимости моральной ответственности и детерминизма, чтобы охарактеризовать и раскрыть социально натуралистическую концепцию Стросона о системах моральных требований и ожиданий. Это позитивное изложение интересно само по себе, независимо от дебатов о несовместимости/совместимости. Лично я думаю, что ценность исследования Стросона заключается не в его возможности "победить" некомпатибилиста, а скорее в его способности *объяснить* природу дебатов между некомпатибилизмом и компатибилизмом. На самом деле, я думаю, что *динамическая* картина Иероними того, как возникают и развиваются наши моральные требования и ожидания, содержит основные ингредиенты для характеристики сути дебатов между компатибилизмом и некомпатибилизмом как динамического напряжения, лежащего в основе

НАШИ МОРАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ САМИ ПО СЕБЕ
СОДЕРЖАТ КАК СТРЕМЛЕНИЕ
К СТАТУС-КВО НАШИХ
ФАКТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ,
ТАК И ЖЕЛАНИЕ ВЫЙТИ ЗА
ПРЕДЕЛЫ И ИЗМЕНИТЬ ЭТИ
СТАНДАРТЫ.

самой нашей моральной практики. Наши моральные практики сами по себе содержат как стремление к статус-кво наших фактических стандартов, так и желание *выйти за пределы* и *изменить* эти стандарты. В таком случае позиция некомпатибилиста коренится в нашей реальной моральной практике, в том смысле, что требование трансцендировать наши реальные критерии моральной ответственности является частью

этой самой практики, так же как и сами реальные критерии являются частью этой самой практики (что компатибилист будет подчеркивать снова и снова). В свете вечно продолжающихся дебатов между компатибилизмом и некомпатибилизмом про-

блема свободы воли, похоже, требует не решения, а скорее *объяснения* того, как напряжение, лежащее в основе самой проблемы, коренится в нашей практике.

6. Заключение

В целом, "Свобода, негодование и метафизика морали" Иероними – очень пронзительная книга. Она не только дает правдоподобную интерпретацию влиятельной работы Стросона "Свобода и негодование", но и успешно развивает ее в оригинальном и захватывающем ключе. Это одно из лучших и наиболее подробных обсуждений аргументации Стросона, когда-либо появлявшихся на свет. По этим причинам она является необходимым чтением для всех, кто интересуется философией Стросона или более широкой литературой о моральной ответственности, в которую она также вносит свой вклад. Помимо ряда мелких критических замечаний, я отметил два общих возражения. Первое заключается в том, что Иероними не уделяет достаточного внимания множеству схожих и несхожих интерпретаций Стросона, сложившихся в лите-

ратуре на сегодняшний день. Хотя изложение Иероними достаточно ясное и оригинальное, чтобы не погрязнуть в чрезмерно запутанном анализе, однако указанным выше областям можно было бы уделить чуть больше внимания. Второе замечание заключается в том, что картина социального натурализма, развиваемая в ходе книги, заслуживает более подробного рассмотрения. При всей увлекательности изложения Иероними, оно, тем не менее, требует уточнений и нюансов. Если общие возращения сводятся не более чем к желанию услышать от автора больше на эти темы, то можно с уверенностью сказать, что Иероними удалось создать превосходную философскую работу.⁶

References

- Beglin, David. 2018. Responsibility, Libertarians, and the "Fact as We Know Them": A Concern-Based Construal of Strawson's Reversal. *Ethics* 128 (3): 612-625.
- Coates, D. Justin. 2017. Strawson's modest transcendental argument. *British Journal for the History of Philosophy* 25 (4): 799-822.
- De Mesel, Benjamin. 2018. Are our moral responsibility practices justified? Wittgenstein, Strawson and justification in 'Freedom and Resentment'. *British Journal for the History of Philosophy* 26 (3): 603-614.
- De Mesel, Benjamin. 2021. Early View. Being and Holding responsible. Reconciling the Disputants Through a Meaning-Based Strawsonian Account. *Philosophical Studies*.
- De Mesel, B. & Heyndels, S. 2019. The Facts and Practices of Moral Responsibility. *Pacific Philosophical Quarterly* 100 (3): 790-811.

- Heyndels, S. 2019. Strawson's Method in 'Freedom and Resentment'. *Journal of Ethics* 23 (4): 407-423.
- Hieronymi, Pamela. 2020. *Freedom, Resentment, and the Metaphysics of Morals*. Princeton: Princeton University Press.
- List, Christian. 2019. *Why Free Will is Real*. Cambridge: Harvard University Press.
- McGeer, Victoria. 2019. Scaffolding agency: A proleptic account of the reactive attitudes. *European Journal of Philosophy* 27 (2): 301-323.
- Quine, Willard van Orman, 1953. Mr. Strawson on Logical Theory. *Mind* 62: 433-451.
- Russell, Paul. 1992. Strawson's Way of Naturalizing Responsibility. *Ethics* 102 (2): 287-302.
- Shoemaker, David. 2017. Response-Dependent Responsibility: or, A Funny Thing Happened on the Way to Blame. *The Philosophical Review*, 126 (4): 481-527.
- Shoemaker, D. & Tognazzini, N. 2014. *Oxford Studies in Agency and Responsibility, Volume 2: 'Freedom and Resentment'*. Oxford: Oxford University Press.
- Strawson, P.F. 1952. *Introduction to Logical Theory*. London: Methuen.
- Strawson, P.F. 1961. Social Morality and Individual Ideal. *Philosophy* 36 (136): 1-17.
- Strawson, P.F. 1985. *Skepticism and Naturalism*. New York: Columbia University Press.
- Strawson, P.F. (1962) 2020. *Freedom and Resentment*. In *Freedom, Resentment, and the Metaphysics of Morals* by P. Hieronymi, 107-133. Princeton: Princeton University Press.
- Szigeti, Andras. 2012. Revisiting Strawsonian Arguments from Inescapability. *Philosophica* 85 (2): 91-121.
- Todd, Patrick. 2016. Strawson, moral responsibility, and the "Order of Explanation": An intervention. *Ethics* 127 (1): 208-240.
- Watson, Gary. 2014. Peter Strawson on Responsibility and Sociality. In *Oxford Studies in Agency and Responsibility, Volume 2*, 15-32. Oxford: Oxford University Press.

⁶ Это исследование финансировалось Ирландским исследовательским советом. Я хотел бы поблагодарить Benjamin De Mesel и Jim O'Shea за полезные отзывы.

Grigorev Anatoly Fedorovich, DSc of Cultural science, PhD of Pedagogical science, Honored worker of arts ChR, member of Union of composers of Russian Federation, Professor, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

The purpose of the article is to trace in historical retrospect the trends of human relationships with culture in space and time. Throughout the history of the development and evolution of Russian society, human attitudes to culture have been changing. How and why these relationships changed, and what factors accompanied these processes, determines the objectives of the study. Scientific novelty is characterized by the identification of factors affecting a person's relationship to culture in space and time. As a result, the conclusion about the interdependence and interdependence in the relations between man and culture is formulated and theoretically substantiated that the development of society is accompanied by a person's interest in culture for highly artistic examples of art, and vice versa, the dominance of popular easily accessible culture causes a tendency to degradation of society.

Keywords: man; culture; original national cultures; ancient archaic worldview; anthropomorphism and metaphoricity; mythopoeticism; moral and aesthetic integrity of images; ancient archaic ideological anthropometaphoric component.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.2

ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ: ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 008

БАК 24.00.01

© Григорьев А.Ф., 2022

Цель статьи – проследить в исторической ретроспективе тенденции взаимосвязей человека с культурой в пространстве и времени. На протяжении всей истории развития и эволюции российского общества меняются отношения человека к культуре. Научная новизна характеризуется выявлением факторов, влияющих на отношения человека к культуре в пространстве и времени. В результате сформулирован и теоретически обоснован вывод о взаимообусловленности и взаимозависимости в отношениях человека и культуры о том, что развитие общества сопровождается интересом человека к культуре к высокохудожественным образцам искусства, и наоборот, доминирование популярной легкодоступной культуры обуславливает тенденцию к деградации общества.

Ключевые слова: человек; культура; самобытные национальные культуры; древняя архаичность мировосприятия; антропоморфизм и метафоричность; мифопоэтичность; нравственно-эстетическая целостность образов; древне-архаический мировоззренческий антропометафорический компонент.

Вызовы современного развития общества в условиях растущей глобализации, сопровождаемой, с одной стороны, – технологизацией и цифровизацией во всех общественных сферах, а с другой – утратой традиционных ценностей, разрушением духовно-нравственных и моральных устоев в обществе побуждают к осмыслению новых отношений человека к культуре и искусству, в связи с чем поиска новых образовательных ресурсов, педагогических технологий, отвечающим новым вызовам времени" [5, С.11-16.].

Обзор научной литературы по вопросу взаимосвязи культуры, человека и общества дает основание полагать, что данная проблематика всегда была и остается под пристальным вниманием ученых. Культура во все времена являлась тем подвижным механизмом и средством, которые выводят человечество на новый цивилизационный уровень материального и духовно-

ГРИГОРЬЕВ

Анатолий

Федорович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, заслуженный деятель искусств

Чеченской Республики, член Союза композиторов Российской Федерации, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт, главный редактор журнала KANT, Ставрополь

го развития. По И. Гердеру, культура создается в процессе человеческой практики, преобразования природного и социального мира [4, С.31]. Очевидно, что, создавая культуру, человек одновременно создает самого себя, и в этом смысле генезис человека есть генезис культуры, и наоборот. Именно духовная константа культуры определяет эволюцию общества. Еще в начале XX века русский философ Н.А. Бердяев, размышляя о русской духовности, лаконично подметил: "всякая культура есть культура духа" [1, С.167].

Однако сегодня роль культуры и искусства как носителей традиционных ценностей явно недооценена. На одной из дискуссий режиссер К.Г. Шахназаров очень точно отметил: "Культура не имеет границ, но культура имеет корни". "Есть опасение продолжил режиссер, что... следующее или другое поколение, воспитанное уже в отсутствие культурного суверенитета или в иных культурных традициях, захочет ли оно вообще сохранять политический суверенитет страны?" И в данном случае вопрос идет уже не просто о сохранении культуры, а сохранении в итоге политического суверенитета государства.

Научное и общественное сообщества справедливо озабочены сохранением традиционной культуры и искусства и отмечают отсутствие в России внятной государственной политики в отношении культуры, что прослеживается в тенденциях к заметному снижению уровня культуры в обществе, т.е. деградации современного общества. Высоко оценивая роль культуры и признавая ее огромный культурный потенциал, В.В. Путин в одном из своих ежегодных посланий Федеральному собранию отметил: "... что этот потенциал до сих пор используется не в полной мере... Реализуемый комплекс государственных мер при положительной динамике отдельных показателей... пока не оказал решающего позитивного влияния на

ситуацию в культуре, позиции которой были серьезно подорваны в 90-е годы" [14]. Исторически многонациональная Россия, объединившая многие аутентичные этносы, обеспечивает сохранение традиционной национальной культуры и традиций всех народов, что является одной из стратегически приоритетных задач культурной государственной политики правительства Российской Федерации.

Очевидно, что в условиях кризиса глобализации задачи государственной политики в отношении культуры должны быть сосредоточены на реализации стратегии опережающего развития, воссоздавая цивилизационные образы России как одного из полюсов многополярного мира, с одной стороны, и воспитание человека российской культуры через свою цивилизационно-идентичную образовательную модель – с другой. Таким образом, наличие явного противоре-

чия актуализирует проблематику статьи и определяет ее цель и задачи. В соответствии с целью были определены следующие задачи:

- осуществить общий анализ накопленных научных знаний в становлении и развитии отечественной культуры;
- выявить факторы и процессы, влияющие на динамику развития отечественной культуры в исторической ретроспективе;
- как и почему менялись отношения человека к культуре и потребность в ней, и какие факторы эти процессы сопровождали?
- проследить тенденции взаимосвязей человека с культурой в пространстве и времени.

Методологическую основу исследования составили, обусловленные объективной связью человека с культурой как системой ценности культурологический подход, рассматривающий национальную культуру как органическую часть общечеловеческой культуры и раскрывающий культурообразующую функцию социальной среды; лич-

"КУЛЬТУРА НЕ ИМЕЕТ ГРАНИЦ, НО КУЛЬТУРА ИМЕЕТ КОРНИ"

ностно-деятельностный подход к изучению культурно-исторических ценностей, позволяющий творчески использовать духовно-ценностный опыт предшествующих поколений.

При всём разнообразии применяемых методов научного поиска, их объединяла единая сущностная черта

– в каждом неизменно содержались требования всеобщего диалектического метода познания. Соответственно все использованные технологии изучения так или иначе помогали полноценному рассмотрению объекта в движении и развитии, в его связях и отношениях, в единстве общего и особенного, необходимого и случайного, абстрактного и конкретного, логического и исторического.

Очевидно, что процесс зарождения культуры теснейшим образом взаимосвязан с жизнедеятельностью человека, осмыслением микро- и макрокосмоса, отношением к природной среде и ко всему, что его окружало. Собственно, культура как результат материально-духовной жизнедеятельности человека и его творчества воплощала и отображала все изменения в обществе, веками накапливая и сосредотачивая в себе все духовные и нравственные ценности, создаваемые человеком на протяжении всей его культурной эволюции от первобытно-общинной до современной цифровой эпохи. В этой связи уместно вспомнить И. Канта, который говорил о процессе культурной эволюции человека как о развитии объективного духа и его воплощение в материально-практическую деятельность людей [9]. Э. Кассирер вкладывал в культуру также глубокий философский смысл, отождествляя ее с "символической вселенной" и представляя ее процессом "человеческого самоосвобождения" [10]. Осмысление культуры как фено-

мена и результата человеческой деятельности во все времена было и остается актуальной научной проблемой.

Прослеживая вопрос отношения человека к культуре в исторической ретроспективе, обратим внимание на существенные изменения этих отношений на протяжении

всей человеческой эволюции. Оговорим, что в статье будут рассматриваться взаимоотношения человека и культуры на примере отечественной культуры. Известно несколько подходов в определении понятия "культура России". Соглашусь с представлением отечественной культуры как

совокупности различных национальных культур, связанных со спецификой русской культуры, что в известной мере объясняется своеобразием природных условий, социокультурного окружения, обширным территориальным пространством, а также общим колоритом исторической эпохи. [11]

В оценке специфики русской культуры, исхожу из понимания ее как одной из самобытных национальных культур, сформировавшихся на огромной территории в процессе поликультурного взаимопроникновения различных народов под влиянием целого ряда факторов и условий. Подчеркивая самобытность русской культуры, Г.В. Плеханов, Н.А. Бердяев и В.С. Соловьев отмечали в ней заимствования обычаев и традиций разных народов, что вполне оправдано осуществлялось в результате многовекового поликультурного взаимодействия под влиянием миграционных процессов. Эта самобытность обосновывается огромной территориальной протяженностью России, на которой, по выражению Н.А. Бердяева, сталкиваются два потока мировой истории Запада и Востока.

Зародившись в недрах ритуально-обрядовых культовых практик, когда человек, пытаясь познать окружающий мир, мифо-

КАССИРЕР ВКЛАДЫВАЛ
В КУЛЬТУРУ ТАКЖЕ
ГЛУБОКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ
СМЫСЛ, ОТОЖДЕСТВЛЯЯ ЕЕ
С "СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ВСЕЛЕННОЙ" И ПРЕДСТАВЛЯЯ
ЕЕ ПРОЦЕССОМ
"ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
САМООСВОБОЖДЕНИЯ"

логизировал природу и поклонялся языческим богам, культура явилась духовной первоосновой человека по пути его дальнейшего цивилизационного развития и совершенствования. И. Кант, пытаясь постичь сущность культуры, говорил о выходе человека из природы в культуру [9]. Тесно взаимодействуя с природой, человек познавал мир, постигал законы функционирования и развития, именно взаимосвязь человека с природой, ее одухотворение и обожествление придает мощный импульс развитию феномена народного художественного творчества. Природа, существующая в пространстве и времени, по мифологическим древнеязыческим представлениям, была населена богами, олицетворяющими не только силы природы, но и человеческие нравственные ценности. Силам природы придавался личностный характер. Почитая своих предков и преклоняясь перед силами природы, человек, обожествляя и одухотворяя их, верил в наличие родственных связей с природными явлениями. [4] Следы такого древнего архаического мировосприятия, метафоричности мышления, символизации образов наиболее целостно сохранились именно в устном и песенном фольклоре славян.

Древняя архаичность мировосприятия пространства и времени надолго запечатлела и воплотила мифологические представления славян Средневековья о различных объектах культурного ландшафта. В этих представлениях выражалось особое, впоследствии утраченное отношение человека к миру природы. В эпоху раннего Средневековья антропоморфизм и метафоричность особенно в устном и песенном фольклоре представляются формой и средством поэтического воплощения мифологизированного мировосприятия архаичного человека [8]. Антропоморфизм как способ объяснения явлений окружающего мира, распространенный, прежде всего, в первобытных архаических культурах, явился поэтическим очеловечиванием природы, когда перенесение человеческого образа и его свойств осу-

ществлялось на неодушевленные предметы и одушевленные существа, явления и силы природы, и им приписывался образ мышления и восприятия, свойственный человеческому сознанию. Характерным для этого периода является то, что антропоморфизм был свойственен большинству религиозных систем и выражался в перенесении физических свойств и психических качеств человека на предметы поклонения.

Люди языческой Руси считали, что в мире существуют универсальные пространственные связи: все связано в природе, на небе и на земле, а человек связан с природой и включен в эти связи, которые управляют человеком как внешняя сила. На этой основе природа очеловечивалась в поэтической форме.

Взаимосвязь человека с природой явилась духовной и нравственно-эстетической основой становления и развития различных видов народного художественного творчества, впитавшего традиции языческого древне-архаического мировосприятия окружающего мира, в котором господствовали еще антропоморфическое объяснение мира и нерасчлененная метафорическая сопричастность к окружающей человека природно-климатической среде.

При том, что генезис зарождения различных видов народного творчества и впоследствии того, что мы называем искусством до конца остается пока не исследованной областью, можно предположить, что именно древне-архаический мировоззренческий антропометафорический компонент явился питательной основой зарождения языков различных видов творчества и искусства: национально-ладовых музыкальных интонаций, метроритмических и других специфических особенностей, что позже мы назовем "музыкальным языком", лексикой народного танца и собственно языком культуры. Язык культуры через систему символов включает все те средства и способы освоения и осмысления мира, которые позволяют человеку общаться и взаимодействовать

с миром, запечатлевать свой опыт, создавать новое и передавать все это, включая возможность делать это опосредованно – преодолевая барьеры времени и пространства.

Не погружаясь глубоко в искусствоведческую область, отмечу, что народно-художественное творчество, зародившись как синкретическое единство музыки, танца и театрального действия, на протяжении многих веков развивается под влиянием природно-климатической среды, миграционных поликультурных процессов, образа жизнедеятельности, поликультурного межнационального взаимопроникновения и т.д. Весь этот комплекс факторов и процессов, влияющих на развитие культуры и отношения человека с культурой, в совокупности определяется хронотопом или пространством и временем конкретной эпохи. Вот почему этносы создают свою неповторимую картину мира, специфическую народную культуру с неповторимыми феноменальными образцами музыки, песен, танцев, декоративно-прикладных образцов творчества. При этом различные виды народно-художественного творчества и народное искусство в целом "как форма художественно-творческой деятельности и эстетического отношения к миру, являясь продуктом и результатом специфической духовно-практической деятельности своего этноса, реализует в процессе художественной деятельности свои функции и становится фундаментальной генетической основой в формировании и ретрансляции духовных, нравственно-эстетических, мировоззренческих личностных ценностей и эмоционально-образных чувств человека" [4, С. 77].

Таким образом, в эпоху древней средневековой архаичности, когда человек особенно остро ощущал свою нерасчлененную сопричастность к окружающей его природной среде, именно хронотоп придает народной культуре содержательную эмоционально-образную компоненту, где пространство и время одухотворяется и очеловечивается. [7] На этой основе специфичность народной

культуры характеризуется мифопоэтичностью, метафоричностью и нравственно-эстетической целостностью образов, сформировавшихся при теснейшей взаимосвязи человека с миром природы и текучестью переходов между ними. [7] Человек, чувствуя свою сопричастность к культуре, является ее продолжением, неразрывно связан с миром культуры и буквально порождается ею.

Следующий серьезный перелом, повлекший существенные перемены в обществе и древнерусской культуре, связан с принятием христианства на Руси в качестве официальной религии. Христианизация Руси в конце X века стала решающим рубежом в оформлении древнерусской культуры и дала мощный импульс развитию письменности, иконописи, архитектуре, живописи, богословской, исторической и художественной литературе. Христианизация Руси коренным образом меняет вектор развития не только культуры, но и ход всей отечественной истории. Православие, по сути, стало доминантной формой интеграции средневековой культуры Руси, сформулировало новую и единую для всего государства христианскую картину мира и таким образом превратилось в духовный стержень поднимающейся великорусской нации и культуры.

Русское православие ориентировало человека на духовное преобразование, стимулировало стремление к самосовершенствованию, приближению к христианским идеалам, поэтому русский человек стремится не к преобразованию внешнего мира, а к его одухотворению. Таким образом, православие не давало стимулов для социального и общественного прогресса, для преобразования реальной жизни людей, но поощряло развитие милосердия, доброты, терпения и коллективизма. Однако существование двух направлений в культуре фольклорной и православной предопределяет соответственно два разных отношения человека к культуре. Православие становится духовной основой развития культуры, человека и

общества, является доминирующим, всепоглощающим фактором, подчиняющим человека в культуре, а в фольклоре – человек доминирует в культуре.

С XVII века начинается "новый период" в развитии русской культуры – период "европеизации" и одновременно "универсализации". Для XVII века характерна борьба светского и духовного направления, все сильнее во всех сферах жизни проявляются светские начала. Начиная с XVII века, складывается и развивается "третья культура", самодеятельно-ремесленная, с одной стороны, опирающаяся на фольклорные традиции, а с другой – тяготеющая к формам официальной культуры. Во взаимодействии этих трех слоев культуры, часто конфликтном, преобладает тенденция к единой общенациональной культуре на основе сближения официального искусства и фольклорной стихии, вдохновлявшегося идеями народности и национальности.

Важно заметить, что эпоха Средневековой России характеризуется существенным отставанием отечественной культуры во всех областях от европейской. Отмечается, что к началу XVIII века в России еще не было светской литературы, архитектуры, музыки, философии и науки, тогда как Европа к этому времени уже создала огромный массив научного и философского знания, имела опыт во всех областях культуры и искусства, более прогрессивное государственное устройство. [11]

Культурное и экономическое отставания России предопределили кардинальный перелом и переход от "древней" России к новой в эпоху Петра I, реформы которого завершились оформлением абсолютной монархии, развитием светской культуры, формированием светских общеобразовательных школ, установлением широких

контактов с Европой, европеизацией всех сторон жизни, появлением новых отраслей культуры, науки и художественного творчества.

В России: были открыты многие образовательные учреждения, проведена реформа в армии по организации военных оркестровых служб, военных оркестров, подготовки военных музыкантов и т.д. Все это придает мощный импульс зарождению и развитию в России светского академического музыкального образования. В Россию приглашаются иностранные учителя музыки, гувернеры для обучения дворянских детей музыке, светские балы сопровождаются оркестрами, в свете входит

в моду музицирование на клавикордах, устраиваются пышные светские маскарады и т.д.

Грандиозные реформы Петра Великого, перевернувшие весь прежний патриархальный уклад жизни, изменили и традиционную культуру России. "Насаждая театр по линии равнения на Европу,

Пётр заставлял его играть непосредственно-политическую роль агитатора, панегириста его реформ... Тот театр, который затевал Пётр, должен был представлять собой публичное зрелище, т.е. по существу совершенно новую для России затею" [2, С. 25]. Фольклор в своих обрядово-ритуальных формах оказался вытеснен на периферию социального пространства, оставшись уделом простого народа, далекого от новых театральных забав, но крестьянская среда бережно сохраняет и развивает традиционные формы народного художественного творчества.

Технологическое развитие общества привело к существенным изменениям в жизни человека в восприятии окружающей среды, отчуждении его от природы, к постепенному духовному разрыву человека с природой. В этих представлениях выражалось особое,

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА
ПРИВЕЛО К СУЩЕСТВЕННЫМ
ИЗМЕНЕНИЯМ В ЖИЗНИ
ЧЕЛОВЕКА В ВОСПРИЯТИИ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ,
ОТЧУЖДЕНИИ ЕГО ОТ
ПРИРОДЫ, К ПОСТЕПЕННОМУ
ДУХОВНОМУ РАЗРЫВУ
ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ.

впоследствии утраченное отношение человека к миру природы.

XIX век ознаменовался культурным подъемом, который справедливо может считаться русским возрождением, "Золотым веком" русской культуры. Благодаря шедеврам А.С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.Е. Репина, М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского русская культура и искусство приобрели мировое значение. XIX век прошел под эгидой общенациональной русской идеи, выраженной в вере в особую миссию русского народа как объединителя великого евразийства, в устремленностях к внешним изменениям, к ломке традиций, в надежде на сильную государственную власть. Все эти идеи проходят красной линией в отечественной литературе и творчестве, все настойчивее звучат призывы к демократизации общества, приобщению широких масс к культуре.

Человек XIX столетия испытывает притяжение к высокой культуре и искусству, чувствует огромную потребность к восприятию высоко-художественных образцов культуры и искусства, что характеризуется модой в высшем свете на покровительство и меценатство искусства и даже появлением нового направления в народном художественном творчестве под названием любительского творчества.

Серебряный век стал эпохой выдающихся художественных открытий, новых направлений в культуре и искусстве. Символизм и акмеизм, модернизм, футуризм, авангардизм, неоклассицизм послужили благодатной почвой для творчества ряда выдающихся литераторов: А.А. Блока, А. Белого, Ф.К. Сологуба, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Маяковского, В. Хлебникова, М.И. Цветаевой и др.

Среди художественных направлений важно осмысление метафизических поисков религиозной философии: именно они определили облик Серебряного века. Согласно

философии Серебряного века, мир должен быть преобразован не кошмаром насилия, а подлинностью христианского учения. Но традиционное православие все более перерождается в обряд, лишается подлинной христианской сути. Бессмысленна цепь насилий, невозможность изменения внешних условий бытия вне "самости" человека предопределили устремленность к такому богочеловеку, который ищет внутренней целостности, единства, добра, красоты и истины. Теория Л.Н. Толстого "непротивления" злу насилием, теософия (религиозная философия В.С. Соловьева) призывала к необходимости активного сотрудничества человека и Бога, к богоискательству, к "Мудрости" как посреднику между Богом и человеком, к синтезу добра, красоты и мудрости, тем самым формируя христианско-православный идеал общества и как бы направляя страну на путь мирной реформации – все это и определило отношения человека и культуры.[11]

На культурную политику Советской власти 1917-1920 гг. оказывали влияние теоретические представления большевиков о роли и задачах культуры, обстановка острейшего противостояния Гражданской войны, а также состояние социокультурного раскола, в котором находилось российское общество с начала XX века. В.И. Ленин рассматривал развитие русской культуры от декабристов к героям "Народной воли", демократической, социалистической революции как путь к пролетарской культуре. В своих взглядах на культуру он продолжал линию российской революционной эстетики и полагал, что искусство призвано отражать жизнь с позиций определенных классов и способствовать изменению отживших порядков. С этой точки зрения все виды художественного творчества рассматривались как часть "общепролетарского дела" борьбы против буржуазии и помещиков. [12] Безусловно, этот путь отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями. Фундаментальное про-

тиворечие в отношении большевиков к культуре, состоявшее в том, что, признавая необходимость овладевать достижениями культуры прошлого, они неприязненно относились к интеллигенции как слою – хранителю, носителю и создателю духовных ценностей, оттолкнуло от ленинцев даже тех, кто ранее симпатизировал революционерам (А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. А. Блок, Ф. И. Шаляпин и др.). Ленин писал: "Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми должны непременно "воспользоваться", но для этого необходимо их "перевоспитать" в духе "марксистского мирозерцания". [12]

Развитие культуры и искусство было всецело подчинено и проникнуто революционными пролетарскими идеями. Постепенно формировалась советская система руководства культурным строительством. Советские идеологи, высоко оценивая роль культуры и искусства в развитии общества подчеркивали, что подъем и развитие страны не может происходить без "окультуривания" народа. Культура в советском обществе понималась как комплекс духовных и материальных ценностей, определяющих прогресс общественных отношений с позиций классовой борьбы и продвижения к социализму, как инструмент социальными преобразованиями, как сфера государственно-политической "заботы и контроля". Культурная революция была направлена на внедрение социалистической идеологии, достижение всеобщей грамотности населения, производство технических знаний, развитие социалистического реализма в искусстве.

К этому времени сложилось представление об основных задачах политики Наркомпроса как главного проводника государственной политики в области художественного творчества, которые были сформулированы А.В. Луначарским на встрече с представителями Всероссийского союза работников искусств: сохранение действительных ценностей искусства прошлого; критическое

освоение их пролетарскими массами; всемерное содействие созданию опытных форм революционного искусства; использование всех видов искусства для пропаганды идей коммунизма и их проникновения в массу работников искусства; объективное отношение ко всем художественным течениям; демократизация всех художественных учреждений и широкая их доступность массам. [12]

Политика "окультуривания" народа через приобщение широких масс к культуре и искусству позволила за сравнительно короткий период времени сформировать новые ценности и идеалы советского человека. И это самое неоспоримое и главное достижение культурной революции партии и правительства новой страны. Именно через культуру и искусство человек чувствовал себя вовлеченным и причастным к строительству новой жизни и самое главное ощущал себя частью новой страны. Повсеместно открывались новые дворцы культуры, учебные заведения культуры и искусства, создавались самодеятельные и профессиональные творческие коллективы, особое внимание уделялось Союзным Республикам и автономным национальным образованиям.

Именно благодаря такому подходу к культуре к 40-м годам СССР приобретает статус великой державы. В этой связи вспоминается выражение И.В. Сталина "...если ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия ее государственности, – поднимай грамотность населения, поднимай культуру своей страны, – остальное приложится". Не случайно по распоряжению ставки в годы войны каждое воинское подразделение обеспечивалось гармошкой, а по фронтам были организованы артистические агитбригады, поднимающие дух солдат. В годы войны создаются Воронежский, Уральский народные хоры, оркестры и другие творческие коллективы.

Советская культура как сложная диалектическая целостность не была единым монолитом. Она включает и официально при-

знанную культуру, и неофициальную, находящуюся в "тени", как культура подполья, инакомыслия и оппозиции. Противоречивость присуща и всей системе, и ее элементам: живое общечеловеческое причудливо соседствовало с тоталитаризмом, связь с историей многострадального народа – с прославлением советской системы. Общечеловеческие ценности прорывались через классовость, нигилизм и безудержную политизацию. Отличие советской культуры от традиционной русской культуры проявилось в том, что произошел разрыв с православием и насаждением атеизма, отказ от самодержавия, при сохранении сильной государственности, при этом "вера в доброго царя" трансформировалась в веру в вождя и партию.

Процесс политизации советской культуры в конечном счете привел к категоричности политизированных оценок сложных культурных явлений, их примитивизации, к подавлению инакомыслия и творческого новаторского подхода. В советский период отношения человека и культуры характеризуются доминированием культуры над человеком и огромной потребностью человека в культуре и искусстве высокохудожественных образцов, поскольку трансляция всех видов культуры и искусства проходила жесткие идеологические требования партийного контроля.

Современный уровень научного познания мира предопределил духовный разрыв человека с природой, что привело общество к прагматизму в восприятии окружающего мира, изменению ценностных ориентиров, направленных в большей степени на воспроизводство материальных потребностей в ущерб духовных [8].

В период перестройки условия глобализации, мультикультурности и образования нового государства Российской Федерации породили культурный плюрализм, характеризующийся свободой выбора направлений, норм культурного процесса, бурного развития массовой культуры на основе всеядности, вседозволенности и острого дефицита

материальных и финансовых средств на развитие культуры.

Характерной чертой развития современного мира является противоборство двух тенденций: универсализации, глобализации, формирование единой мировой культурной общности, которой противостоит тенденция к культурному обособлению.

Процессы культурной глобализации отражаются на русской культуре как части мировой, в которой происходит ломка традиционных стереотипов, формируется демократическая модель культуры с издержками рыночного механизма и коммерциализации.

Для культурной глобализации характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения. С одной стороны, это привело к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру, а с другой – популярные международные культурные явления постепенно вытесняют национальные или превращают их в интернациональные. Все это приводит к утрате национальных культурных ценностей и в связи с этим возникает необходимость борьбы за возрождение национальной культуры.

В условиях становления глобального информационного общества меняется, прежде всего, и сам человек. Некоторые ученые считают, что информационные технологии, осуществляя глубокие трансформации индивидуального и массового сознания, с помощью структурирования информации и обеспечения ее доступности "унифицируют социальные практики, обеспечивают включение людей в глобальный информационный обмен и становятся инструментом психологического давления, ненасильственно вторгаясь в эмоционально-волевую сферу человека" [13, С. 41].

Качества человека информационного общества модифицируются, так как акцент делается исключительно на способах овладения информацией. Сами способы деятель-

ности тяготеют к информатизации, не говоря уже об активном внедрении информационных технологий в процессы обучения, образования, воспитания и художественных практик. Появление инфокоммуникационных технологий и формирование инфосферы имеет целый ряд последствий, изменяющих художественную картину мира и свидетельствующих о формировании нового виртуального синтеза, к основным закономерностям которого можно отнести: интегративность мышления; усиление синестезийности; доминирование зрелищности; формирование виртуальной художественной среды; расширение границ художественной культуры; технотизацию и информатизацию искусства; стирание границ между массовой и элитарной культурой. [11]

В результате процесса глобализации утрачивается потребность к восприятию отечественной традиционной культуры, высокохудожественных образцов искусства, что приводит к разрушению традиционных ценностей, культурного кода нации и деградации общества в целом. Здесь очевидна закономерность, что деградация культуры неизбежно влечет деградацию всего общества. В результате "культурной революции" меняются человек, общество и государство.

Анализ проблемы отношений человека к культуре в пространстве и времени позволил выявить тенденции, характеризующие изменения в исторической ретроспективе.

В эпоху древней средневековой архаичности человек особенно остро ощущал свою неразрешенную сопричастность к окружающей его природной среде, при этом хронотоп придает народной культуре содержательную эмоционально-образную компоненту, где пространство и время одухотворяется и очеловечивается. На этой основе специфичность

народной культуры характеризуется мифопоэтичностью, метафоричностью и нравственно-эстетической целостностью образов, сформировавшихся при теснейшей взаимосвязи человека с миром природы и текучестью переходов между ними.

С принятием православия меняются мировоззрение человека и его отношение к культуре, ориентированной на духовное преобразование человека, стремление его к самосовершенствованию, приближению к христианским идеалам и поэтому человек

стремится не к преобразованию внешнего мира, а к его одухотворению. Общие тенденции изменения пространственно-временных представлений, определяющих сущностные для человека явления жизни, состояли в движении к прагматике и конкретизации.

Православие становится духовной основой раз-

вития культуры, человека и общества, является доминирующим, всепоглощающим фактором, подчиняющим человека в культуре, а в фольклорной – человек доминирует в культуре. Трансформация хронотопа совершенно очевидно прослеживается в том, что неопределенные, размытые временные представления сменяются конкретными датами или описанием, четкой хронологией исторических событий, что особенно запечатлелось в песенном фольклоре. Изменение в содержательном плане временных категорий имело противоположную пространственным понятиям направленность – от природного к социальному.

Человек XIX столетия испытывает притяжение к высокой культуре и искусству, чувствует огромную потребность к восприятию высокохудожественных образцов культуры и искусства, что характеризуется модой в высшем свете на покровительство и меценатство искусства и даже появлени-

ПОЯВЛЕНИЕ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОСФЕРЫ ИМЕЕТ ЦЕЛЫЙ РЯД ПОСЛЕДСТВИЙ, ИЗМЕНЯЮЩИХ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ КАРТИНУ МИРА И СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ВИРТУАЛЬНОГО СИНТЕЗА

ем нового направления в народном художественном творчестве под названием любительское творчество. Серебряный век – век художественных открытий predetermined стремленность человека к такому богочеловеку, который ищет внутренней целостности, единства, добра, красоты и истины.

В советский период отношения человека и культуры характеризуются доминированием культуры над человеком и огромной потребностью человека в культуре и искусстве высокохудожественных образцов, поскольку трансляция всех видов культуры и искусства проходила жесткие идеологические требования партийного контроля. Именно через культуру и искусство человек чувствовал себя вовлеченным и причастным к строительству новой жизни и самое главное ощущал себя частью новой страны.

Современный период глобализации сопровождается, с одной стороны, давлением со стороны зарубежной культуры, и не популярностью в обществе высокохудожественных образцов искусства и традиционной народной культуры – с другой, что и характеризует потребительское отношение человека к культуре и обуславливает тенденцию к деградации общества.

Ретроспективный анализ позволяет сформулировать теоретический вывод о взаимообусловленности и взаимозависимости в отношениях человека и культуры о том, что развитие общества сопровождается интересом человека к культуре к высокохудожественным образцам искусства, и наоборот, доминирование популярной легкодоступной эрзац-культуры обуславливает тенденцию к деградации общества.

Будучи результатом духовно-материальной деятельности человеческого сообщества, именно культура является средством и способом духовного и материального развития человека и общества. И в каком направлении осуществлять свое развитие – это, безусловно, выбор того или иного сообщества, который осуществляется под влиянием

ряда факторов, и в огромной степени исторических, социально-политических и экономических условий.

Таким образом, сохранение культурного наследия России, осмысление культурных резервов человека в условиях мирового кризиса является гарантом единства многонациональной страны, ее целостности и дальнейшего развития.

Литература:

1. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе духовности. Избр. труды. – М. : Флинта, 1999.
2. Бескин Э. История русского театра. Ч. 1. – М.-Л. : Госиздат, 1928. – 239 с.
3. Гегель. Эстетика. – Т. 1. – М., 1968.
4. Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). – Ставрополь : Возрождение, 2011.
5. Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. Технологизация и цифровизация в современном педагогическом пространстве: ретроспективный обзор // KANT. – 2019. – №1(34). – С. 11-16.
6. Григорьев А.Ф. Концепция этнической картины мира гребенских казаков // KANT. – 2012. – №1 (4). – С. 103-107.
7. Григорьев А.Ф. Хронотоп в мифопоэтике песенного фольклора гребенских казаков // KANT. – 2019. – № 1 (30). – С. 183-188.
8. Григорьев А.Ф. Антропоморфизм и метафоричность в песенном фольклоре гребенских казаков // KANT. – 2017. – №3 (24). – С. 82-87.
9. Кант И. Критика чистого разума. – М., 1987.
10. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М. : Гардарики, 1998.
11. Культура России в мировой цивилизации И.А. Акимов, Н.Г. Багдасарьян и др. ; под ред. И.А. Акимовой. – М. : МГТУ <http://kursak.net/mestoi-rol-rossii-v-mirovoj-kulture/>
12. Культурная и церковная политика Советской власти <http://www.etheroneph.com/gnosis/104-kulturnaya-i-tserkovnaya-politika-sovetskoj-vlasti.html>
13. Попкова Н.В. Философия техносферы. – Изд. 2-е. – М., 2009.
14. Путин В.В. Послания президента России Федеральному Собранию на 2014. Режим доступа: http://tyndagimn2.ucoz.ru/publ/vospitatelnaja_rabota/novosti_gimnazii_2/poslanie_prezidenta_rossii_federalnomu_sobraniju_na_2014_god/5-1-0-51.
15. Тоффлер Э. Шок будущего. – М. : АСТ, 2001.

Chuiikova Valeria Valerievna, Undergraduate student, School of Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow

The article, which is based on visual research, examines the issue of infantilism in contemporary illustration, specifically what has caused it. This study provides an explanation for why we have illustrations not only drawn in the same technique, but also depicting the same things. Our world is increasingly explained by pictures. It is logical to track the trends in modern society through pictures, or rather, to consider the works of artists and track their train of thought. The examples and patterns described in the study lead us to the fact that now the world and Russian illustration is filled with infantilism, making up a whole current. This is indicated by the technique, the work with characters, the choice of subjects and even the color used by artists who create infantile images. On the basis of which in the article the author suggests "infantilism" as a definition of the direction in modern illustration.

Keywords: infantilism; illustration; modern society; modern art.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.3

УДК 741.02

ВАК 17.00.09

© Чуйкова В.В., 2022

ИНФАНТИЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

В статье, в основе которой лежит визуальное исследование, рассматривается вопрос инфантильности в современной иллюстрации, а именно – что стало ее причиной. Это исследование даёт объяснение, почему у нас появляются иллюстрации не только нарисованные в одинаковой технике, но и изображающие одни и те вещи. Наш мир все больше объясняется картинками. Логично отслеживать течения в современном обществе именно через картинку, а точнее, рассматривать работы художников и отслеживать их ход мысли. Примеры и закономерности, описанные в исследовании, приводят нас к тому, что сейчас мировую и российскую иллюстрацию наполняет инфантильность, составляя целое течение. На это указывает техника, работа с персонажами, выбор сюжетов и даже цвет, которым пользуются художники, создающие инфантильные изображения. На основе чего в статье автор предлагает "инфантилизм" в качестве определения направления в современной иллюстрации.

Ключевые слова: инфантилизм; иллюстрация; современное общество; современное искусство.

ЧУЙКОВА Валерия Валерьевна, магистрантка, Школа Дизайна, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва

Есть такая тенденция, что мы возвращаемся сейчас не в классику, не в Ренессанс, не в абстракцию, а в собственное детство и подростковый возраст. Личный опыт становится важнее коллективного. Поэтому большинство современных иллюстраторов ни на кого не ссылаются, а просто находятся в контексте современной тенденции.

Все художники бывают поздними, средними и ранними. Часто стили меняются от раннего к позднему и все они условно соответствуют их возрасту. Траектории бывают разными, но предметы изображаемого эволюционируют пропорционально возрасту художника и вырастают вместе с ним. В работах появляется что-то экзистенциальное, и художник осмысляет собственную жизнь и жизнь вокруг. "Голубой"

georgie.ellen.illustration
Барселона

...

1/3

период сменяется "розовым", и все, например, заканчивается кубизмом.

victoria_semykina

...

georgie.ellen.illustration
Барселона

В современном мире академическое рисование выходит на последний план. Что же выходит на первый? "Розовый период" инфантильного рисования, окрашенный в пастельные тона. Работы не соответствуют возрасту художника и часто про них говорят, что такое мог бы изобразить ребёнок, если бы обладал должным мастерством. Но это оказывается неправдой, потому что ключевое в этом не способ рисования, а избранный ход мыслей художника. Художник специально выбирает думать, как ребёнок или подросток, а потом исполняет это в технике.

"Быть, а не казаться"

Рисовать, как ребёнок, может только ребёнок, потому что он есть ребенок.

Казаться ребёнком может каждый, но не сам ребёнок.

На самом деле казаться ребёнком может только тот, кто мыслит инфантильно, потому что инфантильность предполагает признаки предыдущих возрастных эпох. И именно эти признаки отражаются в картинах современных иллюстраторов – в книгах, в интернете, в модных изданиях, в выставочных пространствах.

Инфантильно нарисованных картин много, и они срачиваются в течение инфантилизма. Я собираюсь в этом исследовании выявить причины инфантилизма в рисовании

и доказать гипотезу о том, что инфантильный образ современного мира привёл нас к инфантильной иллюстрации.

Около пяти лет меня мучал вопрос: почему я вижу похожие картинки? Они похожи, потому что все друг у друга скопировали или потому что наш мир теперь выглядит так, и они просто срисовывают с реальности? И спустя пять лет сосредоточенных размышлений в этой области,

изучив современный мир, все сошлось к "изму", которым можно описать то, что сейчас изображено на картинках художников. Это исследование – объяснение того, почему художники рисуют именно "такое", поэтому, если вы тоже замечали сходства в сюжетах и стилях современных иллюстраторов, прочитайте этот текст.

П.С.

Во всём, что вы здесь читаете, не будет никаких отсылок, будут только ассоциации. Облако похоже на овечку, но современное инфантильное рисование может быть и похоже на то, что когда-то предсказал Сократ до нашей эры, но с этим сравниваться намеренно не будет. Инфантилизм не знает сложностей, а значит, должен быть объяснён на своём языке при всём уважении в нему, чтобы никто не увидел в этих словах критики этого явления с возвышающимися над ним "другими теориями", фоновыми концепциями и психологическими трудами.

Пролог. Как отличить инфантильное от неинфантильного?

Когда мы смотрим на иллюстрацию, то нам в глаза бросаются очевидные черты. В таблице очевидные черты распределены в два столбика. Если перед нами картинка,

которая обладает большинством характеристик из первого столбика, то она инфантильна, а если из второго, то другая.

Сейчас речь пойдёт о визуальных и смысловых особенностях, заявленных в таблице.

Инфантильное	Неинфантильное
приятное, милое	контекстуальное
забавное	ироничное
плоское	объемное
категоричное	неоднозначное
фемцентричное	человекоцентричное
зоологичность	зоометафора
значки и слова	символы
мечтательность	объективность
карикатурность	реалистичность
интеллектуальная недостаточность	логичность и философия
крайность	середина

Сначала мы рассмотрим черты, отделяющие инфантилизм от живописной традиции.

1 часть. Как нарисовано?

Что за чем

Сначала набрасываем, а потом работаем цветом. Этот закон звучит примерно так же, как сначала съедаем суп, а потом десерт. Но часто, чтобы ускорить процесс, иллюстраторы работают сначала пятном, а потом его обводят, и получается контур.

Нарушать процесс любят больше всего дети и художники. И в инфантильном рисовании преобладают контуры, потому что

желание обвести и подчеркнуть присуще прежде всего ребёнку или подростку. Поэтому обводка – это рисунок не только "под" работой, но и "на" ней. Контур нужен, чтобы "защитить" персонажа от внешней среды, оторвать его от мира. Поэтому в детских книжках часто все обводят.

Интересно, что контур вообще существует исключительно в изобразительном искусстве.

Он невозможен вообще нигде – ни в литературе, ни в скульптуре. А самое первое, чем начинают заниматься дети – это рисовать. Рисовальные столики есть в банках и в кафе, и там нам предлагают раскраски, состоящие из готового контура. А после того, как мы их раскрасим, контур никуда не исчезает. Поэтому отсылка к раскрасочности появляется вместе с контуром.

Плоский мир

Плоскость – подруга первобытности. Плоскость – это крайность и категоричность. Плоское – значит двухмерное и по стереотипам – детское.

Плоское, как и обведённое, бывает тоже только в изобразительном искусстве.

Каково гулять по плоскому лесу и гладить плоских тигров? Такой приём преобразовывает нашу реальность в более простую. То, что мы привыкли видеть в объеме, теряет его и становится раскатанным тестом. Формовой хлеб распространён больше, чем армянский лаваш, как и объемные картинки распространены больше плоских.

Такой выбор техники обусловлен тем, что понятие объема приходит с возрастом. Круг, квадрат и треугольник становятся шаром, кубом и цилиндром примерно в средней школе, поэтому в инфантильной иллюстрации они для нас остаются простыми и понятными фигурами.

Пустое место

В работах современных иллюстраторов много воздуха. Если мы обратимся к работам детей, то они тоже не заполняют всё пространство. То есть пустое значит белое.

В детстве воздух белый, но потом воздух исчезает и превращается в пространство. В инфантилизме часто можно встретить одинокую собаку без фона. Она может ни на чём не стоять, а просто существовать на странице книги, потому что в предыдущей возрастной эпохе так было можно. И дети, которые увидят такую собаку в книге, посчитают её за свою, поэтому метод инфантилизма здесь несёт функцию узнавания изображений.

Карикатурные формы

Чем меньше нам лет, тем условнее мы видим пропорции, тем страннее пропорции нас самих. Линия нашего горизонта повышается в течение двадцати лет, а потом остаётся на одном месте, и мы испытывает кризис застревания в одной точке – экваторе горизонта, на котором сходятся все линии наших перспектив.

Так в инфантильных иллюстрациях линия горизонта может не появляться вообще, а силуэты героев могут быть совсем не похожими на реальные. У бабушки слишком большие глаза и уши, и это сказка – забава над природой, которая все создала по-другому. Первая попытка бунта и желание увидеть по-своему, обратить внимание на большие уши или глаза и наделить ими своего героя. Так делают дети, рисуя аниме. У наших игрушек большие глаза, но самые большие глаза у кукол Братц. Инфантилизм смотрит на нас большими глазами, увидевшими мир впервые.

Палитра

Пастельные цвета – те, которые ассоциируются с уютом. Цвета из детской комнаты, в которой живёт подросток и хочет поскорее из неё съехать. Так смотрят на инфантильные иллюстрации те, кто сам не обладает инфантильностью и стремится оправдать

свои возрастные ожидания. Иногда по этой причине нам не хочется открывать детские книги, и они кажутся нам неинтересными, потому что мы давно переехали из детских комнат.

Иллюстраторы выбирают цвета, у которых нет выбора не сочетаться друг с другом. Настоящие дети не сочетают цвета так умело, и это ключевой момент, в котором детские картинки только кажутся такими. Умение видеть оттенки особенно отличаются взрослые и женщины. И речь об этом продолжится в другой части, потому что технически это никак нельзя объяснить: можно только логически.

Персонажи с детскими чертами

Часто героями инфантильных иллюстраций становятся персонажи именно той возрастной эпохи, к которой отсылает себя автор. Это девочка или мальчик. Хотя сама иллюстрация может быть не детской. Черты персонажа выражены в недоразвитом теле, в большой голове, в хрупких руках и плохой осанке.

Детские обозначения

Иногда идею сложно обернуть в точную форму. Именно тогда помогают буквальные значки по типу эмодзи. Инфантильная любовь выражается сердцем, а грусть опущенной улыбкой. В глазах обычно нет зрачков, и мысль может быть выражена, как баббл со словами. В кино такое не приветствуется, потому что почти любой диалог может быть выражен действием, если только его не создал ребёнок: подростки передают друг другу записки с последних парт и любят вставлять смайлы.

Отделение от живописи

Работы современных иллюстраторов не похожи на живопись. Они преимущественно графические. В центре них эмоциональность, моментальность, а не классически

В ДЕТСТВЕ ВОЗДУХ БЕЛЫЙ,
НО ПОТОМ ВОЗДУХ ИСЧЕЗАЕТ
И ПРЕВРАЩАЕТСЯ В
ПРОСТРАНСТВО. В
ИНФАНТИЛИЗМЕ ЧАСТО
МОЖНО ВСТРЕТИТЬ
ОДИНОКУЮ СОБАКУ БЕЗ
ФОНА. ОНА МОЖЕТ НИ НА
ЧЁМ НЕ СТОЯТЬ.

выписанная идеализированная эстетика, которую выражает живопись. Дети и подростки рисуют в блокноте и на бумаге, не рисуют на больших полотнах и холстах. Сам процесс рисования обращён в детскую форму. Живопись не имеет актуальности для инфантилизма, потому что предыдущая возрастная эпоха художника состояла из переживаний взросления, которые описываются быстрой сменой настроения и жизнью в моменте. Наброски сейчас считаются полноценными работами и выставляются, потому что мы хотим получить инфантильные впечатления от зарисовок городской жизни, изображений животных и незнакомцев. Незнакомые люди больше всего привлекают в детстве и на картинах. В детстве, потому что мы видели ещё достаточно мало людей и только пытаемся определить, кто из них хороший, а кто нет, и в иллюстрациях, потому что там незнакомцы, как в детстве – привлекательно загадочны.

2 часть. Что нарисовано?

Портреты девушек

Герои портретов современных иллюстраторов, в основном, девушки. Либо в портрете девушки деталей больше, чем в портрете мужчины. Фрейд сказал бы, что это вопрос взросления, потому что в юном возрасте у девочек получается рисовать женщин больше, чем мужчин. Либо желания рисовать мужчин не возникает совсем.

Так разные женские портреты появляются в инфантилизме с отсылкой на возрастную подростковый период, когда хорошо получалось рисовать женщин. Именно женские силуэты вырезали, чтобы примерить к ним вырезанную из бумаги одежду. До какого-то момента взрослости девочки запрещают себе думать о мальчиках – именно до того времени, когда наш детский мир имеет "розовый" и "голубой" период.

Мальчики же не рисуют инфантильные картины, потому что в подростковом и детском возрасте они не рисуют в принципе. Среди посетителей кружков рисования и

художественных школ в среднем по статистике всего один мальчик на группу. Именно поэтому мы не сможем узнать, кого хотят изображать мальчишки, потому что чаще всего – никого, потому что рисовать у них получается одинаково неаккуратно, если не принимать в расчёт исключения, закономерностей в которых нам искать бессмысленно, потому что исключения вне тенденций.

Современные иллюстраторы, работы которых сопровождают исследование, – все женщины. И это совпадение случайно, потому что именно в их работах были замечены инфантильные черты.

Феминизм и женская инфантильность

Женская инфантильность отличается от мужской. Инфантильные женщины все ещё девочки, которым рано носить бюстгальтер. Они хотят протестовать, красить волосы в яркий цвет и прокалывать лицо. Причисляя себя к феминизму, они скорее принадлежат к инфантилизму. Любой творческий человек наделён инфантильностью от природы, но иногда она перерастает в искаженные формы и думает, что творчество – это инструмент протеста. Феминистические иллюстрации отражают ценности инфантилизма и проявляются в тех же визуальных чертах, которыми описано это направление.

Собачки и кошечки

Животные бывают как в басне, как в сказке и как в зоопарке. За первыми скрываются люди, за вторыми – черты характера, а за третьими – никто не скрывается. Животные с картин современных иллюстраторов смотрят человеческим взглядом и носят одежду, и у каждого из них есть характер. Это образы людей, потому что в детстве любовь к животным проявляется особенно сильно. Инфантилизм больше всего располагается в поле сказки, потому что каждая сказка содержит инициацию. Именно к ней и возвращается художник, который обладает инфантильными чертами.

Поверхностность и солнечность

Действия инфантильных иллюстраций носят жанр романтики / драмы / мюзикла / легкой комедии / фантастики. Инфантилизм не принимает реалистичных исходов, потому что люди мечтают только о хорошем. Он отрицает мрачность и хочет вечного лета. Сквозь зимние картинке не чувствуется холод, потому что его не существует в этой реальности, потому что мысли о нём неприятны.

У инфантильных иллюстраций нет многосмысленности, потому что дети не могут воспринимать её, они гонятся за другим – чтобы всё было понятно.

Незрелость и конкретность

На этой картине нарисованы три сестры. У Чехова они носили синее, чёрное и белое платье. У Екатерины Хлебниковой вместо белого платья розовое, потому что оно идёт вразрез с Чеховской экзистенциальной зрелостью. Художница одевает младшую сестру, как маленькую девочку, в розовое платье. Чехов трактуется, как сказочник, и видя только иллюстрацию, можно было сказать, что это больше про Красавицу и Чудовище или Золушку. Инфантилизм перетягивает в детство любой сюжет и трактует первоисточник, значительно упрощая его содержание и игнорируя первоначальный контекст.

vechniystudent

...

Три сестры никогда не станут детской пьесой, даже если их будет иллюстрировать детская картинка. Незрелость картинке отрезает нас от погружения в зрелый текст, как будто бы они находятся в разводе по причине абьюзивных отношений взрослого и ребёнка. Чехов понимается максимально инфантильно, как будто бы его увидели впервые. Конкретность в картинке и отсутствие среды делают из текста инфантильную сказку об инфантильных сёстрах и полностью переиначивают сюжет. Этот приём имеет место быть в классике, потому что современный мир протирания инфантильностью и такая иллюстрация говорят о том, что инфантильное восприятие вещей полностью меняет их суть.

Сюжетные мотивации

Если в литературе, кино, театре и музыке есть драматургия, то в инфантильной иллюстрации её нет. Для детей не обязательно, чтобы на картинке что-то происходило, а сюжет картинке может уместиться в её названии. Но современные иллюстрации обычно не имеют названий потому, что названия остались где-то в прошлом, когда каждая картина должна была как-то называться и картины находили по названиям, а не описаниям. Детские рисунки в блокнотах тоже никак не называются, что отнимает у них половину значительности, потому что название – часть смыслового кодирования. Мы не можем читать инфантильные иллюстрации, как текст, потому что дети не умеют писать. Инфантилизм обходит стороной многофигурность и сложные сюжеты, он хочет говорить только о себе.

Мечтательность, капризность, впечатлительность

С возрастом количество времени, проводимое в мечтаниях, сокращается. Мечты перекрываются возможностями. Инфантильные иллюстрации правильные, как дети, которые ведут себя хорошо, ожидая подарка. Они цензурные и в них нет ничего запретного, потому что дети хотят банальных и простых вещей. И только потом становятся

ся капризными, когда их не получают. Инфантильные иллюстрации ничем не могут расстроить зрителя, потому что полностью оправдывают его ожидания и впечатляют его сентиментальным, простым и милым сюжетом.

Интеллектуальная недостаточность

Думать сложно и не хочется. Дети открываются от учебы, потому что в науку она превращается не для всех. Можно придумать что-то простое и ограничиться на нём – в этом и заключается инфантильный подход. Не каждый художник может придумать столько же, сколько технично исполнить, потому что отличные технические навыки идут вразрез с процессом осмысления перерабатываемого материала. Наши картинки выглядят детскими, а значит, инфантильными, потому что мышление художника работает по другим настройкам и не обращается ни к каким наукам в процессе.

Эпилог. Инфантильность заразна

В мире, где не нужно напрягаться и есть всё для его собственного комфорта, человек останавливается на прошлых возрастных эпохах и не переходит в новые. Эти ценнос-

ти отражаются в картинах современных иллюстраторов и образуют целое течение инфантилизма, которое невозможно игнорировать. Мир не требует от нас открытий, и мы изображаем его так, как будто бы увидели впервые. Инфантильных иллюстраций очень много, потому что реальность диктует нам инфантильные потребности в удовлетворении желаний, выдвигает условия феминизма и даёт всем независимо от возраста одинаковое право голоса без цензуры. Инфантильные интонации стучатся через самые простые двери – двери визуального искусства, чтобы мы могли увидеть свой образ эпохи. Это мы хотим вернуть 2007, потому что есть такая тенденция. Это мы каждый день рассматриваем кошек и собак в интернете и в жизни. Это под нашу ёлку попадёт инфантильная открытка с плоской ёлкой, потому что мы этого заслужили.

Благодарность

Я хочу поблагодарить шеф-редактора журнала М.А. Григорьеву за полезные отзывы, а также иллюстраторов – за их прекрасные работы, которые позволили состояться этому исследованию.

Andrada Gloria, DSc of Philosophy, research fellow

Clowes Robert W., DSc of Philosophy, appointed research fellow

Lisbon Mind & Reasoning Group, New University of Lisbon, Lisbon, Portugal

Smart Paul R., DSc of Electronics and Computer science, University of Southampton, Southampton, UK

AI systems play an increasingly important role in shaping and regulating the lives of millions of human beings across the world. Calls for greater transparency from such systems have been widespread. However, there is considerable ambiguity concerning what "transparency" actually means, and therefore, what greater transparency might entail. While, according to some debates, transparency requires seeing through the artefact or device, widespread calls for transparency imply seeing into different aspects of AI systems. These two notions are in apparent tension with each other, and they are present in two lively but largely disconnected debates. In this paper, we aim to further analyse what these calls for transparency entail, and in so doing, clarify the sorts of transparency that we should want from AI systems. We do so by offering a taxonomy that classifies different notions of transparency. After a careful exploration of the different varieties of transparency, we show how this taxonomy can help us to navigate various domains of human-technology interactions, and more usefully discuss the relationship between technological transparency and human agency. We conclude by arguing that all of these different notions of transparency should be taken into account when designing more ethically adequate AI systems.

Keywords: transparency; AI ethics; agency; philosophy of technology; philosophy of mind; philosophy of AI.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.4

РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЗРАЧНОСТИ: ИЗУЧЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМАХ ИИ **

УДК 004+123.1

БАК 23.00.03

Системы искусственного интеллекта играют все более важную роль в формировании и регулировании жизни миллионов людей по всему миру. Призывы к большей прозрачности таких систем были широко распространены. Однако существует значительная неясность в отношении того, что на самом деле означает "прозрачность" и, следовательно, что может повлечь за собой повышение прозрачности. В то время как, согласно некоторым дискуссиям, прозрачность требует видеть сквозь предмет или устройство, широко распространенные призывы к прозрачности подразумевают заглянуть внутрь различных аспектов систем ИИ. Эти два понятия явно противоречат друг другу и присутствуют в двух оживленных, но в значительной степени несвязанных дебатах. В этой статье мы стремимся дополнительно проанализировать, что влекут за собой эти призывы к прозрачности, и при этом прояснить виды прозрачности, которые мы должны ожидать от систем ИИ. Мы делаем это, предлагая таксономию, которая классифицирует различные понятия прозрачности. После тщательного изучения различных разновидностей прозрачности мы показываем, как эта таксономия может помочь нам ориентироваться в различных областях взаимодействия человека и технологии, и

© Андрада Г., Клоуз Р.В.
и Смарт П.Р., 2022

© Григорьева М.А.,
перевод, 2022

35

* This work is funded by national funds through the FCT Foundation for Science and Technology within the framework of the UIDB/00183/2020 project. Robert W. Clowes: This work is funded by national foundations through the FCT Foundation for Science and Technology, a scientific incentive grant FCT DL 57/2016/CP1453/CT0021. Paul Smart: This work is supported by the UK Engineering and Physical Sciences Research Council (EPSRC) as part of the PETRAS National Center of Excellence for Cybersecurity of IoT Systems under grant number EP/S035362/1.

** Эта работа финансируется за счет национальных фондов через FCT – Фонд науки и техники в рамках проекта UIDB/00183/2020. Роберт В. Клоуз: Эта работа финансируется национальными фондами через FCT – Фонд Науки и Техники, научный стимулирующий грант FCT DL 57/2016/CP1453/CT0021. Пол Смарт: Эта работа поддерживается Исследовательским советом по инженерным и физическим наукам Великобритании (EPSRC) в рамках Национального центра передового опыта PETRAS в области кибербезопасности систем IoT под номером гранта EP/S035362/1.

Andrada, G., Clowes, R.W. & Smart, P.R. Varieties of transparency: exploring agency within AI systems. *AI & Society* (2022).

Перевод с английского кандидата полит. н. М.А. Григорьевой

АНДРАДА Глория,
доктор философии,
научный сотрудник

КЛОУЗ Роберт В.,
доктор философии,
приглашенный
научный сотрудник

*Lisbon Mind & Reasoning
Group, Новый Лиссабонский
университет,
Лиссабон, Португалия*

СМАРТ Пол Р.,
доктор электроники
и компьютерных наук,
Саутгемптонский университет,
Саутгемптон,
Великобритания

более полезно обсуждать взаимосвязь между технологической прозрачностью и человеческой деятельностью. В заключение мы утверждаем, что все эти различные понятия прозрачности следует учитывать при разработке более этически адекватных систем ИИ.

Ключевые слова: прозрачность; этика ИИ; агентство; философия техники; философия разума; философия ИИ.

1. Проблема прозрачности

В настоящее время системы искусственного интеллекта играют центральную роль в структурировании и регулировании жизни миллионов людей по всей планете. Существует широкий спектр способов, которыми ИИ вмешивается в нашу индивидуальную и коллективную жизнь. Использование ИИ также происходит на коллективном и общественном уровнях, при этом системы ИИ играют все более важную роль в регулировании всевозможных социальных процессов: от функционирования фондовых бирж [1] до дорожных систем, [2] управления повседневными жизненными шансами миллионов людей, влияя на такие вопросы, как получение ссуды, получение работы и даже на то, кого отправить в тюрьму, а кто может получить условно-досрочное освобождение. [3] Системы искусственного интеллекта также играют роль в расширении и поддержке широкого спектра индивидуальных человеческих познаний: от того, как мы находим новых кандидатов на спасительные лекарства, [4] или, например, как мы перемещаемся по городу на машине или пешком, до того, как мы находим эмоциональную поддержку в Интернете. [5] Люди также используют технологии ИИ, чтобы регулировать себя свою деятельность, используя устройства самоконтроля, чтобы следить за своим здоровьем, настроением и ежедневными упражнениями или даже регулировать свои отношения с другими. [6] Люди также полагаются на поисковые системы для сбора информации, необходимой им в их повседневной деятельности, включая рекомендации от потоковых сервисов, чтобы решить, какую музыку они собираются слушать, какие фильмы они собираются смотреть, или даже с каким партнером они могут встретиться и, в конце концов, жениться.

Несмотря на весь потенциал технологии искусственного интеллекта для улучшения человеческой жизни множеством способов, также растет атмосфера беспокойства по поводу рисков и опасностей, которые представляют такие системы, поскольку они все больше внедряются в повседневную деятельность человеческого общества и жизни отдельных людей. По мере того как системы ИИ все больше вовлекаются в процесс принятия государственных решений, "принимая политические решения или авторитетные решения в отношении прав и бремени отдельных граждан" (de Fine Licht and de Fine Licht 2020 , p. 917), все

больше внимания уделяется системам, которые в противном случае могли бы выполнять свою работу в соответствии с непрозрачными целями и механизмами.

Общество и его институты осознают и в какой-то степени пытаются решать проблемы, возникающие в связи с глубоким проникновением технологий ИИ в социальный мир человека и индивидуальную жизнь. Одна область, вызывающая большое беспокойство, которая привела к поиску ответа, касается вопроса *прозрачности* ИИ. Например, в руководящих принципах 2019 года, представленных AI HLEG (Экспертная группа высокого уровня Европейской комиссии по искусственному интеллекту), *прозрачность* определена как одно из семи ключевых требований к технологии ИИ.

Поскольку системы ИИ играют все более важную роль в нашей индивидуальной и коллективной деятельности, естественно видеть потребность в большей прозрачности составляющих, лежащих в их основе процессов. [7] Это связано с тем, что их непрозрачность порождает ряд этических и политических проблем, касающихся характера общественного и частного принятия решений, которые могут быть затемнены (преднамеренно или иным образом) использованием систем ИИ. [8] Там, где такие системы влияют на важные изменения в жизни и возможности отдельных людей и обществ, для нас, по крайней мере, на *первый взгляд*, предпочтительнее получить знания об этих процессах. [9] И именно их кажущееся де-факто непрозрачность привело к широко распространенным призывам к большей прозрачности систем ИИ. Это признается в отчете AI HLEG, где авторы отмечают:

"Данные бизнес-модели системы и ИИ должны быть прозрачными: механизмы от-

ОБЩЕСТВО И ЕГО
ИНСТИТУТЫ ОСОЗНАЮТ
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
В СВЯЗИ С ГЛУБОКИМ
ПРОНИКНОВЕНИЕМ
ТЕХНОЛОГИЙ ИИ В
СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА
И ИНДИВИДУАЛЬНУЮ
ЖИЗНЬ.

слеживания могут помочь [в] достижении этого. Более того, системы ИИ и их решения должны быть объяснены таким образом, чтобы они были адаптированы для заинтересованных сторон. Люди должны знать, что они взаимодействуют с системой ИИ, и должны быть проинформированы о возможностях и ограничениях системы." (ИИ ГЭВУ, 2019 г.)

Хотя эти цели, несомненно, заслуживают внимания, следует отметить, что в документе AI HLEG не дается никакого дальнейшего определения того, что может

означать "прозрачность". Проблема здесь в том, что без более четкого определения того, что имеется в виду, трудно понять, насколько полезными могут быть эти запреты.

Однако в этой статье мы увидим, что "прозрачность" в системах ИИ может означать разные вещи и что несколько

концепций прозрачности играют важную роль в прояснении и объяснении различных аспектов взаимодействия человека с ИИ. Полагаем, что существует острая необходимость в прояснении и объяснении, как взаимодействуют эти различные разновидности прозрачности, и особенно как они формируют, ограничивают и делают возможными различные формы человеческой деятельности.

Чтобы получить первоначальное представление об этом, мы должны отметить, что, с одной стороны, "прозрачность" в системах ИИ может относиться к множеству связанных концептуальных целей, включая алгоритмическую прозрачность систем ИИ, открытость для обсуждения решения под влиянием ИИ, а также их оспаривание или объяснимость. Хотя все они указывают на разные аспекты систем ИИ, в целом все они относятся к видимости или проницаемости основных процессов в системах ИИ, которые определяют или формируют последующие

решения. Эта группа понятий сыграла важную роль в ИИ и информационной этике и обычно находится на переднем плане требований большей прозрачности в системах ИИ. [10] Грубо говоря, проблема заключается в том, что алгоритмы, системы принятия решений и нейронные сети участвуют в принятии решений, в отношении которых отдельные лица или группы хотели бы большего надзора, подотчетности, способности вмешиваться или просто понимания. Мы будем называть этот общий класс вопросов вопросами *отражающей прозрачности*.

Однако, что представляет интерес, "прозрачность" в системах ИИ также может относиться к концептуальной цели, не связанной, *на первый взгляд*, которая возникает из другой традиции. Эта другая форма прозрачности появляется в философии сознания и когнитивной науки, а также в традиции философии техники, находящейся под влиянием феноменологии. [11] Здесь прозрачность относится к *опыту* взаимодействия человека и технологий, а в последнее время – к опыту работы с технологиями, основанными на ИИ. "Прозрачность" в этом отношении относится к тому, как артефакт или технология появляются или исчезают с точки зрения пользователя. Обычно утверждается, что для многих форм предметно-опосредованных действий и взаимодействий технология должна быть в какой-то мере прозрачна для пользователя, который должен обращать внимание не на интерфейс, а на выполняемую задачу. Мы будем называть такую прозрачность *прозрачностью в использовании*.

В то время как рефлексивная прозрачность связана с нашей способностью видеть механизмы и лежащие в их основе процессы, чтобы лучше их контролировать, прозрачность в использовании связана с опытом *видения насквозь* технологии, позволяющей грамотно и свободно действовать при ее использовании. Кажется, между этими двумя понятиями прозрачности существует противоречие. Первое – требует определенной

степени сознательного доступа к определенным функциям системы ИИ, в то время как второе – требует, чтобы наши сознательные мысли и внимание уходили еще дальше от самой системы. Тем не менее, на наш взгляд, эти два вида прозрачности тесно связаны и переплетены с центральными аспектами человеческой деятельности и нашей способности действовать с артефактами, особенно действовать с технологиями, опосредованными ИИ, и контролировать их. Понимание того, как эти два понятия сочетаются друг с другом, указывает на некоторые новые пути продвижения в вопросе создания более этически адекватных систем ИИ. Тем не менее, в настоящее время эти два понятия прозрачности в значительной степени не связаны друг с другом в научных дебатах, и разрыв между ними не преодолен. Это то, что мы можем назвать *проблемой прозрачности*. [12] Прогресс в решении этой проблемы является основной целью данной статьи.

С этой целью в данной статье анализируются две основные разновидности прозрачности: [13] не только для того, чтобы предложить концептуальное согласование проблем, терминологий и дискуссий, в которые они включены, но и для того, чтобы показать их жизненно необходимую важность для нашего понимания того, как технология ИИ взаимодействует с человеческой деятельностью. Это связано с тем, что понятия прозрачности не только фигурируют в двух, казалось бы, отдельных дискуссиях о человеческом технологическом взаимодействии, но также освещают различные аспекты человеческой деятельности.

Далее в своей работе (раздел 2) обсудим то, что мы определяем как *отражающую прозрачность* и ее различные подтипы, которые мы называем *информационной*, *материальной* и *трансформационной прозрачностью*. Именно такая прозрачность обсуждается в этике ИИ. В следующем разделе (раздел 3) мы обсудим то, что мы называем *прозрачностью в использовании*. Эта концепция

прозрачности широко используется в феноменологии, философии техники и философии когнитивной науки, и она используется для концептуализации того, сколько людей "действуют с помощью" определенных инструментов и артефактов. В следующем разделе (раздел 4) мы введем некоторые важные различия, касающиеся природы прозрачности как реляционного свойства; затем продемонстрируем (раздел 5), как эти два разных типа прозрачности можно рассматривать в качестве параллельных свойств взаимодействия человека и технологии, которые, *среди прочего*, ограничивают и могут (возможно, неожиданно) способствовать некоторым аспектам человеческой деятельности. Поскольку этот аспект дебатов о прозрачности был так мало изучен, мы предлагаем диагностику того, какие аспекты систем ИИ могут препятствовать или способствовать различным аспектам человеческой деятельности. Наконец (раздел 6), мы опираемся на эти соображения, чтобы дать некоторые рекомендации для более адекватных и этически обоснованных систем ИИ, ориентированных на обеспечение действия человека.

2. Отражающая прозрачность в технологиях ИИ

Как мы только что видели, системы ИИ играют все более важную роль в наших обществах. Вот почему естественно видеть требования большей наглядности их составляющих и эффектов. Требования большей прозрачности часто предъявляются в отношении ряда связанных категорий, включая информационную прозрачность, алгоритмическую прозрачность и прозрачность данных, и, хотя неясно, всегда ли такие требования преследуют одну и ту же цель, в основе лежит ощущение, что работа, вклад к решениям и потенциальные предубеждения систем ИИ должны быть открыты для дальнейшего анализа. В нашем обсуждении мы пытаемся объединить многие из этих категорий под одним заголовком *рефлексив-*

ной прозрачности. Это связано с тем, что запрашивается понимание различных аспектов данного механизма автономного или искусственного принятия решений и вынесение некоторых его деталей или составляющих на дальнейшее обсуждение.

Давайте расширим это. На поверхностном уровне термины "прозрачность" и "непрозрачность" используются в связи с технологиями ИИ так же, как они используются в отношении других скрытых процессов, таких как скрытые политические дискуссии. Например, мы могли бы прочитать, что журналист "требует большей прозрачности в деятельности комитета по выбору", тогда как журналист требует большего понимания того или иного процесса принятия решений. Когда мы слышим призывы к прозрачности корпоративных или правительственных процессов, кажется, что они касаются приобретения большего знания или понимания причин и процессов, которые приводят к решениям или политике. [14] Прозрачность в технологиях искусственного интеллекта работает аналогичным образом. Системы ИИ играют все большую роль в регулировании нашей жизни, часто следуя скрытым или недоступным процедурам. Призывы к прозрачности в системах ИИ часто требуют изучения различных аспектов оборудования и механизмов устройств, с которыми взаимодействуют люди, тем самым предоставляя больше возможностей для сознательного понимания или обсуждения устройства или эффектов этих систем. [15] В теоретических целях мы называем это *отражающей прозрачностью* и различаем три способа или типа *видения* строения и эффектов данной системы ИИ. Мы называем это: информационная прозрачность, трансформационная прозрачность и материальная прозрачность.

2.1. Информационная прозрачность

Информационная прозрачность – это вид прозрачности, которому уделялось наибольшее внимание в этике ИИ и смежных дискуссиях (Diakopoulos 2020; Turilli and Floridi

2009; Weller 2019). В целом, термин "информационная прозрачность" относится к раскрытию информации о системе ИИ, как правило, с целью поддержки суждений о справедливости, надежности, безопасности, эффективности, подотчетности и соблюдения нормативных и законодательных норм системы. Таким образом, информационная прозрачность считается важной, поскольку она поддерживает формирование знаний (например, суждений, решений, убеждений), относящихся к пригодности системы для использования в данном социальном контексте.

Среди видов информации, на которые нацелено понятие информационной прозрачности, есть информация о характере алгоритмов, используемых данной системой ИИ, а также о типах данных, которые использовались в режиме обучения. В целом, однако, не существует жест-

ких правил в отношении того, какая информация должна быть раскрыта для удовлетворения требований информационной прозрачности. Тип информации, которую необходимо раскрывать, будет варьироваться в зависимости от типа системной оценки, которую необходимо выполнить. Кроме того, такие оценки часто выполняются несколькими сообществами заинтересованных сторон (например, разработчиками, развертывателями, пользователями, политиками и т. д.), и каждому из этих сообществ может потребоваться доступ к разным массивам информации, даже если такая информация используется для аналогичных оценочных процессов.

Некоторые формы информационной непрозрачности могут быть результатом использования трудно поддающихся анализу технологий, таких как нейронные сети, генетические алгоритмы или другие методы

машинного обучения или оптимизации, когда даже разработчики систем не уверены в точных средствах, с помощью которых определенные системы выводят данные, производятся (см. Zednik 2021). Это не означает, что проектировщики или владельцы таких систем обязательно должны быть "сняты с крючка", когда дело доходит до раскрытия пояснительной информации; тем не менее, получение такой информации может поставить разработчиков перед серьезной технической проблемой.

2.2. Материальная прозрачность

Второй подтип отражающей прозрачности – это материальная прозрачность. Эта форма прозрачности важна, потому что цифровой характер систем ИИ иногда может привести к тому, что мы забудем об их материальности.

Мы можем достаточно просто провести различие между информационными или обрабатывающими, или алгоритмическими частями системы, которые рефлексивно непрозрачны для пользователя, и теми и другими аспектами системы, которые, хотя и непрозрачны, не зависят напрямую от алгоритмов, информации, системы обработки или полученных данных, а скорее от их материальной реализации. В этом отношении отражающая прозрачность, задуманная как *заглядывание в*, потребовало бы пролить свет или раскрыть такие важные материальные аспекты систем ИИ, как это происходит с их информационными аспектами. Это включает в себя материальность аппаратного обеспечения, реализующего данную информационную систему, требования к его производству или обслуживанию и сопутствующие этому трудовые отношения. Например, утверждалось, что обучение некоторых систем ИИ может выбрасывать столько же углерода, сколько пять

автомобилей за свою жизнь, но это определенно не общеизвестно. [16] Более того, понимание материальности систем ИИ выявляет множество факторов, которые не учитываются информационной прозрачностью, например, использование энергии, а также факторы, по отношению к которым технологии ИИ могут быть непрозрачными (например, их производственный процесс, разделение труда и т. д.), их экологическое воздействие и так далее). [17] Эти факторы существуют, и они являются важными аспектами непрозрачности, которые часто проявляются, когда есть требования большей прозрачности. Некоторые из них могут не иметь строго никакого отношения к информации или иметь лишь очень косвенное отношение, но, тем не менее, мы должны серьезно относиться к таким утверждениям, учитывая, что разумно спросить, сколько энергии затрачивается на данный поиск; или сколько энергии используется для хранения данных для транзакции; или каковы последствия добычи ресурса для окружающей среды или для политических условий данной страны. Все это важные вопросы, когда речь идет об этике ИИ.

2.3. Трансформационная прозрачность

Третьим подтипом отражающей прозрачности является трансформационная прозрачность, т. е. прозрачность в отношении нейронных и телесных преобразований, которые вызывает повсеместное использование технологии ИИ. В этом отношении технологии искусственного интеллекта признаны непрозрачными для пользователя в связи с тем глубоким преобразующим эффектом, который наше взаимодействие с ними оказывает на наши когнитивные способности.

Трансформационная непрозрачность возникает, когда в агенте (человеке), использующем артефакт ИИ, происходят скрытые изменения, которые оказывают важное влия-

ЭФФЕКТЫ ТИПА "ЭХО ВОЗМОЖНОСТЕЙ", КОГДА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОЩУЩАЕТ ОТСУТСТВИЕ СИСТЕМЫ, КОГДА НЕ ИСПОЛЬЗУЕТ ЕЕ, ВОЗМОЖНО, КАК ПОТЕРЮ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

ние на когнитивные, эпистемические или этические способности агента. Например, повсеместное использование GPS может оказать преобразующее воздействие на способности и методы навигации (Gillett and Heersmink, 2019). Эти эффекты могут быть как положительными, так и отрицательными, но неспециалисты не имеют

доступа к таким данным. Такие эффекты могут быть самыми разнообразными, в том числе широко распространенные эффекты типа "эхо возможностей", когда пользователь ощущает отсутствие системы, когда не использует ее, возможно, как потерю возможностей. [18] Они также могут включать в себя такие вещи, как зависимость от памяти, и потенциально влиять на перспективы трудоустройства агента, его когнитивные способности или даже на его ощущение себя или личности. [19] Дело в том, что мы начинаем полагаться на такие системы, и компании могут даже намеренно склонять нас полагаться на системы, которые изменяют наши когнитивные (или этические, или эпистемологические) способности.

Подводя итог, приходим к заключению, что отражающая прозрачность может указывать на (не)видимость определенных информационных или материальных аспектов систем ИИ, а также на (не)видимость эффектов, которые всепроникающая зависимость от систем ИИ вызывает у их пользователей. Как мы увидим позже, понятие отражающей прозрачности (в трех его подтипах) может помочь нам уточнить, что требуется от прозрачности в системах ИИ, но прежде чем рассматривать это более подробно, рассмотрим другую концепцию прозрачности.

3. Прозрачность в использовании технологий ИИ

Как упоминалось во введении, некоторое понятие прозрачности широко использует-

ся и в феноменологии, а также в философии технологии и когнитивной науки, где оно используется для концептуализации того, как люди начинают действовать с помощью определенных инструментов и артефактов.

То, что мы будем называть *прозрачностью в использовании*, – это стандартная форма прозрачности, которая проявляется в воплощенных подходах к познанию, а также в философских объяснениях, унаследовавших концепции от феноменологической традиции. [20] Прозрачность здесь вызывает идею о том, что агент *видит или действует через оборудование*, как правило, в тех случаях, когда артефакт используется для какой-то цели. Такая феноменологическая прозрачность или прозрачность в использовании относится к *мастерству* использования определенного артефакта или ряда артефактов умелым агентом. Когда устройства в некоторой степени прозрачны для умелого агента, внимание агента и сознательная мысль не останавливаются на интерфейсе, а скорее на поставленной задаче. Это происходит только тогда, когда достигается определенная степень мастерства. Другими словами, технологическое устройство становится прозрачным для пользователя, как только он достаточно искусно взаимодействует с ним. Это связано с тем, что после достижения определенного уровня мастерства пользователю не нужно постоянно останавливаться и размышлять о том, как правильно его использовать. Вместо этого их ресурсы внимания направлены на выполнение поставленной задачи, а не на технологию, с которой они взаимодействуют. [21]

Прежде чем идти дальше, давайте кратко укажем, как может быть достигнута прозрачность в использовании. Несколько исследований показывают, что после определенной практики с инструментом или технологией представление личного пространства в мозгу изменяется. Это было интерпретировано как включение инструмента в *схему тела*, то есть в то, что было определе-

но как нейронное представление формы и позы тела (Gallagher 2005, p. 24). Основная идея здесь заключается в том, что когда инструмент включается в схему тела, мозг представляет его как часть тела. [22] И, грубо говоря, феноменологическим индикатором этого процесса инкорпорации является феноменологическая прозрачность инструмента. [23]

Эта прозрачность в использовании применялась к широкому спектру технологий, от рудиментарных молотков (Heidegger 1927), до ноутбуков (Clark and Chalmers 1998) или интернет-технологий (Clowes 2015; Wheeler 2019; Heersmink and Sutton 2020). Однако, хотя прозрачность использования обсуждалась в контексте нескольких технологий XXI века, ее конкретное отношение к технологиям ИИ не было предметом детального изучения.

Технологии искусственного интеллекта являются информационными технологиями, и достижение определенной степени прозрачности в использовании может потребовать развития у пользователя различных навыков. Во-первых, когда мы взаимодействуем с информационным устройством, успешная прозрачность в использовании влечет за собой развитие таких навыков, как простая интерпретация информации, которую передает устройство. Во-вторых, пользователю необходимо развить различные процедурные навыки, чтобы он мог свободно взаимодействовать с технологией. Все это способствует получению прозрачности в использовании, которая будет зависеть от особенностей технологии и навыков пользователя.

Чтобы лучше понять тонкости того, как это понятие прозрачности относится к системам ИИ, будет полезно использовать введенное Ричардом Хирсминком (2013) различие между *процедурной* и *репрезентативной прозрачностью*: различие, которое Хирсминк вводит в своей таксономии изменений интеграции информационные технологии в когнитивную систему агента. [24]

Хирсминк (2013) относится к репрезентативной прозрачности как к легкости, с которой пользователь может интерпретировать репрезентативную систему или устройство информационного устройства. Это касается способности читать какой-то абстрактный паттерн или интерпретировать репрезентативную систему. Процедурная прозрачность, с другой стороны, касается того, насколько эффективно, плавно и умело устройство может быть развернуто в действии. Оба эти вида прозрачности являются формами прозрачности в использовании. [25]

Здесь стоит отметить, что прозрачность в использовании считается целью дизайна. [26], учитывая, что хороший дизайн может способствовать свободному и легкому взаимодействию с данной технологией. Однако именно эта феноменологическая прозрачность некоторых технологий вызывает этические опасения. Это связано с тем, что большинство технологий ИИ демонстрируют высокий уровень того, что Клоуз (Clowes, 2015) называет *практической неинтегрируемостью*, т. е. способностью легко и беспрепятственно включаться в человеческую деятельность, в то же время будучи в высшей степени непрозрачным для рефлексии. В этом отношении утверждалось, что "умные" технологии, которые мы учимся рассматривать как прозрачные, могут скрытым образом влиять на наши когнитивные процессы, [27] или что наша сильная зависимость от них может поставить под угрозу нашу личность, [28] или наша интеллектуальная автономия. [29]

Именно здесь мы достигаем точки конфликта между прозрачностью использования и рефлексивной прозрачностью, поскольку некоторая степень сознательного проникновения (на индивидуальном или групповом уровне) кажется важной для решения некоторых этических проблем. Проблема в том, что прозрачность в использовании – это своего рода *видение* предметов и технологий, а не то *видение*, которое мы наблюдаем в случаях, описанных в предыдущем разделе.

Их различия, однако, не должны заставлять нас думать, что нам следует выбирать между одним и другим. В следующих разделах мы увидим, насколько важны оба типа прозрачности и что их следует учитывать при обсуждении желаемых свойств систем с участием ИИ.

4. Степени прозрачности (на практике)

Учитывая наше предшествующее обсуждение, может показаться, что два общих типа прозрачности, которые мы обсуждали, т. е. прозрачность в использовании и отражающая прозрачность, имеют мало общего друг с другом. Однако, как мы сейчас покажем, это ошибка, поскольку и то, и другое применимо для создания более этически адекватных систем ИИ. Чтобы показать это, мы сосредоточимся на их значимости для создания систем, которые способствуют, а не подрывают человеческую свободу воли. Но чтобы увидеть это, мы должны ненадолго отступить и рассмотреть некоторые ключевые особенности прозрачности, прежде чем исследовать свободу действий в системах ИИ.

По нашему мнению, прозрачность (как прозрачность в использовании, так и отражающая прозрачность) – это реляционная категория, связывающая пользователя и технологию. Когда человек (или группа людей) взаимодействует с данной системой ИИ, технология может быть более или менее прозрачной в использовании, и они могут быть более или менее способны видеть или размышлять над некоторыми из ее механизмов, ее обработки или ее последствий. Это говорит о том, что прозрачность всегда относится к отдельному лицу или группе лиц. В зависимости от свойств технологии и навыков, приобретенных отдельным лицом или группой лиц, данная технология может быть более или менее прозрачной. В связи с этим стоит отметить, что хотя в принципе системы ИИ могут быть полностью прозрачными, на практике они не бу-

дуг полностью прозрачными. [30] Подумайте, например, о методах машинного обучения. В большинстве случаев даже дизайнеры не могут полностью понять основные процессы. Но это не значит, что они непрозрачны в принципе. Давайте кратко рассмотрим, как это влияет на различные варианты прозрачности.

Прежде всего, можно утверждать, что система ИИ в принципе полностью рефлексивно прозрачна, а это означает, что ее механизмы можно сделать видимыми и объяснимыми, а ее воздействие на пользователя в принципе – понятным (даже если только для разума) выше человеческого разума). Однако, что важно при обсуждении систем ИИ и их этики, так это их прозрачность на практике. Например, на практике возникают вопросы материальной прозрачности, например, относительно того, имеет ли компания определенный углеродный след, который они решили не раскрывать. Или могут быть определенные типы информационной прозрачности – например, что означает объем данной нейронной сети или как она выполняет вычисления – которые могут быть непрозрачны для любого человека, несмотря на то, что они прозрачны в принципе. Здесь важно то, что система не является одинаково непрозрачной для всех индивидуумов, несмотря на то, что в принципе данная система должна быть прозрачной. С другой стороны, прозрачность в использовании всегда прозрачна на практике; она всегда связана с навыками пользователя или группы пользователей, то есть всегда ориентирована на агента.

Таким образом, мы можем заключить, что прозрачность на практике бывает разной степени. Однако теперь мы сталкиваемся со следующей проблемой: как мы можем определить, какой тип и степень прозрачности являются правильными? Как мы увидим, это может и должно определяться на различных

фонах, и свобода действий – одна из ярких возможностей. Давайте теперь приступим к изучению агентности в системах ИИ.

5. Исследование агентности в системах ИИ

Отражающая прозрачность и прозрачность в использовании имеют важное отношение к осуществлению человеческой деятельности в контексте использования

технологий, хотя и касаются противоположных аспектов человеческой деятельности. Прежде чем продолжить, уточним, что мы принимаем "свободу воли" для обозначения осу-

ществления или проявления чьей-либо способности предпринимать действия или "делать что-то".

Рефлексивная прозрачность (т. е. видение различных аспектов оборудования и механизмов системы ИИ, с которой взаимодействуют люди) относится к тем аспектам человеческой деятельности, с помощью которых мы можем наблюдать аспекты работы данного артефакта, приложения или программная система. Одна из основных причин стремления к различным формам отражающей прозрачности систем ИИ заключается в том, что они потенциально предлагают нам больший контроль над такими системами, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Получив доступ к механизмам, которые производят результаты систем ИИ, у нас есть возможность понять, бросить вызов или даже перепроектировать такие системы, чтобы мы могли направить их на более желательные, сознательные, этические или политически адекватные цели. Это (возможно) только в некоторой степени "заглянуть" в составные части систем ИИ. [31] Как правило, такая открытость к познанию позволяет нам хотя бы частично понять, обдумать и тем самым (в идеале) получить контроль над некоторым процессом, который ограничивает или формирует

нашу способность действовать. Это, на наш взгляд, бесспорно, однако, и, что особенно важно, определенной степени отражающей прозрачности не всегда будет достаточно. В некоторых обстоятельствах просто способности действовать с помощью (прозрачной в использовании) технологии достаточно для достижения наших целей, а это означает, что такая отражающая прозрачность не всегда будет необходима или полезна. Вот почему применение понятия прозрачности в использовании к дебатам, касающимся этики ИИ, оказывается чрезвычайно полезным.

Прозрачность в использовании подчеркивает способность агента опосредовать некоторые аспекты своих действий по достижению заданной цели контролируемым, плавным и умелым образом. Прозрачность в использовании требуется от технологий, которые опосредуют беглую человеческую деятельность, возможно, особенно такого рода, который характерен для квалифицированного мастерства (Dreyfus and Dreyfus 1980). Но нет особой причины, по которой технологии, которые включают системы ИИ или полагаются на них, должны отличаться, по крайней мере, когда мы используем их в умелых действиях. Подумайте, например, об использовании таких технологий, как CAD (автоматизированное проектирование) или даже программного обеспечения для обработки текстов. Например, чтобы написать часть текста, важно не постоянно бороться с интерфейсом. Необходимо проецировать свою мысль на то, что вы пишете. Неотзывчивого, навязчивого или просто незнакомого интерфейса часто бывает достаточно, чтобы помешать выполнению работы или доведению мысли до конца. Вот почему для эффективного взаимодействия с технологией необходима некоторая степень прозрачности в использовании. [32] Это правда, что для эффективного действия агенту не обязательно быть в неведении обо всех аспектах технологии, но агент должен быть в некоторой степени искусным, а это уже влечет за собой некоторую степень про-

зрачности в использовании. Другими словами, возможность сосредоточиться на поставленной задаче при использовании или использовании данной технологии, какой бы простой или сложной она ни была, необходима для эффективного взаимодействия с технологией ИИ. [33] Это показывает, что при размышлении об этике ИИ следует принимать во внимание прозрачность использования, учитывая его связь с деятельностью человека.

Теперь мы подошли к моменту, когда на карту поставлено определение того, какой тип прозрачности является подходящим в данных обстоятельствах, и для этого нам нужно глубже изучить структуру человеческой деятельности. Согласно общепринятому различию, существуют базовые и сильные формы агентности (Bratman 2000). Базовая активность предполагает способность действовать, в то время как сильная активность может быть определена с точки зрения способности агента к рефлексии, самооценке, саморегулированию и организации по отношению к проектам с течением времени (Bratman 2000). [34]

Когда речь идет о взаимодействии с технологиями, простое действие предполагает способность действовать, в то время как сильное действие, напротив, подразумевает способность размышлять и реконструировать свои отношения с технологией. В случае интеллектуальных артефактов, т. е. артефактов, воплощающих или включающих в себя элементы технологии ИИ, прозрачность в использовании касается аспекта таких артефактов, который позволяет нам просто – не задумываясь – использовать их для достижения какой-либо цели, или цели в служение некоторому ремеслу или деятельности, в то время как рефлексивная прозрачность касается степени, в которой мы можем видеть, как работает технология или как она влияет на наши перцептивные и когнитивные способности. Ключевым моментом здесь является то, что, в зависимости от различных факторов, мы можем захо-

теть усилить сильную свободу воли, что потребует более высокой степени отражающей прозрачности.

Здесь может быть полезен пример, и мы разработаем его с точки зрения использования системы навигации, такой как Google Maps (см. рис. 1). Хорошая система навигации – да и любая адекватная – спроектирована так, чтобы быть прозрачной в использовании, по крайней мере, некоторое время, например, когда мы едем. Система навигации, которая навязчиво предупреждает пользователя, например, об изменениях дорожных условий или изменениях маршрута, скорее всего, будет очень опасной. Напротив, прозрачная в использовании программная система может расширить наши возможности действовать, например, управлять автомобилем, когда мы эффективно знаем, куда мы хотим попасть, но не знаем, как туда добраться. Как мы подчеркивали ранее, использование таких систем требует значительных навыков и адаптации к программной системе.

нашим собственным потребностям. Иногда нам может понадобиться узнать, почему алгоритм отправляет нас по определенному маршруту, или изменить то, как алгоритм выделяет показанный нам маршрут, или просто понять, насколько хорошо работает алгоритм. Возможность приспособить такую систему к нашим конкретным потребностям – это способ тонкой настройки наших способностей выполнять действия, а также ее можно рассматривать как способ усиления нашего контроля над системой. Системы, которые позволяют такие возможности контролировать, вмешиваться и настраивать информационные ресурсы, которые определяют действия системы, можно назвать в высшей степени прозрачными для отражения.

На этом этапе было бы неплохо прояснить, как алгоритмические системы, включая системы ИИ, могут по-разному реализовывать свойства прозрачности в использовании и отражающей прозрачности. Система навигации, демонстрирующая достаточную

прозрачность при использовании для обеспечения безопасного и эффективного вождения на дороге, может также предоставлять инструменты, обеспечивающие изощренную отражающую прозрачность в те моменты, когда представление такой информации не представляет опасности для водителя (например,

при планировании маршрута). Но также важно отметить, что не все системы можно регулировать или настраивать одинаковым образом. Алгоритм Facebook Edgerank (см. Bucher 2012) обеспечивает высокую степень прозрачности взаимодействия с нашими друзьями и знакомыми (см. рис. 2), вплоть до практической невидимости. Но, в то же время, Edgerank имеет очень ограниченную отражающую прозрачность. То есть механизмы, определяющие, какие посты мы

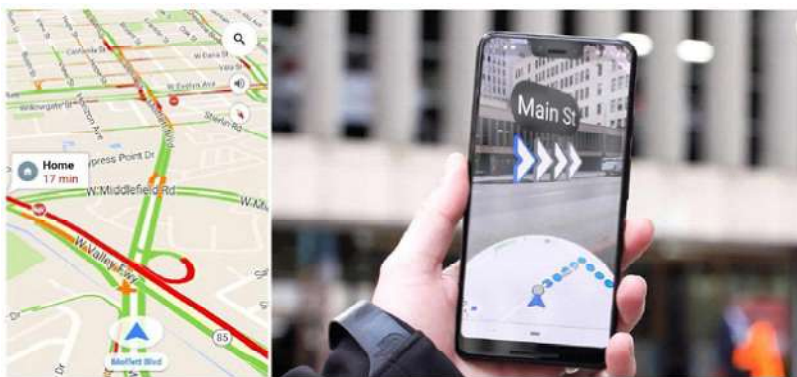

Рисунок 1 – Система навигации Google Maps

На левом изображении показаны Карты Google в так называемом "режиме вождения". На правом изображении показаны Карты Google в так называемом "режиме дополненной реальности".

Тем не менее, системы навигации могут также иногда требовать, чтобы мы знали больше о том, как работает само программное обеспечение, чтобы мы могли лучше настроить его или даже приспособить его к

видим, скрыты и дают нам очень ограниченные возможности по их настройке.

Рисунок 2 – Алгоритм ранжирования Facebook

Мы можем рассматривать взаимодействие двух свойств как своего рода сетку, в которой отношения артефакт-пользователь могут находиться в одном из четырех положений. [35] Взаимодействия между прозрачностью в использовании и отражающей прозрачностью сложны, но могут быть схематизированы, как показано в таблице (табл.).

Таблица – Взаимодействие между прозрачностью в использовании и отражающей прозрачностью

	Базовое агентство	Сильное агентство
Прозрачность в использовании	Требуется для плавного взаимодействия с артефактами и технологиями, а также для наших способностей «действовать через них»	Может служить основой для регулирования технологий, по при некоторых обстоятельствах может мешать осмысленному использованию технологий.
Светоотражающая прозрачность	Слишком много или неправильная отражающая прозрачность в неподходящее время может подавлять базовую свободу действий.	Требуется для способности обдумывать и изменять наше взаимодействие с алгоритмическими технологиями.

Технологии могут демонстрировать степень прозрачности как при использовании, так и отражающей прозрачности (хотя, вероятно, не высокие степени того и другого одновременно). Они также могут демонстрировать высокую степень прозрачности в использовании при очень низкой степени от-

ражающей прозрачности. Например, Edgerank (ранжирование), с точки зрения среднего пользователя Facebook, может быть такой технологией. Другая возможность заключается в том, что они могут демонстрировать низкую степень прозрачности в использовании, но высокую степень прозрачности отражения – некоторые промышленные системы поддержки принятия решений, вероятно, относятся к этому типу.

Или они могут демонстрировать низкие уровни прозрачности обоих типов. Системы, которые одновременно непрозрачны в использовании и непрозрачны для отражения, могут по-прежнему выполнять полезные функции, но их, вероятно, будет сложно использовать и контролировать, и особенно трудно понять или контролировать, когда они плохо себя ведут. По причинам, которые мы сейчас рассмотрим, они также могут занимать опасное этическое пространство.

6. Рекомендации для этически адекватных систем ИИ

Мы начали эту статью с того, что отметили, что "прозрачность" относится, с одной стороны, к различным аспектам видимости лежащих в основе процессов в системах ИИ (то, что мы называли отражающей прозрачностью), а с другой – к опыту взаимодействия

пользователя с Системы искусственного интеллекта (то, что мы называли прозрачностью в использовании). Важно отметить, что мы отметили, что между ними, по-видимому, существует напряжение: первое – требует определенной степени сознательного

доступа к определенным функциям системы ИИ, а второе – требует, чтобы наши сознательные мысли и внимание уходили еще дальше от системы. Это то, что мы назвали "проблемой прозрачности". В предыдущих разделах мы показали, что как прозрачность в использовании, так и отражающая прозрачность, а также их различные подтипы, являются важными концептуальными инструментами для прояснения и понимания различных аспектов нашего отношения к технологии ИИ; и мы обратились к их важности с человеческой деятельностью. Теперь мы хотим закончить, кратко изучив, как эти факторы имеют важные, но обычно недооцененные последствия для разработки и использования технологий, основанных на ИИ.

Многие системы ИИ, особенно те, которые в высокой степени персонализированы и ориентированы на отдельных пользователей, часто очень прозрачны в использовании и спроектированы таким образом, но при этом очень непрозрачны по отношению к отражающей прозрачности. По причинам, которые мы только что описали относительно агентства, это может быть проблематично. Однако наш анализ показал, что имеет место и обратное: системы, обладающие высокой рефлексивной прозрачностью, могут ухудшить нашу способность взаимодействовать с ними. Там, где требуется быстрое действие, чтобы опосредовать своевременные действия человека, мы часто требуем, чтобы наши артефакты были потенциально очень прозрачными в использовании. Не следует забывать о сохранении или, по крайней мере, обеспечении способности к плавному действию и активности при использовании этих технологий.

Следствием нашего анализа является то, что некоторая степень отражающей непрозрачности в системах ИИ не всегда плоха или, по крайней мере, не всегда так уж плоха. Вспомним, например, о рассмотренных выше примерах поиска пути. Тем не менее, могут быть ситуации, когда прозрачность в

использовании не всегда хороша, и некоторые из этих ситуаций могут быть теми, которые могут проявиться в отношении технологий ИИ. Проблема, как отмечалось выше, заключается в том, что по мере того, как мы начинаем полагаться на прозрачные в использовании технологии, которые включают в себя (относительно) отражательно непрозрачные элементы, наши действия могут стать еще более предвзятыми, скрытыми или непроницаемыми для нас способами. Сильная зависимость от когнитивных систем, которые по своей природе непрозрачны для рефлексии, кажется способной подорвать автономию агентов. Например, некоторые формы информационной прозрачности могут быть выбраны разработчиками системы (Clowes, 2020). Системы, которые очень непрозрачны для отражения, как правило, не позволяют пользователям делать выбор в отношении того, как они действуют в таких системах. Такие системы перемещают нас на опасную территорию проблемы контроля (Russell, 2019), где мы сталкиваемся с вопросом: как мы можем гарантировать, что ИИ останется совместимым с человеческими интересами?

Мы видим, что изучение различных разновидностей прозрачности имеет важные этические последствия для проектирования и развертывания систем ИИ. Поэтому мы рекомендуем, чтобы системы ИИ, с которыми мы постоянно взаимодействуем, в какой-то степени обеспечивали оба типа прозрачности. Другими словами, мы должны говорить о разработке систем, открытых для определенных степеней отражающей прозрачности и прозрачности в использовании, по крайней мере, если речь идет о поощрении человеческой деятельности. Как мы только что показали, в то время как прозрачность в использовании важна для нашей когнитивной экономики и свободного взаимодействия с технологиями, рефлексивная прозрачность имеет решающее значение для более сильных форм человеческой деятельности, включая планирование, само-

рефлексию и самоформирование. [36] Создание технологий, настраиваемых таким образом, может оказаться одним из основных способов внедрения ИИ в наши общества.

Примечания

1. См. Ferreira et al. (2021).
2. Wang (2008).
3. См. Bernard Marr, The Revolutionary Way of Using Artificial Intelligence in Hedge Funds: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2019/02/15/the-revolutionary-way-of-using-artificial-intelligence-in-hedge-funds-the-case-of-aidya/#17eb640157ca> (Дата доступа: 13 июня 2021 г.). Также в крайних случаях такие системы могут использоваться для алгоритмического регулирования общества (Cristianini and Scantamburlo 2020).
4. См.: <https://www.science.org/news/2020/08/ai-invents-new-recipes-potential-covid-19-drugs>.
5. См.: <https://replika.ai/>
6. См.: Lupton (2016).
7. См.: Floridi et al. (2018).
8. Однако важные обсуждения этих тем см. В: Coeckelbergh (2020), de Fine Licht and de Fine Licht (2020) и Walmsley (2020).
9. Для обзора см.: Muller (2020). См. также: de Fine Licht и de Fine Licht (2020).
10. В своей влиятельной работе Турилли и Флориди пишут: "Однако в дисциплинах компьютерных наук и информационных технологий "прозрачность" чаще относится к состоянию невидимости информации, например, когда говорят, что приложение или вычислительный процесс прозрачным для пользователя" (Turilli and Floridi 2009, p. 105).
11. Подробнее об этом в разд. 3.
12. Wheeler (2019) определяет проблему в следующей цитате: "Иногда технология описывается как прозрачная, когда определенный класс пользователей может точно понять, как она работает. Это вполне разумное понятие прозрачности, но обратите внимание, что устройство, прозрачное в этом смысле, может быть сломано или неисправно, и поэтому не будет прозрачным в феноменологическом смысле, и что устройство, которое феноменологически прозрачно в использовании, может быть непроницаемым в своей внутренней работе и поэтому не будет прозрачным в смысле "открытого для понимания". Следовательно, между двумя понятиями существует двойная диссоциация" (Wheeler 2019, p. 859).
13. Walmsley (2020) классифицирует различные понятия прозрачности и различает "внешнюю" прозрачность, нацеленную на различные эпистемологические и этические особенности систем ИИ,

и функциональную прозрачность. У нас недостаточно места, чтобы рассмотреть разницу между таксономией Уолмсли и нашей. Однако мы хотим подчеркнуть, что эти различные разновидности прозрачности соответствуют различным формам того, что мы называем отражающей прозрачностью. Мы благодарим анонимного рецензента за то, что он обратил на это наше внимание.

14. См.: de Fine Licht и de Fine Licht (2020).
15. Иногда это называют "открытием черного ящика". См. Zednik (2021).
16. См. работу Karen Hao об углеродном следе глубокого обучения: <https://www.technologyreview.com/2019/06/06/239031/training-a-single-ai-model-can-emit-as-much-carbon-as-five-cars-in-their-lifetimes/> (дата доступа: 3 декабря 2020 г.).
17. См., например, отчет Amnesty International и Afreewatch о детском труде и кобальтовых рудниках: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/01/child-labour-behind-smart-phone-and-electric-car-batteries/> (дата доступа: 2 июня 2021 г.).
18. См.: Smart et al. (2017), p. 77-78.
19. Clowes (2020).
20. Классические примеры такой прозрачности в литературе включают Хайдеггера (1927) и Мориса Мерло-Понти (1945). О более современных подходах см. Clark (2008), Heersmink (2015), Wheeler (2019) и Andrada (2020).
21. Обычно утверждалось, что прозрачность влечет за собой отсутствие сознательного мышления или размышлений для умелого использования артефакта. См.: Heersmink (2015), Andrada (2020).
22. Это эмпирически подтверждается экспериментами, например, проведенными Маравитой и Ирики (2004).
23. Прозрачность сыграла важную роль в гипотезе расширенного разума, где некоторая форма прозрачности в использовании является показателем умственного или когнитивного расширения (Clark and Chalmers 1998; Clark 2008; Andrada 2020). Здесь мы не хотим вступать в дебаты о правдоподобности или неправдоподобности тезиса расширенного разума. Тем не менее, как станет ясно, мы считаем, что определенная степень прозрачности в использовании имеет решающее значение для успешного взаимодействия человека и технологии.
24. Heersmink (2015) называет репрезентативную прозрачность "информационной прозрачностью". Во избежание путаницы с нашим понятием информационной прозрачности мы решили говорить о "репрезентативной прозрачности".
25. Обратите внимание, что это различие справедливо для информационных устройств, но

не для всех случаев прозрачности в использовании.

26. См., например, <https://calmtech.com/> (дата доступа: 2 августа 2021 г.).

27. См. Wheeler (2019) для описания рисков, которые влечет за собой прозрачность в некоторых наших когнитивных процессах. См. также Andrada (2021), чтобы узнать больше о связи между прозрачностью и эпистемологическим положением агента.

28. См.: Clowes (2020).

29. См. Carter (2020).

30. Спасибо анонимному рецензенту за то, что обратил на это наше внимание.

31. Это относится к так называемой проблеме контроля (Bostrom 2014; Russell 2019), которую можно рассматривать как проблему (коллективного) человеческого агентства, получающего контроль над (в данном случае) сверхразумным ИИ, чтобы избежать экзистенциальной угрозы.

32. Спасибо анонимному рецензенту за то, что он побудил нас развивать этот момент дальше.

33. Связь между прозрачностью использования и агентством также подчеркивает важность доступных и инклюзивных технологий. См. Andrada (2020), чтобы узнать больше о взаимосвязи между феноменологической прозрачностью, технологиями и разнообразными воплощениями.

34. Мы хотим предупредить читателя, что мы не утверждаем, что это различие правильно. На самом деле могут быть веские основания полагать, что даже если мы сможем провести такое различие для определенных теоретических целей, отношения между такими формами деятельности будут гораздо более динамичными и переплетенными. Тем не менее, это различие может помочь прояснить предлагаемый нами анализ.

35. Важно отметить, что ситуация была бы другой, если бы мы хотели определить правильную степень и тип прозрачности, необходимые для повышения доверия и надежности в системах ИИ. С практической точки зрения такие теоретики, как O'Neill (2020), поставили под сомнение степень эффективности прозрачности в оценке благонадежности, и есть дополнительные причины сомневаться в предполагаемой взаимосвязи между прозрачностью и доверием; то есть идея о том, что (отражающая) прозрачность всегда играет положительную роль в культивировании доверия или поддержке оценок надежности системы (см. также Nguyen 2021). С другой стороны, пользователи доверяют системам ИИ для участия в различных действиях. Они не хотят постоянно проверять исправность оборудования, потому что это мешает им работать с ним. Вот почему некоторая степень прозрачности в использовании кажется необходимой для надежности. Здесь важно по-

мнить, что адекватный тип и степень прозрачности, необходимые для укрепления доверия и надежности систем ИИ, могут отличаться от уровня прозрачности, необходимого для продвижения агентства. Мы надеемся вернуться к этому вопросу в будущей работе, но этого уже достаточно, чтобы показать, как применение нашей таксономии к различным нормативным рамкам может помочь осветить различные аспекты взаимодействия человека и технологий и этики ИИ.

36. См.: Clowes (2019a, b) примеры того, как использование Fitbit и систем персонального отслеживания часто является способом практической свободы действий.

References

1. AI HLEG (High-Level Expert Group on Artificial Intelligence) (2019) Ethics Guidelines for Trustworthy AI. European Commission, Brussels, Belgium. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>
2. Andrada G (2020) Transparency and the phenomenology of extended cognition. *LIMITE Interdiscipl J Philos Psychol* 15(20):1-17
3. Andrada G (2021) Mind the notebook. *Synthese* 198:4689-4708
4. Bostrom N (2014) *Superintelligence: paths, dangers, strategies*. Oxford University Press, Oxford
5. Bratman ME (2000) Reflection, planning, and temporally extended agency. *Philos Rev* 109(1):35-61
6. Bucher T (2012) Want to be on the top? Algorithmic power and the threat of invisibility on Facebook. *New Media Soc* 14(7):1164-1180
7. Carter JA (2020) Intellectual autonomy, epistemic dependence and cognitive enhancement. *Synthese* 197(7):2937-2961
Article Google Scholar
8. Clark A (2008) *Supersizing the mind: embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford University Press, New York
9. Clark A, Chalmers D (1998) The extended mind. *Analysis* 58(1):7-19
10. Clowes RW (2015) Thinking in the cloud: the cognitive incorporation of cloud-based technology. *Philos Technol* 28(2):261-296. <https://doi.org/10.1007/s13347-014-0153-z>
11. Clowes RW (2019a) Immaterial engagement: Human agency and the cognitive ecology of the Internet. *Phenomenol Cogn Sci* 18(1):259-279
12. Clowes RW (2019b) Screen reading and the creation of new cognitive ecologies. *AI Soc* 34:705-720
13. Clowes RW (2020) The internet extended person: exoself or doppelganger? *L?MITE Interdiscipl J Philos Psychol* 15(22):1-23
14. Coeckelbergh M (2020) *AI ethics*. MIT Press, Cambridge
15. Cristianini N, Scantamburlo T (2020) On social machines for algorithmic regulation. *AI Soc* 35:645-662

16. de Fine Licht K, de Fine Licht J (2020) Artificial intelligence, transparency, and public decision-making. *AI Soc* 35(4):917-926
17. Diakopoulos N (2020) Transparency. In: Dubber MD, Pasquale F, Das S (eds) *The oxford handbook of ethics of AI*. Oxford University Press, New York, pp 197-213
18. Dreyfus SE, Dreyfus HL (1980) A five-stage model of the mental activities involved in directed skill acquisition. In: *Operations Research Center, University of California, Berkeley, California*
19. Ferreira FGDC, Gandomi AH, Cardoso RTN (2021) Artificial intelligence applied to stock market trading: a review. *IEEE Access* 9:30898-30917
20. Floridi L, Cowls J, Beltrametti M, Chatila R, Chazerand P, Dignum V, Luetge C, Madelin R, Pagallo U, Rossi F (2018) *AI4People-an ethical framework for a good AI society: opportunities, risks, principles, and recommendations*. *Mind Mach* 28(4):689-707
21. Gallagher S (2005) *How the body shapes the mind*. Oxford University Press, Oxford
22. Gillett AJ, Heersmink R (2019) How navigation systems transform epistemic virtues: knowledge, issues and solutions. *Cogn Syst Res* 56:36-49
23. Heersmink R (2013) A taxonomy of cognitive artifacts: function, information, and categories. *Rev Philos Psychol* 4(3):465-481
24. Heersmink R (2015) Dimensions of integration in embedded and extended cognitive systems. *Phenomenol Cogn Sci* 14(3):577-598
25. Heersmink R, Sutton J (2020) Cognition and the web: extended, transactive, or scaffolded? *Erkenntnis* 85:139-164
26. Heidegger M (1927) *Being and time*. Basil Blackwell, Oxford
27. Lupton, D. (2016) Digital health technologies and digital data: new ways of monitoring, measuring and commodifying human bodies. In: Olleross FX, Zhegu M (eds) *Research handbook on digital transformations*. Edward Elgar Publishing Ltd., Cheltenham
28. Maravita A, Iriki A (2004) Tools for the body (schema). *Trends Cogn Sci* 8(2):79-86
29. Merleau-Ponty M (1945) *Phenomenology of Perception*. Routledge Press, London
30. Muller VC (2020) Ethics of artificial intelligence and robotics. In: Zalta EN (ed) *The stanford encyclopedia of philosophy* (Fall 2020 ed.). Stanford University, Stanford, California, USA. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ethics-ai/>
31. Nguyen CT (2021) Transparency is surveillance. *Philos Phenomenol Res*. <https://doi.org/10.1111/phpr.12823>
32. O'Neill O (2020) Questioning Trust. In: Simon J (ed) *The routledge handbook of trust and philosophy*. Routledge, New York, pp 17-27
33. Russell SJ (2019) *Human compatible: AI and the problem of control*. Viking Press, New York
34. Smart PR, Heersmink R, Clowes RW (2017) The cognitive ecology of the internet. In: Cowley SJ, Vallee-Tourangeau F (eds) *Cognition beyond the brain: computation, interactivity and human artifice* (2nd ed, pp 251-282). Springer International Publishing, Cham, Switzerland
35. Turilli M, Floridi L (2009) The ethics of information transparency. *Ethics Inf Technol* 11(2):105-112
36. Walmsley J (2020) Artificial intelligence and the value of transparency. *AI Soc* 36(2):585-595
37. Wang F-Y (2008) Toward a revolution in transportation operations: AI for complex systems. *IEEE Intell Syst* 23(6):8-13
38. Weller A (2019) Transparency: motivations and challenges. In: Samek W, Montavon G, Vedaldi A, Hansen LK, Muller K-R (eds) *Explainable AI: interpreting, explaining and visualizing deep learning* (Vol 11700, pp 23-40). Springer, Cham, Switzerland
39. Wheeler M (2019) The reappearing tool: transparency, smart technology, and the extended mind. *AI Soc* 34(4):857-866
40. Zednik C (2021) Solving the black box problem: a normative framework for explainable artificial intelligence. *Philos Technol* 34:265-288.

Pogrebnaya Yana Vsevolodovna, DSc of Philology, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

The undertaken research is aimed at identifying the determinism of the characters of the heroes of the novel "A Hero of Our Time" not so much by the ideological content of the era of the 30s. XIX century, how much of its economic content, as the era of industrialization, aimed at establishing commodity-money relations. The purpose of the article is to determine the value of the factor of money as a marker of the era of industrialization in the construction of human relations of the heroes of the novel and the degree of aberration of moral values, which causes their expression in commodity-money equivalent. The main research method is the comparative-historical method, aimed at identifying and comparing the contexts in which the situations of bargaining or transactions vary in the chapters of the novel, expressed in certain monetary equivalents. As a result of the study, the degree of devaluation of moral values and aberration of consciousness of the heroes of the novel is determined, the motivation of whose actions is determined by the influence of the "industrial age".

Keywords: hero; money; the era of industrialization; commodity-money relations; numismatic error; aberration of moral values.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.5

УДК 82.161.1

БАК 10.01.01

ДЕНЬГИ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ И ФАКТОР АБЕРРАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА "ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ"

© Погребная Я.В., 2022

Предпринятое исследование направлено на идентификацию детерминированности характеров героев романа "Герой нашего времени" не столько идеологическим наполнением эпохи 30-х гг. XIX века, сколько ее экономическим содержанием, как эпохи индустриализации, направленной на утверждение товарно-денежных отношений. Цель статьи состоит в определении значения фактора денег как маркера эпохи индустриализации в построении человеческих отношений героев романа и той степени aberrации нравственных ценностей, которой вызвано их выражение в товарно-денежном эквиваленте. В качестве основного метода исследования выступает сравнительно-исторический, направленный на выделение и сопоставление контекстов, в которых варьируются ситуации торга или сделки в главах романа, выражаемые в тех или иных денежных эквивалентах. В результате проведенного исследования определяется степень девальвации нравственных ценностей и aberrации сознания героев романа, мотивация поступков которых детерминирована влиянием "индустриального века".

Ключевые слова: герой; деньги; эпоха индустриализации; товарно-денежные отношения; нумизматическая ошибка; aberrация нравственных ценностей.

**ПОГРЕБНАЯ Яна
Всеволодовна**,
доктор филологических
наук, доцент, Ставро-
польский государствен-
ный педагогический
институт, Ставрополь

Введение. Во втором полном издании романа М.Ю. Лермонтова (1841) впервые было опубликовано "Предисловие", которое выступало не только ответом на критику, но и акцентировало внимание на центральной проблеме романа, заявленной уже в его названии – проблеме героя и времени, их взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлиянии. Как указывает Н. Мордовченко: "В предисловии ко второму изданию "Героя нашего времени" Лермонтов говорит о своем творчестве уже без всяких трагических интонаций и с полным сознанием его общественного смысла. [14, с.766-767]. При этом сама истори-

ческая эпоха не проакцентирована в романе прямым указанием на события, в романе нет ни одной конкретной даты, нет ни одного упоминания современного конкретного исторического лица. Упоминанием исторических лиц обозначается в романе минувшее время, именно прошедшая эпоха маркируется через упоминания А.П. Ермолова [12, с.583], Байрона [12, с.605, 645, 649], Наполеона [12, с.707], даже Пушкина [12, с.675]. Эпоха А.П. Ермолова, с которой Максим Максимыч соотносит два полученных им чина, представлена как отдаленное прошлое: Максим Максимыч, вспоминая о своей оплошности в период командования Ермолова (1816-1828), говорит: "Когда я был еще подпоручиком..." [12, с.586]. Таким же образом Печорин, приводя афоризм П.П. Каверина, замечает, что это любимая поговорка "одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным" [12, с.675]. Обратив внимание на эту особенность, С.И. Кормилов указывает: "Наше время обозначено в романе несколько абстрактно," – [10, с.12], подчеркивая при этом, что черты настоящего времени распознаются в характерах героев и поступках героев [10, с.18-19]. Э.Г. Герштейн прямо указывает на текущую современность, как на эпоху, воссозданную в романе, подчеркивая, что Лермонтов описывает "реальную обстановку настоящего времени" [7, с.27]. С.И. Кормилов, в результате детального анализа особенностей поведения героев романа, фиксируя внимание на нарушениях субординации и канонизированных норм сословной иерархии, аристократического этикета, соотнося изменившиеся и упростившиеся, даже в некоторой степени вульгаризировавшиеся способы поведения героев лермонтовского романа с поступками героев "Евгения Онегина" в аналогичных ситуациях (одним из наиболее убедительных примеров выступает поведение двух секунданта Зарецкого и драгунского капитана), приходит к выводу, что "изменилось само поведение дворян" [10, с.18]. С.И. Не-

дзвецкий в контексте сравнительной характеристики пушкинской эпохи и времени, воссозданном в лермонтовском романе, дает обобщающую характеристику той современности, которая представлена в романе, как "наше время", подчеркивая, что в романе описана эпоха "кризиса феодально-патриархальных связей и замены их безличностными прозаизированными отношениями "индустриального века" (Белинский)" [16, с. 46-47]. Показывая героя – как обобщенный собирательный портрет нового исторического поколения ("портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии" [12, с.581]), Лермонтов, таким образом, показывает эпоху, отраженную в мыслях и поступках героя.

Актуальность исследования. Предпринимаемое исследование будет направлено в первую очередь на анализ влияния "индустриального века" на характер и мотивацию поступков героев. Аспект исследования детерминированности целей и желаний героев, а в еще большей степени тех путей и способов, которые избираются ими для достижения этих целей и воплощения желаний, тенденциями развития товарно-денежных отношений в направлении формирования общества потребления находится в дополнении к трудам Б.Т. Удодова [22], Т.К. Черной [23], Е.И. Романой [18], направленными на идентификацию идеологической детерминированности реалистических образов героев романа "эпохой безвременья". В предпринимаемом исследовании формирование новых типов героев предполагается рассмотреть через призму влияния не идеологии, а экономики эпохи индустриализации.

Методы исследования. В качестве маркеров "индустриального века", озаменованного началом промышленного переворота и утверждения товарно-денежных отношений, претендующих на охват не только экономического устройства общества, но сферы общественного сознания, в романе выступают указания на деньги, си-

туации торго, купли-продажи, идентификации героя через экономический статус, определяющим в Новое время его социальный статус и личные возможности. Система товарно-денежных отношений, в которые вступают герои романа, реализуется через указания на конкретные суммы, монеты и ассигнации определенных номиналов (восьмигривенный, обещанный лакею Печорина, и рубль серебром, предложенный часовому за выстрел по Казбичу, у Максима Максимыча, рубли и червонцы у Печорина и Вулича во время спора о предопределении, монеты с не указанным номиналом, данные слепому мальчику контрабандистом Янко при расставании, деньги на водку проводникам-осетинам, выплаченные Максим Максимычем и его спутником офицером), посредством которых заключаются те или иные сделки для получения тех или иных услуг; через ситуации торго или обмена ценностями (предложения Азамата обменять сестру на коня, аналогичное предложение Азамату со стороны Печорина), через ситуации предложения материальных ценностей для получения желаемого (подарки Печорина пленнице Бэле, ковер, перекупленный Печориным у Мери, богатые обеды и ужины с шампанским, устраиваемые Печориным для отвлечения поклонников от Мери), через ситуации оценивания тех или иных феноменов как материальных, так и нематериальных, вплоть до любви и человеческой жизни и их ценового ранжирования (подарки Печорина Бэле с целью получить ее любовь, серебряный рубль, обещанный Максимом Максимычем за жизнь Казбича, двадцать червонцев, в которые оценил свою жизнь Вулич). Итогом обобщения результатов произведенного анализа должна стать относительно целостная картина влияния товарно-денежных отношений на формирование устремлений героев романа и выработки способов их достижения. Таким образом, возможность представить "эпоху безвременья" как результат утверждения товарно-денежных от-

ношений, в свою очередь, раскроет новые источники детерминированности характеров героев романа, формируемых в результате влияния тенденций развития настоящего, нового времени.

Обсуждение. Эпоха 30-х гг. XIX века в аспекте социально-экономическом знаменует начало промышленного переворота в России, постепенного утверждения и развития товарно-денежных отношений, начало индустриализации, которое существенно изменяет социальную иерархию. Реформа паспортной системы и, как ее результат, формирование прослойки крестьян-предпринимателей, развитие производительных сил деревни в результате реформ П.Д. Киселева, ввод в эксплуатацию в 1837 году первой железной дороги между Петербургом и Царским селом (хотя современные исследователи находят и более ранние прецеденты [8, с.15-19], интенсивное развитие сахарной и особенно хлопчатобумажной промышленности (экспорт хлопка в Россию с 1819 по 1959 вырос в тридцать раз, число текстильных фабрик выросло в 2 раза, а объем текстильной продукции в 50 раз [15, с.80]), – демонстрируют не только вступление России на путь индустриализации, но и высочайшие темпы роста отдельных отраслей производства, продемонстрировавших четырехкратный рост в течение десятилетия [19, с.401]. Интенсивное развитие товарно-денежных отношений приводило к постепенной трансформации общественных отношений, к изменению социальной структуры, а на уровне частных судеб к существенным переменам в построении и развитии человеческих отношений. Этот колоссальный общественный перелом находит отражение в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени", показывающем героя новой эпохи, вовлеченного в качестве современника в систему формирующихся товарно-денежных отношений.

В романе "Герой нашего времени" слово "деньги" уже на первых страницах: Максим Максимыч с досадой замечает, что местные

проводники – "мошенники", которые "любят деньги драть с проезжающих" [12, с.583], причем, замечание штабс-капитана абсолютно точно раскрывает суть происходящего: шесть быков едва продвигаются, волоча тележку с одним чемоданом проезжающего офицера, в то время как груженую телегу штабс-капитана четыре быка везут с легкостью. Деньги или ситуация торга в той или иной форме сопровождают важнейшие эпизоды в каждой из повестей романа: в повести "Бэла" Азамат, который по замечанию Максима Максимыча "ужасно падок был на деньги" утащил Печорину за червонец "лучшего козла из отцовского стада" [12, с.587], Печорин, предлагая Азамату коня Казбича в обмен на Бэлу, замечает: "Надеюсь, что торг для тебя выгоден" [12, с.594]; в повести "Тамань" Печорин, едва не утонув, проник в тайну "бизнеса" контрабандистов, но при этом лишился своего имущества ("моя шкатулка, шашка с серебряной опра-вой, дагестанский кинжал – подарок приятеля – все исчезло" [12, с.637]); в повести "Максим Максимыч" Максим Максимыч сулит "восьмигривенный на водку" лакею Печорина [12, с.618], если тот сообщит о его присутствии Печорину; в повести "Княжна Мери" Печорин переплатил за "чудесный персидский ковер...сорок рублей лишних" и вызвал "восхитительное бешенство" княжны Мери [12, с.651]; кому стрелять первому на дуэли, Печорин и Грушницкий определяют по брошенной доктором Вернером серебряной монете; в повести "Фаталист" Вулич оценивает свою жизнь в двадцать червонцев ("Кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?" [12, с.713]), приставляя на пари пистолет к своему лбу.

Именно в отношении к деньгам обнаруживается сословно-иерархическое положение героев романа: Максим Максимыч всегда называет точные суммы, которые он

ДЕНЬГИ ИЛИ СИТУАЦИЯ ТОРГА В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ФОРМЕ СОПРОВОЖДАЮТ ВАЖНЕЙШИЕ ЭПИЗОДЫ В КАЖДОЙ ИЗ ПОВЕСТЕЙ РОМАНА.

готов потратить. Увидев "в ста саженьях" от крепости всадника, в котором сначала Бэла, а потом и штабс-капитан узнают Казбича, Максим Максимыч обещает часовому рубль серебром, если тот "ссадит... этого молодца" [12, с.608]; лакею Печорина штабс-капитан предлагает "восьмигривенный на водку" [12, с.618] за исполнение поручения. При этом Максим Максимыч устанавливает своеобразную ценовую иерархию: меткий выстрел стоит дороже, чем доклад хозяину об ожидающем Печорина приятеле. Но если жизнь Казбича оценивается в рубль серебром, то жизнь дворянина Вулича им самим и Печориным оценивается в двадцать червонцев. Причем, драматизм испытания судьбы Вуличем проецируется на обыден-

ный и даже шутливый характер стрельбы по Казбичу: "...он не стоит на месте," – жалуется часовой, на что Максим Максимыч, "смеясь", замечает: "Прикажи!" Шутливо-пренебрежительный диалог Максима Максимы-

ча и "гренадера" продолжается и после промаха последнего: штабс-капитан стыдит часового за промах, на что тот отвечает: "Ваше высокоблагородие! умирать отправился...такой проклятый народ, сразу не убьешь" [12, с.608]. И заискивающе-льстивое обращение часового (к штабс-капитану Максиму Максимычу следует по чину обращаться "Ваше благородие", "Ваше высокоблагородие" – обращение к полковнику, таким образом, "гренадер" перескакивает через два чина, желая выслужиться) и смех Максима Максимыча вызваны не только чувством военного превосходства: часовой стреляет без предупреждения с крепостного вала, куда Максим Максимыч пригласил прогуляться Бэлу, но отношением к горцу, как к представителю не только враждебного народа, но и к дикарю. Давая достаточно подробную характеристику Казбичу, Максим Максимыч замечает, что "подозрений

на него было много, хоть ни в какой шалости не был замечен" [12, с.589]. Известно, что Казбич убил отца Бэлы, в его сером скакуне Бэла узнает лошадь своего отца ("Это лошадь отца моего" [12, с.607], но Максим Максимыч ни слова не говорит о мести за отца Бэлы, хотя до этого в ответ на утверждение офицера: "Он вознаградил себя за потерю коня и отомстил," – замечает: "Конечно, поихнему...он был совершенно прав" [12, с.600]. Однако приземлено-шутливой тон описания стрельбы по Казбичу исключает возможность какой-либо рефлексии со стороны Максима Максимыча: жизнь Казбича не дорого стоит, более того цена названа.

Необходимо подчеркнуть, что шутливое обсуждение выстрела "гренадера" и Максима Максимыча находится в отношениях смысловой переключки с дуэлью Печорина и Грушницкого, которая первоначально задумывалась, как розыгрыш, с целью напугать Печорина или уличить его в трусости ("...в пистолеты мы не положим пуль," – делится замыслом жесткого розыгрыша драгунский капитан [12, с.686]), но позже замысел розыгрыша превратился в замысел убийства, о котором так же случайно, как и Печорин о первоначальном плане розыгрыша, узнает доктор Вернер ("...они, то есть секунданты, несколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулюю один пистолет Грушницкого" [12, с.694]). Драгунский капитан после неудачного выстрела Грушницкого (впрочем, почти достигшего цели – пуля оцарапала колено Печорина, и тот "сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края", будучи уверенным, что "раненный в ногу немного сильнее," он "бы непременно свалился с утеса" [12, с.702]), обнимая Грушницкого, "едва мог удержаться от смеха" [12, с.702], произнося при этом поговорку: "Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!" [12, с.702]. В контексте ранжирования ценности жизни того или иного человека и выражения ее стоимости в денежном эквиваленте: серебряный рубль за Казбича, двадцать чер-

вонцев за Вулича, а также с учетом обстоятельств, в которых эта фраза произносится, хотя драгунский капитан и пребывает в уверенности, что Грушницкому не грозит ни малейшей опасности, тем не менее конкретное название цены жизни, а, точнее, ее полное обесценивание лишь отчасти выступает характеристикой бесчеловечности пошлого хитреца драгунского капитана, а в значительно большей степени развивает до логического завершения представление о конкретной цене человеческой жизни: в обстоятельствах, когда цена жизни выражается в денежных единицах, в которых допускается установление подобного эквивалента, когда жизнь человека становится не более, чем товаром, закономерно наступает тот исторический момент, когда жизнь теряет всякую ценность, не стоит ничего.

Серебряный рубль, в который Максим Максимыч оценил жизнь Казбича, тем не менее – достаточно крупная сумма в сравнении с восьмигривенным, обещанным лакею, уже потому, что жалование Максим Максимыча после повышения офицерского жалования в 1816 составляло порядка 282-307 рублей в год ассигнациями до реформы Е.Ф. Канкрин [5, таб.55], [13, с.46], при этом в 1810 году бумажный рубль стоил 20 копеек по отношению к серебряному. Очевидно, что Максим Максимыч не скупится, но при этом точно оценивает степень и необходимость затрат. В повести "Бэла", рассказывая спутнику-офицеру об особенностях службы на Кавказе, Максим Максимыч, часто раздраженно, но при этом справедливо указывает на плутовство и мошенничество местных, сопровождающих русских: "...уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку" [12, с.605]. С.И. Кормилов отмечает, что Максим Максимыч "говорит о "бестиях", "плутах", готовых обобрать проезжающих, о "воровском народе" и т. д., вообще о материальной стороне всякого дела" [12, с.18], но при этом подчеркивает, что причиной тому выступает не жадность, а практичность человека, живущего в отличие от

Печорина, на свое скромное жалованье. Хотя реформа 1816 года значительно улучшила положение офицерства, нельзя сказать, что при этом проблема бедности средних чинов была решена, она оставалась актуальной на протяжении всего периода существования царской армии. "Военная служба, при всей своей почётности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению". В.Н. Суряев, сопоставляя жалованье офицера с индексом инфляции в начале XX века, приходит к выводу: "Военная служба, при всей своей почётности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению" [20, с.53]. А.И. Куприн в повести "Поединок", описывая жизнь обойденного чинами честного офицера, подчеркивает: "Зегржт был, вероятно, самым старым поручиком во всей русской армии, несмотря на безукоризненную службу и на участие в турецкой кампании. Каким-то роковым и необъяснимым образом ему не везло в чинопроизводстве. Он был вдов, с четырьмя маленькими детьми, и все-таки кое-как изворачивался на своем сорокавосмирублевом жалованье" [11, с.43]. Таким образом, неудивительно, что Максим Максимыч знает цену любой оказанной ему услуге и громко выражает недовольство, наталкиваясь на жульничество с чьей бы то ни было стороны: промазавшему гренадеру, хотя тот льстит и ловчит обещанный рубль штабс-капитан не выплачивает. Причем, именно Максим Максимыч оказывается прав, указывая на корысть или алчность проводников или давших приют путникам местных жителей: радушие хозяев, приютивших и накормивших путешественников, переживающих бурю в горах, объясняется не соблюдением местных обычаев, диктующих необходимость принять и обогреть терпящего бедствие путника, не знаменитыми законами гостеприимства, оно имеет материальную подоплеку: "Я после узнал, – замечает странствующий офицер, – что правительство им платит и кормит их с

"ДЕСЯТКА ДВА ЧЕРВОНЦЕВ, –
ВСЕ ЧТО БЫЛО У МЕНЯ В
КАРМАНЕ"

условием, чтоб они принимали путников, застигнутых бурей" [12, с. 605].

Если практичный Максим Максимыч называет точные суммы денег, которые он готов потратить, то Печорин просто указывает на наличие денег: он говорит об удовольствиях, "которые можно достать за деньги", привлекавших его в "первой... молодости" [12, с.609]; рассуждая о тяготах дружбы, в которой нужно либо быть рабом, либо повелевать, замечает, что "повелевать в этом случае – труд утомительный, потому что надо вместе с

тем и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги" [12, с.646]; Максим Максимыч замечает, что Печорин, "должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей" [12, с.587]. Печорин никогда не называет той суммы, которую он готов потратить: он выгребает из кармана все свои червонцы, вступая в пари с Вуличем, но точно не знает, сколько у него денег: "десятка два червонцев, – все что было у меня в кармане", но Вулич, посчитав деньги, говорит "...вот пятнадцать червонцев," – и предлагает майору добавить еще пять из его карточного долга [12, с.587]; причем, червонцы в указанный период времени имели номинал в 5 и 10 рублей, так что точная сумма вновь не указана; Печорин переплачивает сорок рублей за понравившийся Мери ковер, но при этом не указывает, к какой именно сумме он добавляет эти деньги, монет или ассигнаций, причем, совершает покупку только для того, чтобы позлить Мери: "Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический" [12, с.651]. Хотя жалованье прапорщика Печорина – 209-224 руб. в год [5, таб.55], но источники благосостояния у героя иные. В этом принципиально разном отношении двух героев к деньгам обнаруживается не

только разница их социального статуса, в этой частности наглядно выражается глобальное противоречие двух укладов: феодально-патриархального и буржуазного, диктующего необходимость практицизма и прагматизма как способов обретения, как статуса, так и материального благополучия, то есть тех жизненных основ, которыми Печорин обладал изначально, а Максим Максимыч добился, благодаря честной и долгой службе.

Товарно-денежные отношения, развитие которых приходится на начало промышленного переворота в России, не только способствуют и даже делают неизбежным развитие практицизма, они изменяют и сознание человека новой эпохи: любовь, дружба, привязанность начинают приобретать статус товара, как собственно и сама человеческая жизнь, что очевидно подтверждается тем преискурантом, по которому жизнь подозрительного горца Казбича оценивается в серебряный рубль, жизнь контрабандиста Янко стоит совсем дешево (девушка-ундина спрашивает, что будет, если Янко утонет, на что слепой отвечает: "Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты" [12, с.629], а дворянина Вулича в двадцать червонцев, причем, такую цену собственной жизни назначает сам Вулич. Хотя Печорин говорит об удовольствиях первой молодости, "которые можно достать за деньги" [12, с.609], но рассуждая о дружбе, Печорин вспоминает о деньгах, а любовь Бэлы пытается получить посредством подарков. Необходимо подчеркнуть, что и Бэлу Печорин получает, предложив Азамату торг, назначая чужого коня калымом за сестру, то есть прибегает к натуральному обмену. Но в основе этого обмена лежит обман – Печорин обещает Азамату коня, который ему не принадлежит, более того, калым выплачивается за жену, а Печорин, хотя и называет себя мужем Бэлы, ни по горским, ни по российским обычаям и законам им так и не становится. Перед смертью Бэлы Печорин не предлагает ей поже-

ниться, даже предложение умереть в той же вере, что и ее возлюбленный, исходит от Максима Максимыча, а не от Печорина. Максим Максимыч вспоминает, что "Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь" [12, с.597], потом "отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество персидских материй" [12, с.599]. Однако Бэла отвечает на любовь Печорина не благодаря подаркам, она абсолютно трезво осознает свое положение и возможности Печорина: "Я твоя пленница... твоя раба: конечно, ты можешь принудить" [12, с.593]. Обратим внимание, что добиваясь расположения Мери, Печорин прибегает к обратному приему: тратит деньги на улучшение собственного статуса: "...теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют – и, увы, мое шампанское торжествует над силою ее магнетических глазок!" [12, с.651]. Важно подчеркнуть, что Печорин вновь прибегает к тратам, чтобы привлечь внимание понравившейся ему женщины, в отличие от Грушницкого, который ведет с Мери романтические беседы.

Бэла отчетливо понимает, что подарками можно добиться принуждения, а не любви, и раскрывает свои объятия Печорину, только поверив, что он готов расстаться с ней и умереть. Бескомпромиссность Бэлы, ее верность демонстрируют Печорину со всей убедительностью, что любовь не покупается, что подарки были напрасны: "подарки действовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее – да и только," – замечает Максим Максимыч. И любовь Бэлы, принадлежащей к миру, еще не подвергшемуся разлагающему влиянию буржуазного прагматизма, для которой не важен ни статус Печорина, ни его богатство (Сравним с признанием княгини Лиговской, которая уверяет Печорина, что счастье дочери для нее важнее статуса и богатства: "Послушайте, вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разуверьтесь! Я хочу только счастья дочери" [12, с.709]), это

любовь к человеку, который значим для нее в его человеческой сути. Эта любовь не имеет материального эквивалента, не может быть исчислена в подарках. Своим поведением Бэла опровергает укореняемое в сознании человека новой эпохи убеждение, что человеческие чувства или достоинства могут иметь свою цену.

Невозможность выразить привязанность в материальном эквиваленте обнаруживает и другой горец Казбич. Когда Азамат предлагает ему сестру в обмен на коня, отказывается назначить цену, отвечая Азамату словами старинной песни: "Конь же лихой не имеет цены" [12, с.592]. Казбич называет своего Карагеза "мой товарищ" [12, с.591]. Собственно Азамат назначает цену, предлагая Казбичу обменять друга, боевого товарища, однажды его спасшего – Карагеза, на сестру: "Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?" [12, с.592]. Казбич своим отказом подчеркивает: дружбу и преданность нельзя купить ничем, их можно получить, пройдя через общие испытания или опасности, о таком эпизоде, когда Казбич сначала спас коня, не дав тому упасть в пропасть ("Я бросил поводья и полетел в овраг, это спасло моего коня: он выскочил" [12, с.591]), а потом конь вернулся к Казбичу, не дав казакам поймать себя. Свою неискренность, незнание тонкостей новых имущественных отношений Казбич демонстрирует, вступая в торговлю с русскими: Максим Максимыч замечает: "Бывало он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался" [12, с.589]. Азамат же, который "ужасно падок был на деньги", готов назначить цену и за коня, и за сестру и участника торга находит не в своей среде, а в Печорине, сознание которого уже подверглось аберрации, вызванной обесцениваем человеческих чувств и самой человеческой жизни.

Собственно механизм развития индустриального общества, состоящий в постоянном расширении и обогащении рынка товаров услуг, целью которого выступает

стимулирование потребительского спроса, который, в свою очередь стимулирует дальнейшее развитие предложения, у субъекта товарно-денежных отношений формирует и постепенно укрепляет уверенность в том, что любой запрос, любое желание может быть удовлетворено, если только потребитель заплатит за товар. Причем, по мере расширения спектра товаров и услуг у потребителя растет уверенность в том, что законы рынка простираются и за пределы собственного рынка товаров, охватывая все сферы человеческой жизни. Сформированная у человека в эпоху первоначального накопления уверенность в возможности приобретения любого товара, получения любой услуги (Печорин вспоминает о том, что "бешено" наслаждался "всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги" [12, с.609], наталкиваясь на ограничения или препятствия в удовлетворении спроса, которые вызваны юридическими законами или моральными нормами, побуждает субъекта рыночных отношений искать способы обойти закон или моральный запрет, пренебречь ими, или нарушить их. Чутко уловивший тенденции развития новой эпохи Лермонтов, показал, что в современных условиях неразрывна связь обмена услугами и деньгами с обманом, который разоблачает у плутов-проводников Максим Максимыч; форму которого принимает дуэль – поединок чести в то минувшее время, которое обозначено как давно ушедшее и завершившееся время в начале романа. Контрабандисты для достижения благополучия избирают жизнь вне закона: Печорин отмечает мимоходом, что в печи у старухи "варился обед, довольно роскошный для бедняков" [12, с.631]. Азамат, чтобы заполучить червонец, украл лучшего козла из отцовского стада, а потом отдал Печорину сестру, чтобы получить знаменитого коня Казбича: не сумев получить желаемое путем открытой сделки с Казбичем, он вовсе не отказался от своего намерения, избрав путь беззакония и преступления. Печорин и не предпринима-

ет честных попыток получить Бэлу, сразу же избрав путь преступления. При этом примечательно, что свой поступок он объясняет Максим Максимычу именно стремлением любой ценой получить желаемое, отвечая вопросом на вопрос о похищении Бэлы: "Да когда она мне нравится?" [12, с.597]. Характеризуя общество потребления, формирование которого в России началось на первом этапе промышленного переворота, в период первоначального накопления, С.А. Воронин в статье "Моральный вакуум общества потребления. XXI век, "общество потребления"..." приводит сакраментальные рекламные слоганы, сложившиеся в период расцвета общества потребления в 6-е гг. XX века: "'Бери от жизни все!'", "Не дай себе засохнуть", "Ты – лучший", "Выделись из серой массы", "Не будь как все" – рекламные лозунги назойливо обозначают ментальный мейстрим вот уже нескольких поколений, накачивая сознание жаждой потребления" [6, с.5]. Собственно стремление получить удовлетворение своего спроса любой ценой, пусть даже с нарушением законодательных норм или моральных ограничений, обнаруживающееся с наибольшей силой у двух представителей новой эпохи, при этом принадлежащих к разным мирам, – источник того поведения субъекта общества потребления, которое в упрощенной и огрубленной форме будет представлено в будущем в приведенных рекламных призывах. В аспекте аксиологическим ведущей тенденцией развития общества в эпоху индустриализации выступает расширение идентичности товара, товарная сфера ассимилирует не только область чувств, человеческих качеств и талантов, но и собственно право и мораль, призванные ограничивать расширение товарно-денежных отношений. В.А. Бокарев подчеркивает, что именно такой вектор развития общества потребления обеспечивает

**"ИЗВЕСТНО, ЧТО
ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СИСТЕМУ
ПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕЕТ
ХАРАКТЕР МАНИИ И
ЗАМКНУТОСТИ НА САМОЕ
СЕБЯ"**

ему длительность и стабильность, поскольку реализованное именно таким образом, "потребление имеет склонность к бесконечности, к ненасыщению, так как не связано с реальным миром вещей (продуктов), где рано или поздно наступает пресыщение" [4, с.145]

Закономерным следствием развития рынка товаров и услуг в эпоху первоначального накопления выступает не только его расширение, но и принципиальное изменение сознания его субъектов, которые переживают социальное разобщение, из объединенных по тому или иному принципу социальных групп превращаются в соперничающих индивидов, которые стремятся обойти друг друга в погоне за приобретением желаемого. Характеризуя особенности потребительского социума, В.А. Бокарев подчеркивает: "Известно, что вовлеченность в систему

потребления имеет характер мании и замкнутости на самое себя" [4, с.145-146]. Неслучайно прямым антагонистом Печорина становится социально и духовно ему близкий Грушницкий, а вульгарный драгунский капитан и его спутники. Неслучайно, что и Грушницкий, двигаясь по пути обмана и бесчестия, сближается с пошлым и ограниченным драгунским капитаном и все более отдаляется от Печорина. Цель, которой подчинил свою жизнь Азамат – получить любой ценой коня Казбича, делает его изгоем: "Так с тех пор и пропал: верно пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью: туда и дорога!" – так представляет дальнейшую судьбу Азамата Максим Максимыч [12, с.600]. Т.Х. Ахмадова, описывая Азамата как тип реалистического героя, выделяет в его характере те черты и качества, которые выступают результатом влияния эпохи, периода начала индустриализации и первоначального накопления: "Азамат (тюркск. –

ему длительность и стабильность, поскольку реализованное именно таким образом, "потребление имеет склонность к бесконечности, к ненасыщению, так как не связано с реальным миром вещей (продуктов), где рано или поздно наступает пресыщение" [4, с.145]

отчаянный, чеченск. – вольный) в своих действиях руководствуется вседозволенностью, показан автором реалистически. Это княжеский сын, избалованный родителями, который делает, что хочет" [1, с.58]

Более того, невозможность получить желаемое ставит человека, принявшего систему рыночных отношений, в опасное положение: те герои романа, которые не могут получить желаемое, готовы умереть, но добиться обладания тем товаром или его эквивалентом, о котором они мечтают: Азамат, которого Печорин искушает конем Казбича, начинает "бледнеть и сохнуть" [12, с.594]; Максим Максимыч замечает, что "Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду" [12, с.594]. Печорин, разыгрывая сцену прощания с Бэлой, чтобы добиться ее любви, замечает, что "авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки" [12, с.599]; в свою очередь, Максим Максимыч считает, что "он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чем говорил шутя" [12, с.599]. Стремление разгадать загадку обитателей хаты в главе "Тамань" едва не заканчивается для Печорина гибелью, начиная повествование о приключениях с контрабандистами, он замечает: "меня хотели утопить" [12, с.626]. Желание получить любовь Мери приводит к смертельной вражде Печорина и Грушницкого и стоит одному из них жизни.

Отношения оценивания, поисков эквивалентов, материально-денежного выражения не только собственно товаров, но и человеческих чувств и качеств проникают в среду горцев, они же присущи и маргинальной среде контрабандистов. Бесстрашный Янко, декларируя свою безграничную свободу ("...а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит"), при этом замечает, что если бы некий наниматель "получше платил за труды, так Янко бы его не покинул" [12, с.636]. Любопытно отметить, что в результате наблюдения над аберрацией сознания, вызванной современным обществом потребления, Ж. Бодрийяром и З. Бауманом, при-

шли к выводу о полной управляемости индивида, который при этом может испытывать иллюзию своей полной свободы [2], [3]. За помощь и преданность слепого мальчика Янко платит ему некоторую сумму, по видимому, небольшую, поскольку, давая слепому монету, говорит: "На, купи себе пряников" [12, с.636], когда же слепой коротко спрашивает: "Только?" [12, с.636] – Янко, в полном соответствии с нарождающимся и утверждающимся представлением, что любые человеческие отношения, как и сама жизнь человека, имеют свою цену, добавляет еще монету, которую слепой не берет и не поднимает. Необходимо отметить, что несмотря на цинизм Янко, его поведение укладывается в рамки норм и правил, принятых в среде контрабандистов, в которой каждая услуга имеет цену, именно поэтому отчасти Печорин называет эту среду "мирным кругом честных контрабандистов" [12, с.637]. В этом контексте соответствия поведения героя кодексу чести, принятой в его среде, "честное" поведение Янко находится в оппозиции к бесчестию Грушницкого, который готов любой ценой отмстить Печорину, решаясь сначала на розыгрыш, а затем на убийство, замаскированное под дуэль, изначально выступающую в дворянской поединком чести.

Янко осуществляет попытку расплатиться чистоганом за дружбу и преданность, как и Азамат пытался купить у Казбича друга – его коня, как Печорин пытался купить любовь Бэлы. И слепой, и Казбич и Бэла сопротивляются этому обесцениваю, а точнее, материальному оцениванию чувств и привязанностей, которые цены не имеют, но все они терпят поражение: слепой мальчик брошен на произвол судьбы, Бэла потеряла любовь Печорина и погибла, Казбич лишился своего товарища – коня. Новая система отношений, основанная на нивелировании человеческих чувств, человеческого достоинства, допускающая обман и делающая его непременной составляющей каждой большой и малой сделки (Печорин отдает коня,

который ему не принадлежит, хитрые проводники обманывают проезжающих в горах) вытесняет человеческие чувства из новой прагматичной системы отношений, оставляя лишь понятие приобретаемой любыми средствами выгоды. Вместе с тем, поведение Бэлы, любовь которой невозможно купить подарками, отказ Казбича назначить цену своему другу и товарищу, отказ слепого взять скромную награду – демонстрируют не только стойкость героев, но ущербность и неполноценность убеждения в том, что весь мир состоит из товаров, которые можно приобрести, назначив подходящую цену. В мире товарно-денежных отношений обнаруживаются ценности, не имеющие цены, не допускающие оценивания и продажи, тем самым ставится под сомнение и всеохватность этих отношений и их полное всеисилие.

Есть в романе и некоторая неточность, допущенная практичным и точным в указании сумм Максимом Максимычем, показывает уязвимость новых порядков. Лакею Печорина Максим Максимыч сулит "восьмигривенный на водку" [12, с.618]. Исследователи в области русской нумизматики Г.М. Тарасова и А.И. Шевырева указывают, "что русской монеты в 80 копеек никогда не было, так называлась персидская серебряная монета в 4 абазы, имевшая хождение на Кавказе" [21, с.92]. В самом деле, в 1804-1835 гг. в Тбилиси чеканились серебряные монеты абазы по образцу персидских (аббасы) двойной абаз – номиналом 40 копеек, абаз – 20 копеек и полуабаз – 10 копеек. Г.Д. Капанадзе предполагал возможность существования монеты в три абазы, которая, согласно версии другого известного нумизмата и археолога Е.А. Пахомову, действительно чеканилась в Грузии, а в качестве счетной единицы указывает на монету в пять абазов, однако эти монеты никогда не чеканились, равно как и монета в 4 абазы [9, с.56]. На то же обстоятельство указывает Е.А. Пахомов [17, с.135], характеризующий монеты номиналом в 5, 10, 20, 40 и 60

копеек: пули, шаури, узалтуни, абазии, сами абасеби. Лакею, сумма предложенная Максим Максимычем, кажется смехотворной в силу ее скромности, а не в силу сомнений в том, что такая награда возможна. Но Максим Максимыч обещает награду за весточку о себе старому другу, который, по его мнению, должен тотчас явиться ("Ведь сейчас прибежит!" [12, с.618]), предлагая лакею монету, которой не существует. В романе нет никаких указаний на то, что лакей получил обещанное вознаграждение. Максим Максимыч ждет Печорина до поздней ночи за воротами, сообщая офицеру: "Уж человек давно к нему пошел, да, видно, что-нибудь задержало" [12, с.619]. Называя несуществующую монету, практичный Максим Максимыч может ошибиться, но фактическая ошибка приобретает статус нравственной правоты штабс-капитана: нет такой монеты, не существует такой цены, которую можно заплатить за встречу со старым другом. Таким образом, возможная фактическая неточность приобретает особое символическое значение: нет такой монеты, которая может купить дружбу, не существует такого денежного эквивалента, в котором дружбу можно было бы выразить. Поэтому в романе не только названа несуществующая монета, но и не показан сам факт ее передачи. Причем, если Максим Максимыч не расплачивается серебряным рублем с промазавшим гренадером, поскольку условия сделки не выполнены, то в том, что его поручение Печорину передано, он не сомневается. Указанные в романе суммы зримы, они выплачиваются: Печорин сообщает, что переплатил за ковер сорок рублей, свои червонцы Печорин высыпает перед Вуличем на стол, звук упавшей монеты, которую не взял слепой, воспроизведен ("упавшая монета зазвенела, ударяясь о камень" [12, с.636]), только восьмигривенный обещан, но не показан. В контексте утверждающихся товарно-денежных отношений отсутствие зримой и подтвержденной цены за услугу нивелирует саму услугу – Печорин

холоден с Максимом Максимычем, в аспекте же нравственном отсутствие монеты подтверждает не отсутствие услуги, а невозможность выразить в денежном эквиваленте то, что монетой невозможно купить. Таким образом, нумизматическая ошибка становится символическим выражением ущербности и неполноты товарно-денежных отношений, подтверждая правоту тех героев, которые сопротивляются их торжеству и всесилию.

Заключение. Тема денег в романе "Герой нашего времени" многоаспектна: с одной стороны, указания на расчеты, торг, конкретные суммы и покупки выступают отражением новых утверждающих в эпоху индустриализации товарно-денежных отношений; способы обращения с деньгами характеризуют социально-иерархический статус героев (практичный, оперирующий точными суммами живущий, скорей всего, только на жалованье штабс-капитана Максим Максимыч противопоставлен имеющий иной значительный доход прапорщику Печорину), с другой стороны, новые экономические отношения, направленные на поиск денежного выражения любых материальных ценностей, подвергают значительной аберрации сознание человека новой эпохи, создавая убежденность в том, что и нематериальные ценности могут быть оценены и переведены в соответствующие денежные эквиваленты, причем, эта аберрация сознания охватывает героев, принадлежащим к разным цивилизационным формациям: Печорин заменяет Казбича в предложенном Азаматом торге, стремится ценой подарков получить любовь Бэлы, либо к разным социальным средам: свобода в противопоставленном законам мире контрабандистов имеет одну цену, помощь слепого мальчика иную, значительно меньшую; при этом крайним выражением нивелирования нравственных ценностей выступает тот факт, что во всех трех мирах человеческая жизнь имеет выражение в денежном эквиваленте – двадцать червонцев стоит жизнь дворяни-

на Вулича, серебряный рубль – жизнь Казбича, лента – цена жизни контрабандиста Янко. Значимым обстоятельством в этом аспекте выступает тот факт, что во всех трех мирах находятся герои, активно сопротивляющиеся материально-денежному выражению человеческих чувств и человеческого достоинства: Бэла не отдает свою любовь за подарки, Казбич отказывается назначить цену за своего коня и обменять его на Бэлу, слепой не поднимает данной ему монеты, княгиня Лиговская подчеркивает, что ищет счастья для дочери, а не богатства или положения. Печорин, прибегая к торгу и отношениям эквивалентного обмена, терпит поражение: Бэла отвечает на его любовь, а не на подарки, Мери ищет любви, а не выгодного брака, Максим Максимыч делает символический жест, предлагая расплатиться за встречу с другом несуществующей монетой, поскольку дружба в денежном эквиваленте не выражается. Таким образом, наступающая эпоха товарно-денежных отношений, нашедшая отражение в сознании и поступках героев показана в романе как историческая объективная данность, в контексте которой фатализм переводится в плоскость материального расчета, но и как вызывающая нравственное сопротивление, базирующееся на ортодоксальной нетрансформируемости в товар вечных человеческих ценностей: любви, дружбы, человеческого достоинства.

Литература:

1. Ахмадова Т.Х. Кавказ и кавказцы в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" // Современный ученый. – 2018. – № 1. – С. 57-61.
2. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Директ-медиа, 2007. – 513 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2006. – 389 с.
4. Бокарев В.А. От общества идеалов к обществу потребления: особенности управления социально-политическим полем в контексте парадигмальной трансформации общества. Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 6 (43). – С. 145-148
5. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.

6. Воронин С.А. "Моральный вакуум общества потребления. XXI век, "общество потребления"..." Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 5-7
7. Герштейн Э.Г. "Герой нашего времени" М.Ю. Лермонтова. – М.: Просвещение, 1976. – 124 с.
8. Гривенюк С.Н., Мезенцев Р.В. "Промышленный переворот" и начало железнодорожного строительства в России // Мир Евразии. – 2014. – № 3 (26). – С. 15-19.
9. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 186 с.
10. Кормилов С.И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в романе "Герой нашего времени" // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – № 5. – С. 7-32.
11. Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Собр. соч. в 8 т. Художественная литература. – 1971. – Т. 4. – С. 7-218.
12. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 2 т. – М.: Художественная литература, 1970. – Т. 2. – 744 с. – С. 580-721.
13. Миронов Б.Н. Жалование офицеров русской армии в XVIII – начале XX века. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 2. – С. 45-53.
14. Мордовченко Н. Лермонтов и русская кригика 40-х годов // Литературное наследство. – 1941. – Т. 43. – С. 745-796.
15. Муравьева Л.А. Социально-экономическое развитие России в первой половине XIX века // Финансы и кредит. – 2010. – № 32 (416). – С. 74-83
16. Недзвецкий В.А. "Герой нашего времени": становление жанра и смысла. // Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. – М.: МГУ, 1997. – 186 с. – С. 46-47.
17. Пахомов Е. А. Монеты Грузии. – Мецниереба, Тбилиси, 1970. – 378 с.
18. Романова Е.И. Любовь как форма индивидуалистического самоутверждения в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30 (87). – С. 45-55.
19. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. – М.: Наука, 1966. – 514 с.
20. Суряев В.Н. Уровень жизни армейского офицерства русской императорской армии в 1905-1914 гг. // Воен.-истор. журнал. – 2014. – № 10. – С. 52-57.
21. Тарасова Г.М., Шевырева А.И. Особенности развития российских денежных знаков" // Сибирская финансовая школа. – 2017. – № 2 (121). – С. 120-122.
22. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени". – М.: Просвещение, 1989. – 188 с.
23. Черная Т.К. "Глубокий и могучий дух...". М.Ю. Лермонтов // Творческие поиски. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – 224 с.

McPherson Tristram, PhD of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ohio State University, Columbus, OH, USA

Plunkett David, PhD of Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophy, Dartmouth College, Hanover, NH, USA

This paper advertises the importance of distinguishing three different foundational projects about epistemic thought and talk, which we call "systematic normative epistemology", "metaepistemology", and "the conceptual ethics of epistemology". We argue that these projects can be distinguished by their contrasting constitutive success conditions. This paper is motivated by the idea that the distinctions between these three projects matter for epistemological theorizing in ways that have been underappreciated in philosophical discussion. We claim that attention to the threefold distinction we advance allows us to better understand and evaluate existing views and debates in the field; identify and appreciate new or underexplored theoretical options in the field; and avoid important defects and ambiguities in our research on epistemic topics.

Keywords: Epistemology; conceptual ethics; metaepistemology.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.6

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭТИКА, МЕТАЭПИСТЕМОЛОГИЯ И НОРМАТИВНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ *

В этой статье рекламируется важность разграничения трех разных основополагающих проектов эпистемологического мышления и разговоров, которые мы называем "систематической нормативной эпистемологией", "метаэпистемологией" и "концептуальной этикой эпистемологии". Мы утверждаем, что эти проекты можно отличить по контрастным определяющим условиям успеха. Эта статья мотивирована идеей о том, что различия между этими тремя проектами важны для эпистемологического теоретизирования, но недооцениваются в философских дискуссиях. Мы утверждаем, что внимание к тройному различию, которое мы выдвигаем, позволяет нам лучше понять и оценить существующие взгляды и дискуссии в этой области; определить и оценить новые или недостаточно изученные теоретические возможности в этой области; и избежать важных дефектов и двусмысленностей в наших исследованиях по эпистемологическим темам.

Ключевые слова: эпистемология; концептуальная этика; метаэпистемология.

Введение

Современные философы единодушно согласны с тем, что эпистемология включает в себя исследование, касающееся (или связанное с) знания, что оправдывает вера, что составляет веские доказательства или понимание, и (по крайней мере, в некотором смысле) во что рационально верить. Предположим, мы возьмем такие темы, чтобы обозначить суть того, что такое "эпистемология". Остается вопрос: какими исследованиями по этим темам занимаются (или должны заниматься) эпистемологи? Современные эпистемологи предлагают самые разнообразные ответы на этот вопрос. В этой статье мы утверждаем, что к этому разнообразию взглядов следует относиться серьезно. Мы думаем,

УДК 001

БАК 09.00.01

© Макферсон Т.,
Планкетт Д., 2022

© Григорьева М.А.,
перевод с англ., 2022

McPherson Tristram &
Plunkett David.
Conceptual ethics,
metaepistemology, and
normative epistemology /
Inquiry, 2021.

Перевод с английского
кандидата полит. н.
М.А. Григорьевой

МАКФЕРСОН

Тристрам, доктор
философии, доцент
кафедры Философии,
Университет штата
Огайо, Колумбус,
Огайо, США

ПЛАНКЕТТ Дэвид,
доктор философии,
доцент кафедры Филосо-
фии, Дартмутский
колледж, Ганновер,
Нью-Хэмпшир, США

* Публикуется перевод первого раздела статьи.

что "эпистемология" выделяет – на высоком уровне абстракции – относительно единый предмет или раздел философии. [1] Однако в рамках этой области мы утверждаем, что существует целый ряд различных важных проектов, в которых философы участвуют (или могли бы участвовать), даже если мы просто сосредоточимся на данном парадигматическом "эпистемологическом" условии, таком как знание. Более конкретно, мы утверждаем важность контрастов между тремя проектами, касающимися эпистемологии, которые мы называем *системная нормативная эпистемология*, *метаэпистемология*, и *концептуальная этика эпистемологии*.

Мы не утверждаем, что это единственные три проекта, на которых философы могли или должны были сосредоточиться в эпистемологии. Отнюдь нет. Скорее, мы фокусируемся на этих конкретных проектах по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, хотя различие между "нормативной этикой" и "метаэтикой" является очевидным, параллельному различению уделяется гораздо меньше внимания в эпистемологии. [2] В этой статье мы стремимся показать, что повышенное внимание к этому параллельному различию полезно для эпистемологии. Во-вторых, в последние годы темам "концептуальной этики" и "концептуальной инженерии" уделяется все большее философское внимание. [3] В этой статье мы подойдем к изучению вопроса плотнее.

Мы разделяем нашу работу в этой статье следующим образом, начав с изложения наших представлений о систематической нормативной эпистемологии, метаэпистемологии и концептуальной этике эпистемологии (в параграфах 2-4, соответственно). Каждый из этих проектов будет представлен в качестве видов *исследований*, исходя из их *целей* (в отличие от того, что эти проекты определяются отличительными наборами требований или социологическими особенностями тех, кто занимается этими проек-

тами, и т. д.). Мы утверждаем, что такой подход поможет нам выявить философски плодотворные срезы в исследовании (или о нем) эпистемологии, а также избежать некоторых очевидных проблем с согласованностью или значимостью различия между этими тремя проектами. В параграфе 5 мы остановимся на различиях между этими проектами, которые являются глубокими с философской точки зрения. Это связано с тем, что цели, составляющие каждый проект, существенно отличаются друг от друга. Следуя этому, в параграфе 6 будет продемонстрировано, что различия между этими проектами имеют важные методологические последствия для того, как мы проводим исследование в (или о) эпистемологии. Короче говоря, мы утверждаем, что учет этих различий позволяет нам лучше оценивать существующие взгляды и дискуссии, оценивать новые или недостаточно изученные теоретические варианты, лучше понимать, какие аргументы необходимы для поддержки утверждений, и избегать важных видов ненадежных выводов. В параграфе 7 мы кратко рассмотрим несколько проблем, связанных с глубиной и методологической важностью различий между систематической нормативной эпистемологией, метаэпистемологией и концептуальной этикой эпистемологии, которые мы здесь изложили.

Прежде чем мы начнем, мы хотим отметить пару взаимосвязанных вопросов, возникающих в каждом из проектов, которые мы обсуждаем. Первый вопрос заключается в том, представляет ли спектр "эпистемологических" явлений единую тему, и если да, то в чем заключается это единство. Например: формируют ли эти явления естественный или нормативный вид, или они объединены только особенностями нашей классификационной практики? Второй вопрос заключается в том, *какие* слова, понятия, отношения, свойства и т.д. считаются "эпистемическими" и почему. Рассмотрим два примера противоречий, связанных с

этим вопросом. Первый – считаются ли вопросы о том, во что мы "действительно и по-настоящему" должны верить, действительно "эпистемическими" вопросами, в отличие от вопросов "этики веры"? Второй – является ли неприятие получения надежных доказательств "эпистемическим" пороком? Мы подробно исследуем эти вопросы в сопутствующей статье. [4] Однако в этой статье мы отложим эти вопросы в сторону и просто сосредоточимся на том, что широко рассматривается как парадигматические "эпистемические" условия, такие как знание и обоснование.

1. Разнообразие я-концепций в новейшей эпистемологии

В этом разделе мы мотивируем наш проект, кратко рассказывая о поразительном разнообразии способов, которыми современные эпистемологи описывают либо свою работу, либо область в целом. Существует множество концепций, которые мы могли бы осветить в этом разделе. Тем не менее, мы решили сосредоточиться на пяти примерах, которые иллюстрируют широкий спектр взглядов на таблицу.

Во-первых, некоторые философы характеризуют эпистемологию как направленную на создание общей теории того, что требуется для удовлетворения некоторого эпистемического условия или в чем состоит данное эпистемическое условие. Например, Ричард Фельдман предполагает, что "задача эпистемолога – попытаться разработать общую теорию, описывающую условия, при которых люди обладают знаниями или обоснованными убеждениями". [5]

Во-вторых, многие эпистемологи утверждают, что (возможно) стандартный проект в эпистемологии состоит в том, чтобы предложить концептуальный анализ таких понятий, как ЗНАНИЕ, или таких слов, как "знание". Об этом свидетельствует, напри-

мер, обсуждение Фрэнком Джексоном случаев Геттиера в книге "От метафизики к этике" и ориентирующая роль, которую Дункан Притчард отводит "аналитическому проекту" в своем учебнике "Эпистемология" [6]. Этот вид представления также является стандартным фоном для эпистемологов, защищающих альтернативные понимания проекта. Например, Хилари Корнблит пишет, что "предметом эпистемологии является само знание, а не наша концепция знания". [7] В то время, как Тимоти Уильямсон утверждает, что основная проблема эпистемологии не может быть связана "с природой понятия знания. Если бы знание на самом деле было идентично обоснованной истинной вере, это было бы то, что имело бы эпистемологическое значение, независимо от концептуальной возможности их нетождества". [8]

В-третьих, в своей книге "Знание и его пределы", определяющей повестку дня, Уильямсон предполагает, что "знание – это состояние ума". [9] Таким образом, изучение знаний является для Уильямсона разде-

лом философии сознания, посвященным пониманию природы того или иного типа психического состояния и его отличительных объяснительных ролей.

В-четвертых, в отличие от Уильямсона, Эдвард Крейг (чей базовый подход к эпистемологии в последние годы становится все более влиятельным) предполагает, что "знание – это не данное явление, а нечто, что мы определяем, оперируя концепцией, которую мы создаем в ответ на определенные потребности или в погоне за определенными идеалами". [10] По мнению Крейга, нашей центральной целью в эпистемологии должно быть понимание *функции* о концептуальном ЗНАНИИ, которое люди ввели для выполнения определенной необходимой работы в нашей социальной жизни.

"ПРЕДМЕТОМ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЯВЛЯЕТСЯ
САМО ЗНАНИЕ, А НЕ НАША
КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ".

Наконец, некоторые философы представляют свои проекты в области эпистемологии как явные попытки *улучшить* то, как мы формируем и оцениваем свои убеждения. Например, Элвин Голдман формулирует цель того, что он называет "истинной эпистемологией", как определение того, какие практики способствуют истинной вере по сравнению с ошибками и невежеством. [11] Некоторые такие проекты включают предложения по оценке и совершенствованию концепций, которые мы применяем в эпистемологии. Например, Салли Хаслангер, теоретизируя о знании, утверждает,

"что задача – не просто изложить нашу обычную концепцию X; и не то, чтобы обнаружить, что те вещи, которые обычно подпадают под понятие общего; вместо этого мы спрашиваем, какова наша цель в том, чтобы иметь концепцию X, хорошо ли эта цель продумана и какая концепция (или концепции) послужит нашей хорошо продуманной цели (целям)". [12]

В недавней работе Кевин Шарп отстаивает точку зрения, которая, как и у Хаслангера, направлена на нормативные вопросы о концепциях, которые мы используем в эпистемологии. В рамках этого он утверждает, что концептуальное ЗНАНИЕ (среди многих центральных философских концепций, которые мы в настоящее время используем) является дефектным и должно быть заменено. [13]

Одна из возможных реакций на эти разнообразные самооценки состоит в том, чтобы предположить, что эти философы занимаются одним и тем же видом исследования и просто имеют противоположное понимание этого общего исследования. Можно было бы мотивировать эту реакцию обращением к наблюдению Ричарда Фумертона. Фумертон говорит, что, несмотря на их различные оценки, эпистемологи, "похоже, относительно мало заботятся о том, чтобы вступать в спор по поводу конкретных ответов на те вопросы, которые были предложены". [14] Это, по-видимому, гладкое диалектическое взаимодействие может показаться доказательством того, что эпистемологическое

исследование является единым. Другая возможная реакция заключается в том, что, хотя многие из этих философов занимаются различными направлениями, различия между ними *несущественны*. [15]

Мы считаем эти реакции ошибочными. Мы предлагаем структуру, которая выявляет, что, по крайней мере, в большинстве случаев, виды разнообразных я-концепций, описанных выше, отражают целый ряд важных различных направлений. В частности, мы используем их для того, чтобы выделить три основных в рамках эпистемологии, которые мы называем *систематической нормативной эпистемологией*, *метаэпистемологией* и *концептуальной этикой эпистемологии*. Характеризуя эти направления, наша основная цель – сделать теоретически полезные выводы, а не для того, чтобы отразить существующее использование терминов, которые мы используем для обозначения направлений (например, "метаэпистемология"). [16] Теперь мы переходим к обсуждению трех обозначенных направлений.

2. Системная нормативная эпистемология

В этом разделе мы представляем одно из направлений, которое может быть наиболее знакомым для многих эпистемологов – то, что мы называем *систематической нормативной эпистемологией*, – и используем его для иллюстрирования важных различий между тем или иным направлением.

Для начала рассмотрим краткое изложение проекта в том виде, в каком мы его понимаем:

систематическая нормативная эпистемология

– это исследование, направленное на выявление и объяснение в общих чертах того, что требуется для удовлетворения эпистемического условия и почему.

Чтобы проиллюстрировать эту формулировку, рассмотрим знакомую теорию, которую можно рассматривать как существенный вклад в трактовку систематической нормативной эпистемологии. В соответствии с теорией, которую мы называем *про-*

стой достоверностью знаний, что значит для S знать, что такое P, так это то, чтобы S действительно верил в P, и чтобы убеждение S в том, что P было сформировано надлежащим надежным механизмом формирования убеждений. Рассмотрим, как эта теория иллюстрирует центральные черты систематической нормативной эпистемологии. Во-первых, простая достоверность касается знания, которое является парадигматическим эпистемологическим условием. (Другие парадигматические эпистемологические условия включают эпистемическое обоснование, доказательства, эпистемическую рациональность и понимание.) Далее, как того требует систематическая нормативная эпистемология, простой релейбилизм – это теория, которая стремится сказать нам *что требуется* для того, чтобы S знал, что такое P: а именно, чтобы у S была истинная вера в то, что P, которая была сформирована надлежащим надежным механизмом формирования убеждений. Наконец, обратите внимание, что простой релейбилизм предлагает определяющее объяснение: она подразумевает, что значит для S знать, что такое P. Таким образом, она имеет целью не просто рассказать нам, что требуется для получения знаний, но и пролить свет на то, почему это требуется. [17]

Простой релейбилизм – это лишь один (предельно понятный) пример теории такого рода, которая, если она верна, частично удовлетворяла бы целям систематической нормативной эпистемологии. Даже если бы это было правильно, это не *полностью* удовлетворяло бы этим целям. Одна из причин заключается в том, что в нем ничего не говорится об эпистемологических условиях, отличных от знания. Можно было бы разработать релейбилистские объяснения других условий, но сам по себе простой релейбилизм не является таким объяснением.

Что касается знаний, то простой релейбилизм имеет совершенно общий характер: он предназначен, например, для того, чтобы рассказать нам, что считается знанием о

каком-либо предмете. Мы считаем, что эта общность частично определяет *системную* нормативную эпистемологию. В отличие от этого, запросы, которые сосредоточены на, скажем, конкретно *моральных* или *математических* знаниях, следует оценивать иначе. Поскольку эти исследования сосредоточены на том, что требуется для получения знаний о конкретном предмете или в определенном контексте, мы классифицируем их как примеры *прикладной* нормативной эпистемологии. Мы считаем это примером полезного общего разрыва между систематическим и прикладным нормативным исследованием, которое также относится (например) к исследованиям в области этики и политической философии. [18]

Простой релейбилизм в некотором смысле поразительно амбициозен, будучи направлен на обеспечение необходимых и достаточных условий для получения знаний. Здесь, как и везде, многие философы с подозрением относятся к тому, существует ли четкий набор таких условий. Мы используем систематическую нормативную эпистемологию, чтобы в итоге найти как можно больше общего при определении и объяснении того, что требуется для удовлетворения эпистемического условия. Предположим, то, что может сводиться к обеспечению приемлемых общих принципов или к определению некоторых необходимых или достаточных условий, реально существует. Это объясняет, почему мы можем рассматривать некоторые скептические теории как вклад в систематическую нормативную эпистемологию, например, если эти теории стремятся определить необходимое условие для знания, это означает, что знание никогда не конкретизируется.

Наше определение "систематическая нормативная эпистемология" кодирует противоречивое предположение: исследование эпистемических условий, таких как знание, является своего рода *нормативным* исследованием. Многие эпистемологи понимают эпистемологию как "нормативную" в неко-

тором смысле. [19] Такое понимание трудно отрицать в отношении многих парадигматических эпистемологических условий, таких как эпистемическое обоснование, *причины* или *рациональность*. Или, если взять другой пример, мы могли бы подумать, что знание обеспечивает важные нормы веры, утверждения или исследования и, таким образом, отмечает определенный вид эпистемологического достижения, к которому стоит стремиться. Действительно, нечто вроде этой идеи, возможно, и является тем, что обращает нас к знаниям в эпистемологии с самого начала, будь то в попытке проанализировать знания или прийти к знанию. [20] Может показаться менее очевидным, однако, что некоторые другие эпистемологические условия, такие как *доказательства*, являются нормативными. Являются ли они таковыми или нет, будет зависеть, среди прочего, от того, как человек понимает эти условия и что именно означает, чтобы условие было "нормативным" (в отличие, например, от того, чтобы быть условием, которое часто имеет нормативное значение). Мы используем "систематический *нормативный* запрос" по двум причинам. Во-первых, мы симпатизируем идее о том, что большая часть эпистемологии является нормативной, по крайней мере, в некотором смысле. Во-вторых, мы считаем, что аналогия с "систематической нормативной этикой" многое объясняет. Однако стоит подчеркнуть, что аргументы, которые мы приводим в пользу значимости нашей структуры, не зависят от предположения о нормативности эпистемологии, не говоря уже о какой-либо конкретной эпистемологической категории. Таким образом, философы, которые не согласны с нами в правильности использования здесь термина "нормативный", все еще могут принять суть наших аргументов в дальнейшем.

Теперь мы предлагаем два связанных разъяснения нашего ориентированного на исследование отчета о систематической нормативной эпистемологии, которые также при-

менимы к двум другим направлениям, которые мы представляем в следующих разделах. Первое уточнение заключается в том, что мы рассматриваем их как *коллективные* расследования. Уточним, почему. Предположим, что Бахита пишет остроумное эссе о проблеме общности для релейбилизма. [21], которые Бахита может иметь в качестве своей цели в эссе, *решая проблему общности, а не определяя и объясняя в общих чертах, что требуется (например) для знания*. И все же, вполне вероятно, Бахита вносит свой вклад в систематическую нормативную эпистемологию. Мы предполагаем, что это возможно, поскольку систематическая нормативная эпистемология – это *коллективный* теоретический проект: тот объем и единство, которые предлагает наше обсуждение простого релейбилизма, не обязательно должны быть проиллюстрированы в работе одного человека, но вместо этого могут быть характерны для теоретической модели, которая возникает в результате работы многих исследователей. Индивидуум, подобный Бахите, в свою очередь, может считаться занимающимся систематической нормативной эпистемологией в силу связи одной работы с этим коллективным проектом. Из-за этого кто-то мог бы внести существенный вклад в этот проект, не думая вносить в него вклад или даже не представляя проект как таковой.

Второе уточнение возникает потому, что все три направления, которые мы обсуждаем, имеют важную особенность: они в первую очередь классифицируют *запросы*, понимаемые как устойчивые и амбициозные модели коллективного расследования. В первую очередь они не классифицируют конкретные утверждения, аргументы, вопросы, теории и т. д. Это означает, что наши характеристики этих направлений оставляют открытым то, что требуется для того, чтобы считаться систематическим нормативным эпистемическим "утверждением" (или, аналогично, эпистемическим "вопросом", "проблемой" и т. п.). Мы считаем это достоинством нашего взгляда. Это связано с

тем, что претензии могут иметь ряд интересных отношений к расследованию, и мы считаем, что это вопрос, зависящий от контекста, который из этих отношений можно или нужно стремиться выделить, используя определение "систематическое нормативное эпистемическое утверждение". Например, утверждение может быть частью *содержания* правильного описания того, что требуется для удовлетворения знаний. Или это может быть центральной (или второстепенной) частью *аргумента*. Мы считаем, что существуют разумные способы использования "нормативного эпистемологического утверждения", которые согласуются с каждым из этих вариантов. По аналогичным причинам мы поддерживаем контекстно-зависимый вывод о том, что считается "нормативным эпистемическим вопросом" или "нормативной эпистемической теорией" и т. д. [22]

Учитывая их содержание и учитывая большинство видов отношений к систематическому нормативному эпистемологическому исследованию, некоторые тезисы, такие как наш пример простого релейбилизма, будут разумно классифицироваться как "нормативные эпистемологические тезисы" в большинстве контекстов. Это именно то, что делает его полезным примером. В других случаях может быть полезно рассматривать утверждение как часть систематической нормативной эпистемологии в одних контекстах, но не в других. (Мы приведем несколько примеров таких случаев ниже.)

3. Метаэпистемология

Второе направление, на котором мы остановимся, – "метаэпистемология" (или, что эквивалентно, "метаэпистемическое исследование"). Мы можем охарактеризовать его следующим образом:

метаэпистемология – это такое исследование, цель которого состоит в том, чтобы объяснить,

как фактические эпистемологические мышление и речь – и то, о чем (если вообще о чем) мы думаем и говорим, – вписываются в реальность. [23]

В дальнейшем мы кратко разберем, что в этом отношении отличает метаэпистемологию, и изложим некоторые ее следствия. Мы также рассмотрим метаэпистемологию в рамках метанормативного исследования в более широком смысле.

Как мы понимаем, метаэпистемология направлена на объяснение *реальных* эпистемологических мышления и речи, а также того, о чем (если вообще о чем-то) идет речь. Таким образом, метаэпистемическое исследование направлено на объяснение *описательных* фактов о том, как работают наши фактические эпистемические мысли и разговоры, а не на их оценку или на пропаганду альтернатив для них. [24]

Существуют разные способы понять, что такое "реальность". Для наших целей здесь мы можем понимать "реальность" как, грубо говоря, *совокупность того, что есть*. Здесь, как и в других местах, наше изложение метаэпистемологии будет представлено схематично, оставляя полностью открытым то, что реальность включает в себя. Например, не принимается во внимание, существует ли Бог, верна ли какая-либо форма физикализма для нашего реального мира или идентично ли реальное фундаментальному. Одна из причин того, что эта нейтральность важна, заключается в том, что конкурирующие метаэпистемические теории иногда различаются в том, как они понимают природу реальности.

Эпистемические мышление и речь могут казаться отчетливо связанными с определенными вещами, такими как эпистемические факты, свойства или отношения. Например, мысль и речь о (пропозициональном) знании, возможно, на первый взгляд кажутся мыслью и речью об определенном отношении – отношении знания, которое может существовать между мыслителем и содержанием.

Итак, примем за существующие эпистемические факты, свойства и отношения. В этих случаях понимание того, как эти вещи вписываются в реальность, является частью метаэпистемического исследования. Согласно другим воззрениям, эпистемические мышление и речь касаются таких вещей только в общем (интенциональном) смысле, подобном тому, как "Пегас" относится к крылатому коню. [25] Согласно другим воззрениям, эпистемические мысли и разговоры ни о чем не говорят даже в этом общем смысле. [26] Для краткости ниже мы иногда будем затемнять эти возможности, обозначая метаэпистемическое исследование как направление, призванное объяснять то, как *эпистемические мышление, речь и реальность* соотносятся друг с другом.

Далее рассмотрим наш разговор о "соотношении", включенности в реальность. Основная идея здесь заключается в том, что метаэпистемическое исследование направлено на объяснение того, как *соотносятся* эпистемические мышление, речь и реальность, в том числе соотносятся с конкретными ее существенными аспектами. Например: что это за психическое состояние – мысль о том, что что-то является знанием? Какой вклад вносят эпистемические слова в значения предложений? Можем ли мы предложить концептуальный анализ центральных эпистемологических концепций в неэпистемических терминах? В чем различие между эпистемическими и неэпистемическими предложениями? Предполагают ли некоторые или все эпистемические предложения отношение к особому классу свойств? Реализованы ли какие-либо из этих свойств? Если да, то как мы о них узнаем? и т.д.

Мы можем рассматривать *метаэпистемическое* исследование как ветвь метанормативного исследования. Общее метанормативное исследование касается того, что верно для всех наших нормативных мыслей и разговоров, от моральных разговоров до размышлений о нормах в области преступ-

лений. Мысль, вдохновляющая наше утверждение о том, что метаэпистемическое исследование является отличительной ветвью метанормативного исследования, состоит в том, что эпистемические мышление, речь и реальность включают, по-видимому, отличительное и единое подмножество нормативного мышления, речи и реальности, вокруг которых стоит организовать ветвь метанормативного исследования.

До сих пор мы характеризовали метаэпистемологию в самых общих чертах. Мы можем проиллюстрировать наш рассказ, отметив, что в метаэпистемологии существуют характерные *исследовательские программы*: взгляды, которые иллюстрируют отличительные стратегии решения центральной метаэпистемической задачи. Примерами таких исследовательских программ являются эпистемический экспрессивизм, теория эпистемических ошибок и различные формы эпистемического реализма.

Кратко рассмотрим, как одна из таких исследовательских программ – эпистемологический экспрессивизм – решает проблему объяснения, характерную для метаэпистемического исследования. С одной стороны, метаэпистемический экспрессивизм можно понимать как сочетание трех утверждений: (а) на самом базовом объяснительном уровне эпистемические суждения представляют собой некоторого рода некогнитивную установку (например, желания или планы); (б) эпистемические утверждения состоят из выражения соответствующей некогнитивной установки, а не (например) убеждения в том, что у кого-то есть эта некогнитивная установка; и (в) значение этих эпистемологических утверждений должно быть объяснено в терминах. [27]

В свете этих обязательств эпистемический экспрессивизм представляет собой особый вид стратегии для решения части центральной проблемы объяснения, характерной для метаэпистемического исследования: он предлагает особый вид объяснения того, как эпистемические *мышление и речь* вписыва-

ются в реальность. Короче говоря, по этому поводу эпистемологическая мысль состоит из некогнитивных состояний, а эпистемологическая беседа состоит из речевых актов, которые служат для выражения таких состояний. Однако экспрессивистский тезис сам по себе не затрагивает вторую часть метаэпистемического проекта: объяснить, как то, о чем идут мысль и речь, вписывается в реальность. Существует два основных вида исследовательской программы экспрессионистов, которые решают эту проблему по-разному. На "антиреалистическом" пути развития эпистемического экспрессивизма эпистемические *мышление* и *речь* явно *ни о чем не говорят* (даже в минимальном, "интенциональном" смысле "о чем"). Рассмотрим знакомую аналогию: приветствие "ура!" выражает некоторое положительное отношение к объекту, но, в то же время, не претендует на этот объект. Другие экспрессивисты являются "квазиреалистами", утверждая, что мы можем принять экспрессивизм, все еще понимая мысль о том, что существуют эпистемические факты и свойства, о которых (в некотором смысле) идут эпистемические мысли и разговоры. В квазиреалистической форме эпистемического экспрессивизма вопрос о том, как эпистемические факты и свойства вписываются в реальность, остается обсуждаемым.

4. Концептуальная этика эпистемологии

Этот раздел представляет третье центральное направление, которое мы называем *концептуальной этикой, эпистемологией*. [28] На первый взгляд, его суть заключается в нормативном исследовании эпистемологических мышления и речи. Например, к ней относится вопрос о том, следует ли нам использовать эпистемологические концепции (и почему). Однако этот пример потенциально вводит в заблуждение, поскольку мы понимаем концептуальную этику эпистемологии широко, в каждом из трех измерений.

Во-первых, термин "концептуальный" здесь следует понимать широко, чтобы обозначить сосредоточенность на группе смежных тем, касающихся размышлений и разговоров. Не существует нейтрального по отношению к теории способа точно определить, *какие* это темы. [29] Для наших целей здесь, мы рассмотрим концептуальную этику, включающую оценку понятий, слов и сопоставление понятий со словами. [30]

Во-вторых, термин "этика" в "концептуальной этике" предназначен только для того, чтобы передать, что концептуальная этика является отраслью нормативного исследования. Это не означает, что специалисты по концептуальной этике могут заниматься только моральной или политической оценкой мыслей и разговоров. [31] Скорее концептуальная этика может включать оценку концепций (и т. д.) В соответствии с любым количеством различных норм или стандартов, включая продвижение социальной справедливости, [32] эпистемическую конструктивность, [33] или метафизическую совместимость. [34]

При таком понимании работа в области концептуальной этики происходит на протяжении всей философии, начиная с философии расы и заканчивая фундаментальной метафизикой. [35] Концептуальная этика эпистемологии – это подгруппа концептуальной этики, которая специально фокусируется на вопросах эпистемологического мышления и разговора.

Теперь мы проиллюстрируем последний способ, с помощью которого можно будет взглянуть на концептуальную этику эпистемологии шире: способ касается оценки как фактических эпистемических мыслей и разговоров, так и возможных альтернатив для них.

Первое направление концептуальной этики эпистемологии фокусируется на эпистемических словах и концепциях, которые используются (или использовались). Он задает такие вопросы, как: является ли эта концепция в чем-то ущербной? *Хорошо ли*

ее использовать? Рассмотрим для иллюстрации знакомую точку зрения, которую можно рассматривать как вклад в концептуальную этику *морали*: вы можете подумать, что генеалогия морали Фридриха Ницше включает критическую оценку использования современной концепции МОРАЛИ и связанных с ней концепций. [36] Некоторые философы, такие как Кевин Шарп, утверждают, что наши существующие эпистемические концепции могут быть аналогично ущербными (но по разным причинам), что делает их неподходящими (или, по крайней мере, неоптимальными) в использовании. [37]

Вторая нить концептуальной этики эпистемологии начинается с изначально правдоподобной мысли о том, что фактические эпистемические концепции, которые люди используют (или использовали в прошлом), не являются единственно возможными, которые мы могли бы использовать. Вероятно, существуют *альтернативные* эпистемологические концепции, которые мы могли бы использовать вместо этого, порождая различные виды эпистемических (или, по крайней мере, "эпистемических") мыслей и разговоров. [38] Это направление концептуальной этики эпистемологии исследует и оценивает эти альтернативы. Например, мы можем спросить: является ли какая-либо из этих альтернативных концепций лучше, чем наши нынешние концепции, и поэтому мы должны использовать их вместо этого?

Этот последний набор вопросов – вопросов о ревизии или замене наших нынешних концепций – наводит на важную мысль: если мы считаем, что нам следует реформировать (или заменить) наши нынешние концепции, как мы на самом деле это делаем? Эта мысль предполагает связь между концептуальной этикой и *концептуальной инженерией*. Как мы видим, парадигматические проекты в концептуальной инженерии опираются на работу в области концептуальной этики для улучшения концепций (или других широко "репрезентативных"

или "логических" устройств), которые мы используем, либо создавая новые, либо реформируя те, которые у нас есть, а затем пытаясь реализовать использование этих новых (или реформированных) концепций на практике. [39]

Наша дискуссия до сих пор подчеркивала *разнообразие* концептуальной этики эпистемологии. Несмотря на это разнообразие, мы считаем концептуальную этику эпистемологии единым направлением в следующем смысле: какие бы эпистемологические понятия или концепции мы ни исследовали и на какие бы стандарты при этом ни опирались, мы занимаемся оценкой эпистемологических понятий и/или концепций. [40] Это создает явный контраст как с направлением систематической нормативной эпистемологии, так и с направлением мета-эпистемического исследования. Об этом ниже.

5. Глубина различий между представленными направлениями

До сих пор мы подробно останавливались на каждом из трех направлений (систематическая нормативная эпистемология, метаэпистемология и концептуальная этика эпистемологии) и давали характеристику каждому из них с точки зрения того, что их отличает друг от друга, в частности, целей или условий успеха. В этом разделе мы подчеркнем глубину различий между ними двумя способами: через описание важности различий между их целями и через сопоставление характерных мотивов участия в каждом проекте. Остановимся на значении контраста в целях на примере.

Вспомните нашу образцовую теорию в систематической нормативной эпистемологии: простой релейбилизм, согласно которому знание состоит в точно сформированной истинной вере. Эта теория в некоторой степени претендует на то, чтобы быть наброском полной систематической нормативной теории знания. Это связано с тем, что,

если бы она была правильной, она выполнила бы (в общих чертах) цель систематической нормативной эпистемологии, по крайней мере, для знания: она определила бы и объяснила бы в общих чертах, что требуется для того, чтобы обладать знаниями.

Напротив, даже если бы это было правильно, простой релейбилизм не был бы чем-то похожим на метаэпистемическую теорию. Одна из причин этого заключается в том, что принцип простого релейбилизма ничего не говорит о том, как эпистемические мышление и речь вписываются в реальность. Например: является ли мысль о том, что у меня есть знание, убеждением?

Или это скорее состояние, подобное желанию или плану (как настаивал бы эпистемологический экспрессионист)? Принцип простого релейбилизма также умалчивает о многих важных вопросах – о том, как "эпистемическая реальность" вписывается в реальность. Например: является ли связь между знанием и достоверно сформированным истинным убеждением, упомянутая в простом релейбилизме, метафизической редукцией знания, или она указывает на информативную связь между различными свойствами, или она вообще не имеет метафизических последствий? Как (если вообще как-то) мы можем прийти к пониманию того, что принцип простого релейбилизма верен, если это так? Сам принцип простого релейбилизма умалчивает об этих вопросах. Но это центральные вопросы, которые естественным образом возникают при метаэпистемическом исследовании.

Наконец, принцип простого релейбилизма не решает вопросов, лежащих в основе концептуальной этики знания. Например, предположим, что принцип простого релейбилизма верен. Это само по себе не решило бы, следует ли нам использовать слово "зна-

ние" и/или понятие "ЗНАНИЕ" центральными способами в нашей практике регулирования убеждений и межличностной оценки. Это также не говорит о возможности успешной реформы концепции или о том, было бы лучше заменить ее какой-либо альтернативной концепцией.

Мы можем отступить от этого примера, чтобы рассмотреть глубину контрастов между тремя проектами в общих чертах. Прежде всего обратите внимание, что систематическая нормативная эпистемология и концептуальная этика эпистемологии являются (на первый взгляд) составными частями *нормативного* исследования. Тем не менее

они различны, потому что они апеллируют к *разным* нормативным вопросам. Нормативный эпистемолог, например, спрашивает, что требуется для того, чтобы человек был эпистемически рациональным или чтобы убеждение было эпистемически обоснованным. Специалист по концептуальной этике спрашивает (например), хорошо ли использовать определенные эпистемические слова (например, "эпистемически рациональные") или концепции (например, ЭПИСТЕМИЧЕСКИ ОБОСНОВАННЫЕ) определенным образом. [41] В отличие от обоих этих направлений, метаэпистемология на первый взгляд является *описательной*: она направлена на то, чтобы объяснить, как отрасли нормативной мысли, разговоров и реальности соотносятся друг с другом. Таким образом, цель метаэпистемологии, в той мере, в какой она относится к вопросам мышления и речи, состоит не в том, чтобы предписывать или оценивать (или определять, что считается правильным предписанием или оценкой). Скорее, это делается для объяснения описательных фактов о той части мышления и речи (а именно, эпистемологических размышлений и разговоров),

которая, возможно, включает в себя некоторые предписания или оценки.

Затем рассмотрим связь между основными мотивациями, которые могут быть у человека для участия в каждом из трех направлений. Участие в каждом из них частично мотивировано интуитивной важностью эпистемологических категорий. Нам важно, знаем ли мы (или наши собеседники, источники отзывов и т. д.) определенные утверждения, обоснованы ли наши убеждения или рациональны, понимаем ли мы определенные темы и т. д. Кроме того, эпистемические категории кажутся важными на практике: они могут играть характерную важную роль в наших рассуждениях и в нашей оценке других людей (например, как заслуживающих доверия или нет).

Учитывая это наблюдение, одной из характерных мотиваций для участия в направлении систематической нормативной эпистемологии является лучшее понимание важных эпистемологических условий. Исторически влиятельной (но более противоречивой) мотивацией для участия в систематической нормативной эпистемологии является понимание того, достижимы ли (и почему) эти эпистемологические условия. Эта мотивация стала заметной, например, при обсуждении скептических проблем. Еще одна спорная мотивация для участия в систематической нормативной эпистемологии заключается в том, что она может быть *практически полезной*, в обеспечении руководства для исследования и управления убеждениями.

Затем рассмотрим мотивы для участия в метаэпистемологии. Наши эпистемологические мысли, по-видимому, играют особую роль в наших рассуждениях и мышлении, что контрастирует со значимостью наших мыслей о (по крайней мере, интуитивно) "менее важных" нормах, таких как правила настольной игры или юридический кодекс давно погибшей империи. Одним из основных мотивов для участия в метаэпистемологии является лучшее понимание того, что

в природе эпистемических мыслей (или, возможно, эпистемической реальности) позволяет этим мыслям играть эти отличительные роли. С другой стороны, метаэпистемическое направление может быть мотивировано именно стремлением развенчать эти явно отличительные роли эпистемических мышления и речи. Обратите внимание, что, хотя эта мотивация начинается с интуитивной важности эпистемологических категорий, она сильно отличается от канонических мотиваций для систематической нормативной эпистемологии.

Участие в концептуальной этике эпистемологии также может быть мотивировано размышлением о ключевых ролях эпистемических понятий и концепций, которые мы используем для регулирования наших убеждений, межличностной оценки и расследования. Однако здесь ведущая мысль заключается в том, что, учитывая эти роли, становится важным выяснить, являются ли понятия и концепции, играющие эти роли, оптимальными, и (если нет) можно ли их каким-либо образом улучшить или заменить, чтобы они могли выполнять эти (или другие) роли.

Вспомните наш первоначальный тезис: идея о том, что, хотя (как мы видели в параграфе 1) эпистемологи иногда *описывают* направления по-разному, все они, тем не менее, могут быть вовлечены по существу в одно и то же направление. Мы берем существенные отличия, которые мы здесь отметили, чтобы сделать эту идею очень очевидной. Мы утверждаем, что различия между условиями успеха этих проектов глубоки, и эта глубина проиллюстрирована контрастами между характерными мотивами, побуждающими людей участвовать в каждом из направлений. На наш взгляд, эти факты представляют собой убедительное доказательство *prima facie* теоретической важности учета этих различий. Следующий раздел призван подкрепить данную мысль.

Благодарность

Мы признательны слушателям Венской конференции по единству нормативности в Лидсе, иссле-

довательскому центру Arche при Университете Сент-Эндрюса, Торонто, и Онлайн-семинару по концептуальной инженерии в Осло за полезные комментарии по идеям, изложенным в этой статье. Также спасибо Алексису Берджессу, Герману Каппелену, Джоре Данненбергу, Тайлеру Доггетту, Рэйчел Фрейзер, Селин Хенне, Джоне Хиршу, Надиму Хуссейну, Нитье Касарле, Закари Лангу, Аманде Ли, Эрролу Лорду, Кейт Нолфи, Марку Пиндеру, Полу-Михаилу Катапангу Подоски, Джоуи Поллоку, Адриану Русскому, Скотту Шапиро, Кевину Шарпу, Дэну Сингеру, Деклану Смитису, Тиму Санделлу и Пекке Вейринен за полезное обсуждение идей в этой статье.

Комментарии

1. В этой статье одинарные кавычки (например, 'кошка') используются исключительно для обозначения языковых элементов. Двойные кавычки (например, "кошка") используются для различных задач, включая цитирование чужих слов, цитат и сочетание использования и упоминания. Термины, написанные заглавными буквами (например, CAT), выделяют понятия.
  2. Однако это не означает, что ему не уделялось должного внимания. Например, см. (McHugh, Way, and Whiting 2019).
  3. См., например, документы, собранные в (Burgess, Cappelen, and Plunkett 2020).
  4. См. (McPherson and Plunkett Manuscript).
  5. Feldman (2003, 1).
  6. Jackson (1998, 28) and Pritchard (2016, 1-2).
  7. Kornblith (2002, 1).
  8. Williamson (2007, 206).
  9. Williamson (2000, 21).
  10. Craig (1990, 3).
  11. Goldman (1999, 5). Это классическая цель эпистемологии, которая (Kitcher 1992, 64) называет "мелиоративное измерение" поля; сравнить напр. (Descartes 1641/2017), и совсем недавно, (Bishop and Trout 2004).
  12. Haslanger (2000a, 468).
  13. См. Scharp (2020) and Scharp (Manuscript).
  14. Fumerton (2006, 10).
  15. Сравните (DeRose 2009, 19), который делает подобного рода заявление о границе между эпистемологией и семантикой эпистемологических слов.
  16. Таким образом, в терминах, введенных в параграфе 4 ниже, наш проект в этой статье относится к концептуальной этике. Предлагаемые нами определения для этих направлений сформулированы на основе существующих ранее в терминологии, но наша цель не состоит в том, чтобы полностью уловить точные контуры их использования. Вместо этого мы используем эту терминологию в надежде, что она теоретически полез-
- на для философских исследований в нашем текущем социально-историческом контексте.
17. Стоит также отметить, что наша характеристика систематической нормативной эпистемологии нейтральна в отношении того, что именно представляет собой полное объяснение рассматриваемого вопроса. Дает ли это конститутивное объяснение, обеспечиваемое простым релейаблизмом, такое полное объяснение, зависит от того, как разрешится этот спор об объяснении.
  18. Связанное обсуждение (о параллельном случае прикладной этики) см. (McPherson and Plunkett 2017).
  19. Рассмотрим два примера сильных утверждений этой идеи. Во-первых, (Berker 2013) утверждает, что так же, как центральным вопросом этики является "что мне делать?", центральным вопросом эпистемологии является "во что я должен верить?". Во-вторых, (Haslanger 2000a, 466, курсив оригинала) утверждает, что нормативное измерение эпистемологии включает в себя тот факт, что она касается таких вещей, как "как мы должны рассуждать, на каком основании мы должны формировать убеждения и, в более общем плане, что является эпистемически ценным".
  20. Например, в канонических текстах, таких как (Gettier 1963) and (Williamson 2000).
  21. Грубо говоря, эта проблема заключается в том, что мы можем думать о механизмах формирования убеждений на разных уровнях общности. Например: сформировал ли Лорен убеждение, что за его окном есть дерево, используя чувственное восприятие или глядя из окна на объект на расстоянии около сорока футов в ясный день в очках, будучи трезвым, и т. д.? По крайней мере на начальном этапе задача сторонника релейаблизма состоит в том, чтобы определить подходящий уровень общности неспециальным способом, который сохраняет предполагаемую объяснительную силу теории. Сравнить (Conee and Feldman 2004, 136ff).
  22. Для более подробной защиты параллельного контекстно-зависимого утверждения (о том, что считается "метаэтическим утверждением") см. (McPherson and Plunkett 2017).
  23. Мы развиваем параллельный подход к метанормативному исследованию в (McPherson and Plunkett 2017), где наше внимание в конечном счете сосредоточено, в частности, на метаэтике. См. также (Plunkett and Shapiro, 2017), в котором развивается та же базовая концепция метанормативного исследования, где основное внимание в конечном счете уделяется, в частности, метаюридическим исследованиям. Для более подробного обсуждения соответствующих движущихся частей в нашем изложении метаэпистемологии ниже см. эти другие статьи.

24. Это также контрастирует с исследованием эпистемических мышления и речи о вымышленных или просто возможных языковых сообществах, таких как эльфы Толкина или обитатели некой эпистемической земли-близнеца. Такое исследование, конечно, может иметь большое значение для метаэпистемологии (точно так же, как мы обсудим позже, работа над систематической нормативной эпистемологией и концептуальной этикой эпистемологии может иметь отношение к метаэпистемологии).

25. Например, рассмотрим своего рода теорию эпистемологических ошибок, обсуждавшуюся в (Streumer 2017) and (Olson 2018).

26. Это было бы верно для антиреалистической версии эпистемического экспрессивизма, обсуждаемой в (Chrisman 2012).

27. Для более подробного обсуждения эпистемического экспрессивизма см. (Chrisman 2012). Пример взгляда, по крайней мере очень близкого к экспрессивизму, на некоторые центральные виды эпистемического мышления и речи см. в (Field 2000) и (Field 2018). См. также (Gibbard 1990), чье экспрессивистское объяснение "рационального", хотя и сосредоточено на приложениях к этике и моральной философии, также применимо к основным частям эпистемического мышления и речи.

28. Понятие, которое мы здесь развиваем, опирается на объяснение, которое мы разрабатываем для концептуальной этики (а также для концептуальной этики нормативности в более общем смысле) в (McPherson and Plunkett 2021).

29. Взгляды на этот вопрос будут частично зависеть от того, какие виды сущностей он допускает в своей теории мышления и речи и какую роль играют эти сущности в этой теории. Например, некоторые философы скептически относятся к тому, что работа в области концептуальной этики (или связанная с ней работа в области концептуальной инженерии, которую мы обсудим ниже) действительно касается концепций как таковых. См. (Cappelen 2018). Для дальнейшего обсуждения см. (Burgess and Plunkett 2020) and (Cappelen and Plunkett 2020).

30. Наше описание "концептуальной этики" основано на (Burgess and Plunkett 2013a) and (Burgess and Plunkett 2013b).

31. Более подробное обсуждение этого вопроса см. (Burgess and Plunkett 2013a) and (Burgess and Plunkett 2013b).

32. См., например. (Haslanger 2000b).

33. См., например. (Perez Carballo 2020).

34. См., например. (Sider 2011).

35. Для дальнейшего обсуждения см. (Burgess and Plunkett 2013a) and (Cappelen and Plunkett 2020).

36. См. (Nietzsche 1887/1994). Краткое предложение о том, как аргументы Ницше здесь могут быть считаны как аргументы концептуальной этики, см. (Plunkett 2016).

37. См. (Scharp 2020) and (Scharp Manuscript).

38. Мы говорим "по крайней мере эпистемологически", чтобы показать, что при некоторых взглядах на категоризацию того, что считается "эпистемическим", эта категория может быть определена в терминах наших текущих концепций. Связанное обсуждение некоторых деликатных вопросов, касающихся индивидуации тем и понятий, см. (Cappelen 2018).

39. Таким образом, наше использование термина "концептуальная инженерия" в целом опирается на использование, предложенное Шарпом (2013), Эклундом (2017) и Каппеленом (2018). Наше толкование выше – это лишь грубая характеристика того, как мы думаем о концептуальной инженерии и ее отношении к концептуальной этике. Для дальнейшего обсуждения этого вопроса см. (Cappelen and Plunkett 2020) и (Burgess and Plunkett 2020). Образец разнообразия способов, которыми философы используют терминологию "концептуальной этики" и "концептуальной инженерии", см. в статьях, собранных в (Burgess, Cappelen, and Plunkett 2020).

40. Для защиты идеи о том, что концептуальная этика является единой ветвью нормативного исследования, см. (Burgess and Plunkett 2013a).

41. Стоит отметить, что некоторые способы участия в концептуальной этике эпистемологии могут быть с пользой классифицированы, по крайней мере в некоторых контекстах, как часть прикладной эпистемологии. Это было бы так, если бы в этом проекте использовались эпистемологические нормы. Например, специалист по концептуальной этике может спросить, какие эпистемологические концепции таковы, что их широкое использование в исследованиях максимизирует определенные широко "эпистемические" блага, такие как распространение знаний.

References

- Alston, William. 2005. *Beyond Justification: Dimensions of Epistemic Evaluation*. Ithaca: Cornell University Press.
- Berker, Selim. 2013. "Epistemic Teleology and the Separateness of Propositions." *Philosophical Review* 122 (3): 337-393.
- Bishop, Michael A., and J. D. Trout. 2004. *Epistemology and the Psychology of Human Judgment*. New York: Oxford University Press.
- Bolinger, Renee Jorgensen. 2020. "Varieties of Moral Encroachment." *Philosophical Perspectives* 34 (1): 5-26.
- 30 T. MCPHERSON AND D. PLUNKETT

- Burgess, Alexis, Herman Cappelen, and David Plunkett. 2020. *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*. Oxford: Oxford University Press.
- Burgess, Alexis, and David Plunkett. 2013a. "Conceptual Ethics I." *Philosophy Compass* 8 (12): 1091-1101.
- Burgess, Alexis, and David Plunkett. 2013b. "Conceptual Ethics II." *Philosophy Compass* 8 (12): 1102-1110.
- Burgess, Alexis, and David Plunkett. 2020. "On the Relation Between Conceptual Engineering and Conceptual Ethics." *Ratio* 33 (4): 281-294.
- Burgess, Alexis, and Brett Sherman. 2014. *Metasemantics: New Essays on the Foundations of Meaning*. Oxford: Oxford University Press.
- Cappelen, Herman. 2018. *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. Oxford: Oxford University Press.
- Cappelen, Herman, and David Plunkett. 2020. "A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics". In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, edited by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett, 1-26. Oxford: Oxford University Press.
- Chrisman, Matthew. 2012. "Epistemic Expressivism." *Philosophy Compass* 7 (2): 118-126.
- Cohen, Stewart. 2016. "Theorizing About the Epistemic." *Inquiry* 59 (7-8): 839-857.
- Conee, Earl, and Richard Feldman. 2004. *Evidentialism: Essays in Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
- Craig, Edward. 1990. *Knowledge and the State of Nature: An Essay in Conceptual Synthesis*. Oxford: Oxford University Press.
- Darwall, Stephen L. 1998. *Philosophical Ethics*. Boulder: Westview Press.
- DeRose, Keith. 2009. *The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context*. Oxford: Oxford University Press.
- Descartes, Ren?. 1641/2017. *Meditations on First Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dworkin, Ronald. 2011. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge: Harvard University Press.
- Eklund, Matti. 2017. *Choosing Normative Concepts*. Oxford: Oxford University Press.
- Fantl, Jeremy, and Matthew McGrath. 2009. *Knowledge in an Uncertain World*. Oxford: Oxford University Press.
- Feldman, Richard. 2003. *Epistemology*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Field, Hartry. 2000. "A Priority as an Evaluative Notion." In *New Essays on the A Priori*, edited by P. A. Boghossian, and C. Peacocke, 117-149. Oxford: Oxford University Press.
- Field, Hartry. 2018. "Epistemology from an Evaluativist Perspective." *Philosophers' Imprint* 18.
- Fritz, James. 2017. "Pragmatic Encroachment and Moral Encroachment." *Pacific Philosophical Quarterly* 98 (S1): 643-661.
- Fritz, James. 2021. "Akrasia and Epistemic Impurism." *Journal of the American Philosophical Association* 7 (1): 98-116.
- Fritz, James. Forthcoming. "Knowledge and the Many Norms on Action." *Erkenntnis*. Fumerton, Richard. 2006. *Epistemology*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Gettier, Edmund L. 1963. "Is Justified True Belief Knowledge?" *Analysis* 23: 121-123.
- Gibbard, Allan. 1990. *Wise Choices, Apt Feelings: A Theory of Normative Judgment*. Cambridge: Harvard University Press. *INQUIRY* 31
- Gibbard, Allan. 2012. *Meaning and Normativity*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldman, Alvin I. 1999. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press.
- Greco, Daniel. 2014. "A Puzzle About Epistemic Akrasia." *Philosophical Studies* 167 (2): 201-219.
- Hannon, Michael. 2019. *What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
- Haslanger, Sally. 2000a. "Defining Knowledge: Feminist Values and Normative Epistemology." In *The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy, Volume 8: Contemporary Philosophy*, edited by Daniel Dahlstrom. Charlottesville: Philosophy Doc Ctr.
- Haslanger, Sally. 2000b. "Gender and Race: (What) Are They? (What) Do We Want Them to Be?" *Nous* 34 (1): 31-55.
- Hawthorne, John, and Jason Stanley. 2008. "Knowledge and Action." *Journal of Philosophy* 105 (10): 571-590.
- Horowitz, Sophie. 2014. "Epistemic Akrasia." *Nous* 48 (4): 718-744.
- Jackson, Frank. 1998. *From Metaphysics to Ethics: A Defence of Conceptual Analysis*. Oxford: Clarendon.
- Kitcher, Philip. 1992. "The Naturalists Return." *The Philosophical Review* 101 (1): 53-114.
- Kornblith, Hilary. 2002. *Knowledge and its Place in Nature*. Oxford: Oxford University Press.
- Ludlow, Peter. 2014. *Living Words: Meaning Undetermination and the Dynamic Lexicon*. Oxford: Oxford University Press.
- McHugh, Conor, Jonathan Way, and Daniel Whiting. 2019. *Metaepistemology*. Oxford: Oxford University Press.
- McPherson, Tristram. 2012. "Unifying Moral Methodology." *Pacific Philosophical Quarterly* 93 (4): 523-549.
- McPherson, Tristram. 2020. "Ardent Realism Without Referential Normativity." *Inquiry* 63 (5): 489-508.
- McPherson, Tristram, and David Plunkett. 2017. "The Nature and Explanatory Ambitions of Metaethics." In *The Routledge Handbook of Metaethics*, edited by T. McPherson, and D. Plunkett, 1-25. New York: Routledge.
- McPherson, Tristram, and David Plunkett. 2020. "Conceptual Ethics and The Methodology of

- Normative Inquiry." In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, edited by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett, 274-303. Oxford: Oxford University Press.
- McPherson, Tristram, and David Plunkett. 2021. "Metaethics and the Conceptual Ethics of Normativity." *Inquiry*.
- McPherson, Tristram, and David Plunkett. Forthcoming. "Evaluation Turned on Itself: The Vindictory Circularity Challenge to the Conceptual Ethics of Normativity." In *Oxford Studies in Metaethics*, edited by R. Shafer-Landau, Vol 16., 207-232. Oxford: Oxford University Press.
- McPherson, Tristram, and David Plunkett. Manuscript. "On the Nature and Foundations of Epistemic Normativity." Nietzsche, Friedrich Wilhelm. 1887/1994. *On the Genealogy of Morality*. New York: Cambridge University Press. 32 T. MCPHERSON AND D. PLUNKETT
- Olson, Jonas. 2018. "Moral and Epistemic Error Theory: The Parity Premise Reconsidered." In *Metaepistemology*, edited by C. McHugh, J. Way, and D. Whiting, 107-121. Oxford: Oxford University Press.
- Perez Carballo, Alejandro. 2020. "Conceptual Evaluation: Epistemic." In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, edited by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett, 304-332. Oxford: Oxford University Press.
- Plunkett, David. 2015. "Which Concepts Should We Use?: Metalinguistic Negotiations and The Methodology of Philosophy." *Inquiry* 58 (7-8): 828-874.
- Plunkett, David. 2016. "Conceptual History, Conceptual Ethics, and the Aims of Inquiry: A Framework for Thinking About the Relevance of the History/Genealogy of Concepts to Normative Inquiry." *Ergo* 3 (2): 27-64.
- Plunkett, David. 2020. "Normative Roles, Conceptual Variance, and Ardent Realism About Normativity." *Inquiry* 63 (5): 509-534.
- Plunkett, David, and Scott Shapiro. 2017. "Law, Morality, and Everything Else: General Jurisprudence as a Branch of Metanormative Inquiry." *Ethics* 128 (1): 37-68.
- Plunkett, David, and Tim Sundell. 2013a. "Disagreement and the Semantics of Normative and Evaluative Terms." *Philosophers' Imprint* 13 (23): 1-37.
- Plunkett, David, and Timothy Sundell. 2013b. "Dworkin's Interpretivism and the Pragmatics of Legal Disputes." *Legal Theory* 19 (3): 242-281.
- Plunkett, David, and Tim Sundell. 2021. "Metalinguistic Negotiation and Speaker Error." *Inquiry* 64 (1-2): 142-167.
- Pritchard, Duncan. 2016. *Knowledge*. New York: Palgrave.
- Scharp, Kevin. 2013. *Replacing Truth*. Oxford: Oxford University Press.
- Scharp, Kevin. 2020. "Defective Concepts." In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, edited by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett. Oxford: Oxford University Press.
- Scharp, Kevin. Manuscript. "Replacing Knowledge." Schroeter, Laura, and Francois Schroeter. 2014. "Normative Concepts: A Connectedness Model." *Philosophers' Imprint* 14 (25): 1-26.
- Sider, Theodore. 2011. *Writing the Book of the World*. Oxford: Oxford University Press.
- Streumer, Bart. 2017. *Unbelievable Errors: An Error Theory About All Normative Judgments*. Oxford: Oxford University Press.
- Thomasson, Amie L. 2016. "Metaphysical Disputes and Metalinguistic Negotiation." *Analytic Philosophy* 57 (4): 1-28.
- Williams, J. Robert G. 2018. "Normative Reference Magnets." *The Philosophical Review* 127 (1): 41-71.
- Williamson, Timothy. 2000. *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press.
- Williamson, Timothy. 2007. *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell.

SOME STAGES OF THE FORMATION OF YOUTH SUBCULTURES IN AZERBAIJAN (HISTORICAL ASPECTS)

Isaeva Humay Islam, Researcher, Institute of Philosophy and Sociology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

The purpose of this article is to describe the forms in which the phenomenon of subculture manifested itself and developed in Azerbaijan from the 1980s to 2010, first as part of the USSR, and then during the period of independence. It is noted that in almost all the republics of the former USSR, including Azerbaijan, subcultural social groups were formed, consisting of pro-Western, creative adolescents and youth, which radically differed from official public organizations, pioneer movements and other Soviet ideological lines, were even officially registered under the name of public associations and operated openly. Methods used. The article mainly used the methods of content analysis, the method of generalization, the method of historical analysis and other general scientific methods. Novelty in the article. For the first time in the domestic scientific literature, the issues of the formation and development of the youth subculture in Azerbaijan were subjected to careful analysis. Conclusions. The final part of the article summarizes the analysis of the stages of formation and development of the youth subculture in Azerbaijan, shows the main motives for the emergence of various types of this culture in social and spiritual life. It is also noted that when comparing informal associations in the former USSR with Western subcultural models, first of all, it should be noted that there was censorship in this system, lack of information, inaccessibility of foreign music and periodicals, etc. Due to these factors, the culture of young people was monotonous, dry and gray. Thus, in the examples of 3 types - club, hip-hop and emo, the formation and development of subcultures that existed in the Soviet and post-Soviet periods in Azerbaijan were laid not characteristic of the national mentality of values, forms of behavior and thinking. It is noted that there has always been a chaotic, unstable picture of the subculture in Azerbaijan. In most cases, instead of constancy and staticity, a process of fluidity can be observed in the subcultures of Azerbaijan. This can be seen in the example of almost all subcultural media. In the West, the human subculture is usually both a way of life and a source of income. However, due to the underdevelopment of the phenomenon of subculture in Azerbaijan, carriers of the subculture become a kind of amateurs.

Keywords: youth; subculture; official ideology; national mentality; islamic values.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9-7

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Целью данной статьи является анализ форм, в которых феномен субкультуры проявлялся и развивался в Азербайджане с 1980-х по 2010 год, сначала в составе СССР, а затем в период независимости. Отмечается, что практически во всех республиках бывшего СССР, в том числе в Азербайджане, формировались субкультурные социальные группы, состоящие из про-западных, творческих подростков и молодежи, которые кардинально отличались от официальных общественных организаций, пионерских движений и других советских идеологических линий, даже были официально зарегистрированы под названием общественных объединений и действовали открыто. В статье в основном использован метод исторического и культурологического анализа. Вопросы формирования и развития молодежной субкультуры в Азербайджане на указанном историческом отрезке времени рассмотрены впервые. В заключительной части статьи подведены итоги анализа этапов формирования и развития молодежной субкультуры в Азербайджане, показаны основные мотивы появления различных видов этой культуры в социально-духовной жизни. При сравнении неформальных объединений в бывшем СССР с западными субкультурными образцами, прежде всего, следует отметить существовавшую в этой системе цензуру, недостаток информации, в том числе недоступность зарубежной музыки и периодических изданий и т. д. В силу этих факторов культура молодежи была однообразной и серой. В целом, на примере трех типов формирования и развития субкультур, существовавших в советский и постсоветские периоды в Азербайджане – клубном, хип-хопе и эмо, выявлено, что здесь были заложены не свойственные национальному мен-

УДК 008:316

БАК 24.00.01

© Исаева Х.И., 2022

**ИСАЕВА Хумай
Ислам гызы**, научный
сотрудник, Институт
Философии и Социологии,
Национальная Академия
наук Азербайджана, Баку,
Азербайджан

талитету ценностей, форм поведения и мышления. Отмечается, что в Азербайджане всегда была хаотичная, нестабильная картина субкультуры. В большинстве случаев вместо постоянства и статичности в субкультурах Азербайджана можно наблюдать процесс текучести. Это видно на примере практически всех субкультурных медиа. На Западе субкультура человека обычно является одновременно и образом жизни, и источником дохода. Однако из-за неразвитости феномена субкультуры в Азербайджане носители субкультуры становятся своего рода любителями.

Ключевые слова: молодежь, субкультура, официальная идеология, национальный менталитет, исламские ценности.

Постановка задачи. 1980-е годы, особенно вторая половина десятилетия, были отмечены относительно не подвергавшимися цензуре и явно субкультурными моделями на Западе, их специфическими культурными элементами, а также специфической музыкой, танцами и другими видами искусства, связанными с субкультурными моделями в СССР, получившими распространение, включая Советский Азербайджан. Это было связано со смягчением социально-политической атмосферы СССР до правления М. Горбачева, а также с реформами, реализованными на основе проводимой им в СССР политики реконструкции и прозрачности, частичным снижением цензуры, значительным снятием ограничений на поток информации; все это было связано с атмосферой имитации демократии [1]. По этой причине в 80-е годы в средствах массовой информации публиковались материалы об образе жизни и музыке, танцах и модных тенденциях молодых людей в США, Канаде и Европе [2], по радиостанциям транслировались некоторые образцы иностранной музыки [3], и по телевидению – зарубежные фильмы. На самом деле зарубежные фильмы начали показывать по телевидению еще раньше, во времена хрущевского потепления, но некоторые из этих фильмов были запрещены, поскольку они противоречили советской идеологии. В целом во второй половине 80-х годов по советскому телевидению беспрепятственно транслировалось большинство как классических, так и новейших зарубежных фильмов.

Цель данной статьи – выявить особенности феномена субкультуры в Азербайджане с 1980-х по 2010-е годы, сначала в составе СССР, а затем в период независимости.

Известно, что практически во всех республиках бывшего СССР, в том числе в Азербайджане, в указанный период стали формироваться субкультурные социальные группы, состоящие из прозападных, творческих подростков и молодежи. Эти группы кардинально отличались от официальных общественных организаций, пионерских движений и других советских идеологических тенденций, причем были зарегистрированы под названием общественных объединений и действовали открыто.

В статье в основном были применены методы контент-анализа и обобщения на основе статистических материалов и исторических фактов. Отметим, что вопросы формирования и развития молодежной субкультуры в Азербайджане в отечественной научной литературе исследованы впервые.

Степень изученности темы. В указанное время в СССР все еще существовала цензура, идеологические запреты Коммунистической партии, тотальный контроль КГБ, особенно над советской молодежью, и потому все еще были ограничения и недостаток информации. И потому неформальные молодежные союзы выступали в качестве прототипов, альтернатив и имитаций западных субкультур. К неформальным ассоциациям, в которых проявлялась смесь западных субкультурных ценностей, также относятся так называемые нефоры (nephors), ниферы (nifers) и т. д. Фактически советская молодежь, собиравшаяся в неформальные союзы, подражала западной молодежи, западным субкультурам. К концу десятилетия число различных музыкальных ансамблей и групп, танцевальных коллективов, трупп, артистов, режиссеров, фотографов и прочих объединений увеличивалось, и в городах СССР, в том числе в Баку, организовывались различного вида диско-шоу, концерты, выставки и т. д., близкие к западному стилю. Все это полностью отличалось от советских развлекательных мероприятий для молодых людей [4].

Это не означало, что неформалы работали без проблем и свободно, без какого-либо давления. Органы внутренних дел СССР и местные партийные организации время от времени контролировали и предупреждали их за "вольное поведение", иногда даже называя хулиганами, бродягами и стрелками, особенно тех, которые имитировали молодежь США и Европы. Даже молодые люди, которые веселились на дискотеках и концертах, организуемых некоторыми неформальными представителями Баку, были отмечены как аморальные и развратные,

противоречащие советским моральным ценностям. Однако, по сравнению с предыдущими десятилетиями, социальные условия были гораздо более удовлетворительными, поскольку обстановка в этот период несколько смягчилась, и советская молодежь охотно вступала в такие инновационные союзы, чтобы действовать независимо, вне единой линии, продвигаемой советской идеологией.

Сравнивая неформальные объединения в СССР с западными субкультурными образцами, прежде всего, следует отметить существующую в СССР цензуру, недостаток информации, недоступность зарубежной музыки и периодических изданий и т. д. В силу этих факторов культура молодежи была несколько однообразной, сухой и серой. С конца 1970-х по 1991 год социальные группы молодежи характеризовались феноменом, известным как Система, который обычно формировался на элементах антикультурного и демонстративного карнавала [5]. Система была общим названием для субкультурных групп молодых людей, которые считались нетрадиционными для СССР, основывалась на прозападных ценностях; они игнорировали советскую идеологию и ценности, и считали себя более современными. Хотя система включала несколько примеров субкультур, на самом деле в ее основе лежали две антикультуры – панков и хиппи. Из этих контркультурных примеров в Советском Азербайджане действовали лишь разбросанные и редкие хиппи, подавляющее большинство которых проживало в Баку и совсем мало – в Сумгаите [6]. Сведений о существовании хиппи в других городах и поселках Азербайджана и панков в Советском Азербайджане в целом нет.

Особенности становления и развития контркультуры. Одним из отличий системы от западных субкультурных примеров было безразличие и аполитичность советских контркультур по отношению к советским идеологическим ценностям. В этих антикультурах, за неко-

торыми исключениями, не было ни открытого сопротивления, ни массового протеста против советских ценностей. Напротив, советские контркультуры характеризовались сегрегацией, одиночеством и дружбой с меньшинством, которое понимало только их. Из-за отрицания ими ценностей старшего поколения, избегания участия в советских событиях и пренебрежения к ним большинства людей, их действия считались постыдными, развратными и подвергались суровой критике в этом отношении. Именно по этим причинам их считали близкими к антикультуре. Одной из особенностей этого социального пласта людей было то, что к ним присоединялось больше творческих людей, особенно художников, их творчество отличалось от традиционной советской идеологической линии, и они создавали авангардное, экстремальное искусство. Что касается неформальных ассоциаций в Советском Азербайджане, то они отличались от западных субкультурных примеров тем, что ни одна из них не строилась на единой субкультурной линии.

Неформальные союзы в СССР, включая Азербайджан, были образованы в 1980-х годах и официально зарегистрированы во второй половине десятилетия, при этом все еще официально назывались неформальными союзами / неформальными союзами как на общественном, так и на правительственном уровнях.

Термин "неформальный", который в СССР считается местным, был придуман в 1985 году русским писателем и журналистом Юрием Шекохих, уроженцем Гянджи. Термин, который он придумал, сначала применили к движениям хиппи и рокеров, а затем – и к новым местным сообществам и группам [7]. Отметим, что советские неформалы были не только альтернативой западным субкультурам, но и местными моделями в СССР. В 80-е годы Бакинский художественный центр (БИК) был одним из важнейших центров азербайджанской неформальной деятельности. Основанный в

1988 году, центр объединил представителей различных искусств – художников, фотографов, искусствоведов, режиссеров, писателей, музыкантов [8].

Прежде чем перейти к примерам неформальных организаций, занимающихся искусством и культурой, хотелось бы отметить, что некоторые неформальные ассоциации создавались для стимулирования социально-политических процессов. В 1988 году Клуб молодых бакинских ученых, одним из учредителей которого был журналист Зардушт Ализаде, состоял из ученых и общественных деятелей [9]. Ученые, общественные и политические деятели, члены профсоюзов, представители интеллигенции того времени часто собирались на квартирах у отдельных людей Баку для обсуждения социальных и политических проблем страны [9]. В последующие годы этот союз сыграл важную роль в создании Народного движения, восстановившего независимость Азербайджана.

О неформальных организациях. Рассмотрим деятельность некоторых неформалов, которые были носителями субкультурных элементов.

Первой неформальной организацией, официально зарегистрированной в Азербайджане, было Общественное объединение "Джанги" [9]. В этом экспериментальном сообществе действовали различные художественные кружки, артели, клубы, организованные молодыми педагогами и студентами. В Союз "Джанги" также входила легендарная мугам-рок-группа "Озан", ансамбль народных инструментов "Арзу" под руководством Аббасгулу Наджафзаде, ансамбль национального танца "Сеиндж", студенческий клуб "Очаг", шахматный клуб "Гара Вазир", фотостудия "Айна", ансамбль турок-месхетинцев "Умид", группа ашугов "Давам", а также группа иллюзионистов "Хогга" во главе с Тофиком Искендерли [11]. Один из молодых людей, работавший вместе с журналистом Чингизом Мустафаевым, который впоследствии посмертно стал Национальным героем Азербайджана, и был

одним из первых организаторов дискотек в Баку в 1980-х годах, а также работавшим тиджеем [12] на этих дискотеках [13]. Также в "Джанги" была группа брейк-данса под руководством Ч. Мустафаева. Члены экспериментального общественного объединения "Джанги", созданного композитором Расимом Музаффарли, собрались в одноименном киноконцертном зале на территории студенческого городка. Здесь репетировали и артисты Союза. На одном из концертов, проведенных в этом зале в 1987 году, присутствовала группа "Аквариум", которая тогда считалась легендарной рок-группой в СССР [14]. Р. Музаффарли и Ч. Мустафаев вели музыкально-развлекательную программу "Экспромт" на азербайджанском государственном телевидении (АзТв) в начале 1980-х, за несколько лет до образования Союза "Джанги". Формат этой творческой и динамичной программы в новом стиле существенно отличался от традиционных советских программ. В нем принимали участие азербайджанские рок-группы и ансамбли, ведущие проводили в прямом эфире различные развлекательные конкурсы. В завершение программы зрителям был показан диско-шоу, организованный Чингизом Мустафаевым. Благодаря этой программе молодежь того времени познакомилась с одним из организаторов диско-шоу – Ч. Мустафаев и с рок-группой "Озан" [15].

Одной из первых неформальных арт-групп, созданных в Баку в 1989 году, была "Тасдиг" [16]. Во время своего создания участники арт-группы написали первый манифест "Духовная свобода", а затем второй манифест "Трансформация" или "Новое искусство". Арт-группа конфирмации реализует в Баку беспрецедентные для своего времени проекты, организуя выставки, занимаясь творческой работой в области графики и дизайна. Этот союз был основан четырьмя студентами, учившихся в то время в Азербайджанском Университете Искусств – Амирбаем Нариманбековым, Теймуром Дайми, Самиром Гафаровым и

Эльмаром Амираговым. Такое неформальное объединение они решили создать в 1985 году, когда учились в Художественной школе им. Азима Азимзаде. По словам членов союза, они основали его, вдохновившись смягчением в период перестройки и прозрачности [17]. Этот неформальный союз, просуществовавший всего несколько лет, прекратил свое существование в 1992 году.

Эти неформальные молодежные явления состояли из смеси нескольких субкультурных элементов и существовали в гибридной форме. Например, в союзе Джанги, описанном выше, было несколько субкультурных особенностей, и этот союз не был сформирован по одной субкультурной линии. Системная волна, существовавшая в СССР и состоявшая из нескольких субкультурных паттернов, начала терять свою целостность и распадаться в начале 1990-х годов. Независимые субкультуры (панк, хип-хоп, металлисты, байкеры и т.д.) возникли на гребне распадавшейся системы. Однако так было в крупных городах СССР, в Азербайджане же такого случая не было.

Одним из самых значительных событий в культурной жизни советской молодежи с середины 1970-х годов стал жанр танцевальной диско-музыки, мода диско- и дискотека, где этот танец исполнялся коллективно. Диско-движение в Соединенных Штатах и Европе зародилось в начале 1970-х, а в середине десятилетия в СССР, сначала в прибалтийских республиках, затем в России, Украине и других республиках, а также в конце 1970-х годов началось распространение в Азербайджане [18]. Первый фестиваль-конкурс межреспубликанских дискотек в истории СССР прошел в 1976 году в столице Латвии Риге.

К концу 1970-х мода на диско, связанную с жанром диско-музыки, стала популярной среди молодежи как в СССР, так и в странах Запада.

Следует отметить, что хотя молодежь Советского Азербайджана имела большую склонность к дискотекам и в каком-то смыс-

ле отдавала предпочтение диско-моду, в отличие от других республик СССР, диско-движение в Азербайджане не могло стать субкультурным явлением. Даже в годы независимости, в первом десятилетии XXI века процесс становления массовой субкультуры не наблюдался, хотя были отдельные носители таких клубных или рейв-субкультур. Однако следует отметить, что и в советское время, и в годы независимости были дискотеки, клубы и танцполы, а также участие многих молодых людей в этих танцевально-развлекательных мероприятиях, что считается закономерным.

Возникновение трех ветвей субкультуры хип-хопа (рэп, брейк-данс, диджеинг) в Азербайджане относится ко второй половине 1980-х годов (период СССР), а ее формирование в целом, как пример субкультуры, относится ко второй половине 80-х годов прошлого века, до 1990-х годов (период независимости). В первой половине 1980-х только диджейская ветвь этой субкультуры существовала в любительской форме на дискотеках, организованных в основном в столице Баку. Демократическая атмосфера, смягчение и частичное устранение цензуры, принесенное в СССР политическим курсом Горбачева "Гласность и реконструкция" с середины 1980-х годов, создали благоприятные условия для распространения этих ветвей субкультуры хип-хопа в Советском Азербайджане. Такие виды искусства, как рэп, брейк-данс и диджеинг, исполнялись как в неформальных группах, так и любителями на различных концертах и дискотеках, а также в некоторых фильмах, телешоу, музыкальных клипах и телевизионных программах.

В целом 2001-2006 годы можно считать первым наиболее продуктивным периодом в Азербайджане с точки зрения зарождения процессов субкультуры хип-хопа, популяризации и коллективного пристрастия молодежи к этой субкультуре.

Граффити было последним видом искусства среди ветвей субкультуры хип-хопа в

Азербайджане. Первые образцы этого уличного искусства, считающегося незаконным в Азербайджане, как и во всем мире, начали появляться в Баку в начале 2000-х годов. Территория, на которой сейчас находится 28 Mall ТМ в Баку, когда-то была ограждена бетонными плитами. Росписи на этих каменных заборах и на стене возле станции метро Хатаи считаются первыми образцами граффити в Азербайджане.

С середины 2000-х годов эмо-субкультура получила широкое распространение не только в столице Баку, но и в нескольких других городах Азербайджана. Число представителей этой субкультуры, которая особенно распространена среди школьников, с середины 2000-х годов растет с каждым годом, а с начала 2010-х годов субкультура эмо стала основной волной в Азербайджане. Эмо в Азербайджане принесло с собой как великолепную моду, так и волну тенденций, что оказало влияние на другие субкультуры. Это можно увидеть на примере нескольких рэперов, работавших в 2010 году [20]. Иногда подростков, не принадлежащих к субкультурной среде, также привлекало поведение эмо, их прически и одежда, особенно в Баку. Они не отличали настоящих эмо от тех, кто имитировал их, за исключением грустного, подавленного внешнего вида первого, а также особого сленга и выражений, свойственных эмо, которые они использовали при разговоре. В то время, когда в Азербайджане распространялись эмодзи, развитие Интернета и социальных сетей сыграло очень важную роль в популяризации этой субкультуры. Через чаты, веб-сайты и социальные сети подростки, склонные к этой субкультуре, легко и быстро находили язык друг с другом, обменивались различной информацией друг с другом и, таким образом, через некоторое время они объединялись в группу. Основная причина быстрого и широкого распространения этой субкультуры в других регионах и городах Азербайджана связана с Интернет-ресурсами.

В начале зарождения субкультуры эмо в Азербайджане возраст представителей этой

субкультуры составлял в основном 13-20 лет. Эмо старше 20 лет были редкостью. Как уже отмечалось, хотя эмо были в других городах Азербайджана, подавляющее большинство их было в Баку. В Баку обычно можно увидеть эмо, собиравшихся в любое время дня в Прибрежном парке и на старой площади Фонтанов, перед рестораном McDonald's. Поскольку жанрами музыки, которые предпочитали эмо, были рэп и рок, они также собирались в местечке под названием Rock Club, где раньше собирались рокеры.

Заключение. Как видно, в Азербайджане наблюдалась хаотичная, нестабильная картина субкультуры. То есть в большинстве случаев вместо постоянства и статичности в субкультурах Азербайджана наблюдается текучесть и неопределенность. Мы видим это на примере практически всех субкультурных проявлений. На Западе субкультура человека обычно является одновременно и образом жизни, и источником дохода. Однако из-за неразвитости феномена субкультуры в Азербайджане носители субкультуры являются своего рода любителями.

По сравнению с западными странами, в Азербайджане женщины редко становились носителями субкультуры из-за наличия определенных ценностей национального менталитета, а также ислама. То есть почти все субкультуры в Азербайджане были ориентированы на мужчин. В любом субкультурном примере количество женщин было невелико. Однако в Азербайджане есть субкультурный феномен, благодаря усилиям самих носителей, и хотя этот феномен сильно отличается того, что есть в западных странах, подростки и молодые люди по-прежнему подвержены этому явлению.

Литература:

1. Айна Штрале. Закат цензуры в советской Латвии 1985-1990 гг. Национальная библиотека Латвии // Terbatas iela 75, LV-1001 Riga, Latvija, 2006)
2. Закон СССР О печати и других средствах массовой информации, Москва, Кремль, 12 июня 1990 года, №1552-I // <http://docs.cntd.ru/document/9038393>
3. Приказ Министерство связи Литовской ССР о прекращении глушении зарубежных радиостанций. №1. 23 января 1989 г., Вильнюс // <http://www.radiojamming.puslapiai.lt/doc/2801.jpg>
4. Шубин А.В. Преданная демократия. Неформалы и Перестройка (1986-1989). – М.: Европа, 2006.
5. Viktor Misiano. A miracle or misunderstanding, "Socially engaged art in the former Soviet countries is either a miracle or a misunderstanding, for there are too many reasons why it should not exist // <http://www.cecartslink.org>
6. İgid Teymurlu. Zərdust Əlizadə ili müsahibə // <https://versus.az/index.php?view=article&id=1394&dil=az>
7. Приймак Артур. Интервью с Зардушт Ализаде // <https://eadaaily.com/ru/news>
8. В день рождения Чингиза Мустафаева вспомнили об Общественном объединении "Джанги" // <https://lent.az/news/251712>
9. Первые студенческие клубы в Азербайджане // <https://lent.az/news/251712>
10. 20 лет без Чингиза Мустафаева. <https://1news.az/news/>
11. Vahid Mustafayev: Cingiz və mubariz jurnalist və əsgərin şücaəti // <http://www.anspress.com/siyaset/>
12. Расим Музаффарли: "Сегодня я уверен в том, во что верил слепо". Интервью. <https://1news.az/news/>
13. Ozan qrupu. // https://azershow.biz/all_news/
14. İrena Nərimanbəyova "Təsdiq – Bakıda ilk art-qrup" // Nargis Magazine jurnalı, 23 mart, 2013
15. Гришина Н.В. Психология конфликта. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.: ил.
16. Riad Said. Sovet Azərbaycanında sub-mədəniyyətlər. Baku Research Institute, 2020. // <https://bakuresearchinstitute.org/az/>
17. Ольга Лошкарева. Наша летопись: год 1978. // <https://academ.info/news/5296>
18. Video-klip: Roshka & Yağış - Ağlayıram 2 Official Music Video // https://www.youtube.com/watch?v=g-v5_ono_Vk

Najafova Natavan Kheyrolla, dissertator, Baku State University, Baku, Azerbaijan

The main directions of social protection of children deprived of parental care in Azerbaijan are considered. For this purpose, the legal and socio-economic basis for the formation of a system of social protection for children of this category was analyzed. It was determined that the meaning of social protection and assistance provided to certain groups of the population, including children who have lost parental care, is to use factors that influence the process of self-realization and the activity of a person who is in a certain stressful situation or constrained circumstances. The conclusions of this article can be applied in the practice of state guardianship of children of this category, as well as in the training and retraining of personnel in the system of their social protection. The novelty of the work done lies in the analysis of the current state of the country's social protection system related to the liberation of the lands occupied by the Armenian side, which will also affect the work with children deprived of parental care.

Keywords: social protection; guardianship; parents; adoption; state program; social services; institutions.

DOI 10.24923/2305-8757.2022-9.8

УДК 347.61

БАК 22.00.04

© Наджафова Н.Х., 2022

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ, ЛИШЕННЫХ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ

В статье рассмотрены основные направления социальной защиты детей, лишенных родительской опеки в Азербайджане. С этой целью были проанализированы правовая и социально-экономическая база формирования системы социальной защиты детей, указанной категории. Было определено, что смысл социальной защиты и помощи, оказываемой определенным группам населения, в том числе детям, потерявшим родительскую опеку, заключается в том, чтобы задействовать факторы, влияющие на процесс самореализации и активность человека, находящегося в определенной стрессовой ситуации или стесненных обстоятельствах. Выводы данной статьи могут быть применены в практике государственной опеки детей указанной категории, а также при подготовке и переподготовке кадров в системе их социальной защиты. Новизна работы состоит в анализе современного состояния системы социальной защиты страны, связанных с освобождением оккупированных армянской стороной земель, что отразится также и на работе с детьми, лишенных родительской опеки.

Ключевые слова: социальная защита; опека; родители; усыновление; государственная программа; социальные услуги; учреждения по оказанию социальных услуг.

Введение. Научное осмысление вопросов взаимопомощи и поддержки как одного из основополагающих принципов общественного устройства стало формироваться еще в незапамятные времена. Отношение к общественным процессам, их оценку мы видим еще в древнем обществе. К примеру, об этом писал и говорил видный представитель древнегреческой общественной мысли, чье творчество носит энциклопедический характер – это Аристотель. Он подчеркивал следующее: "... так как всякая семья составляет часть государства, а все указанные выше люди являются частями семьи и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин. И с

НАДЖАФОВА

*Натаван Хейрулла
кызы*, диссертант,
Бакинский государствен-
ный университет, Баку,
Азербайджан

этим необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни" [4, с.12].

Подобные рассуждения были присущи в основном древнему периоду европейской истории.

Рассмотрим, как обстояли дела в оказании социальной помощи семьям, детям, в особенности оставшихся без присмотра родителей на Востоке. Здесь, в условиях общинных отношений соседская община, воспроизводящая общинный вид социальной помощи, традиционно относится к институтам-субъектам помощи. В странах, где основная религия была ислам, регулятором указанных процессов был Шариат как свод правовых и религиозных законов, касающихся всех сторон жизни мусульманина.

Остановимся на формах и возможностях помощи детям, оставшихся без родительской помощи в условиях ислама. В исламе "дети имеют право на равные отношения со стороны родителей. Чтобы избежать ревности, ни один ребенок не должен получать от родителей больше преимуществ и внимания, чем его сестры и братья. Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: "Бойтесь Аллаха и воспитывайте своих детей в равенстве и справедливости!". Единственным исключением является повышенное внимание к умственно отсталому ребенку. Дети-инвалиды имеют право на особенный уход и внимание, так же как и на образовательную и общественную поддержку", кроме того, "ислам не только обязывает заботиться о родных детях, он также призывает к проявлению милости к приемным. Принять ребенка, лишенного родителей и родственников (сироту или подкидыша) под свою опеку, обеспечив ему воспитание и образование, является весьма достойным поступком. Опекун должен завещать такому ребенку "до трети наследства перед своей смертью" [11].

Поскольку эти предписания надо было реализовывать в жизнь, то до вступления ка-

питалистических производственных отношений в полное право в мусульманских странах детских домов практически не было: за детьми, по тем или иным причинам оставшихся без родителей, смотрели их родственники или близкие люди. Помощь здесь оказывалась в силу традиции, основанной как на общинных обычаях, так и религиозных предписаниях.

С изменением уклада жизни, формированием новых экономических отношений стали изменяться брачно-семейные отношения и отношение к детям, оставшихся без родительской опеки. Формы гарантированной социальной помощи с участием государства стали расширяться, поскольку стали лучше обеспечиваться права и свободы граждан. Развитые страны стали иметь больше возможностей для обеспечения своих граждан необходимыми благами и поддержкой. Вместе с тем эта проблема все еще невыполнима в полной мере для слаборазвитых стран, где высокий уровень безработицы, детской рождаемости и смертности, детской беспризорности, количества детей, рожденных вне брака и т.д.

Цель исследования. Поскольку Азербайджан относится к странам с развивающейся экономикой, то мы уделим внимание рассмотрению мнения специалистов именно по данной категории стран. Исследователи считают, что необходимо усиление роли государственных мер в социальной политике стран с переходной экономикой, поскольку серьезные потери в социальной сфере, связанные с ослаблением государственной политики в этой области в период "шоковых" реформ, оказывают отрицательное влияние на социальное самочувствие людей, прежде всего категории риска, куда относятся и дети, лишенные родительской опеки.

Основные направления социальной политики в отношении детей, лишенных родительской опеки. Исследователи проблемы социальной помощи и связанной с ней социальной политики предлагают пути реструктуриза-

ции финансирования социальных мер, повышения действенности инструмента прожиточного минимума как главной гарантии, универсализации предоставления льгот учреждений социальной инфраструктуры [4].

Считается, что характерной чертой экономической политики в развивающихся странах является минимизация роли государства, хотя надо отметить, что в Азербайджане ответственность и роль государства в период независимости, т.е. начиная с последней трети XX столетия, наоборот, увеличилась.

Теперь уже всем ясно, что в условиях переходного периода, обладающего затяжным характером и сложной природой, ответственность государства в деле обеспечения ухода за детьми, лишенных родительской опеки, и их воспитания, должна, скорее, увеличиваться, чем уменьшаться. Вмешательство государства должно быть активным в те важные области, где рыночные силы не могут обеспечить эффективного размещения ресурсов или где доступ к основным, наиболее важным благам и условиям для жизни людей является несправедливым. Это суждение справедливо и для более развитых стран, поскольку все они в равной степени подвержены мировым экономическим кризисам и потрясениям.

В любом развитом государстве в условиях рыночной экономики присутствует ответственность государства за социальное обеспечение его граждан. Государство формулирует свою социальную политику, которая включает систему социального обеспечения, гарантии социально-экономических прав, а также социальной справедливости и равенства. При этом должны приниматься во внимание экономические и финансовые возможности конкретного государства. В ситуации, когда человек теряет средства на существование или здоровье, когда человек может просто оказаться на улице, без крова и заботы, он может найти другие, криминальные пути содержания себя и сво-

ей семьи. Это касается также и детей из группы риска.

Вот уже многие годы государственный бюджет Азербайджана формируется как социально ориентированный, т.е. на протяжении более чем десяти лет значительная доля расходной части бюджета направляется в социальную сферу. За эти годы баланс долей практически не изменился – 50-60 % идет на обеспечение жизнедеятельности социальной системы, остальное – на инвестиционные проекты.

Помимо теоретического, концептуального осмысления указанных вопросов, закономерным является формирование законодательной базы. В Азербайджане имеется около 20 законов, регулирующих права детей, в общей сложности 40 статей законов, которые регулируют отдых, лечение, образование и занятие детей спортом.

Законом Азербайджанской республики от 22 июня 1999 года (№693-ІГ) о социальной защите детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки определены содержание, мероприятия государственного обеспечения по социальной защите детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки, а также отнесенных к ним лиц до 23 лет, регулируются отношения, возникающие в связи с предоставлением и осуществлением данного обеспечения.

Дети, потерявшие родителей, – это лица до 18 лет, у которых умерли оба родителя; дети, лишенные родительской опеки, – это лица до 18 лет, оба родителя которых: неизвестны; лишены родительских прав или их родительские права ограничены; пропали без вести, считаются недееспособными (дееспособность ограничена), объявлены умершими; отбывают наказание в учреждениях отбывания наказания; отказались от воспитания детей или защиты их прав и интересов; отказались взять детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений; а также

лица, считающиеся в предусмотренном Законом порядке лишенными родительской опеки в других случаях [9].

Лица до 18 лет, один из родителей которых умер, а другой родитель является инвалидом I и II групп, также считаются детьми, лишенными родительской опеки. Лица, отнесенные к детям, потерявшим родителей и лишенных родительской опеки, очно обучающиеся в высших и средних специальных и профессиональных учебных заведениях (до 23 лет) также являются под опекой государственных структур.

Последствия Карабахской войны все еще сказываются на категориях населения, непосредственно с ними связанными. И потому сегодня актуальны и проблемы медико-социальной и психологической реабилитации, поскольку здесь имеется огромное число людей, претерпевших всяческие лишения, а также люди, оставшиеся после Карабахской войны инвалидами, нуждающимися в реабилитации и медицинской помощи. Контингент детей, потерявших родительскую опеку, в немалой степени сформировался и за счет этой категории людей.

Определены предприятия для детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки – это учебные заведения, где содержатся, обучаются и (или) воспитываются дети, потерявшие родителей и лишенные родительской опеки; детские дома семейного типа; предприятия социальной защиты населения (детские дома, интернаты для детей с ограниченными возможностями здоровья, центры социально-реабилитационной помощи, социальные приюты); учреждения системы здравоохранения, другие государственные и негосударственные предприятия, создаваемые в установленном законодательством порядке.

В законе предусматривается попечительство и опека – это форма размещения детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки, в целях их содержания, воспитания и образования, а также защиты их прав и интересов. Попечительство

устанавливается детям до 14 лет, опека – детям от 14 до 18 лет.

Предусматривается возможность усыновления ребенка; лицо, усыновившее ребенка, – муж-жена или отдельные лица, в установленном законодательством порядке усыновившие детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки;

Предусматривается полное государственное обеспечение детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки, – это выдача детям, потерявшим родителей и лишенным родительской опеки, в соответствующих государственных или муниципальных учреждениях, в период нахождения в семье попечителя (опекуна) в порядке, установленном соответствующими органами исполнительной власти, питания, комплекта одежды и обуви, оплата проживания, получения образования и оказания медицинских услуг или выплата полной их стоимости за счет государственного бюджета [9].

В стране определен порядок передачи детей на усыновление. Так, усыновление ребенка в Азербайджане регулируется статьями 117-135 Семейного кодекса Азербайджанской республики и постановлением Кабинета министров Азербайджанской республики от 20 сентября 2000 года №172.

В кодексе отмечается, что гражданин Азербайджанской республики для прохождения первичной регистрации собирает соответствующие документы по соответствующему списку и обращается в Комиссию по опеке и попечительству Исполнительной власти того района, где он состоит на паспортном учете, и проходит регистрацию.

Документы гражданина, желающего усыновить ребенка в возрасте 0-3 лет, направляются в Министерство здравоохранения, а документы гражданина, желающего усыновить ребенка в возрасте 3-18 лет – в Министерство образования. Передача детей на международное усыновление осуществляется Государственным комитетом по проблемам семьи, женщин и детей Азербайджан-

ской республики. Есть список ограничений при усыновлении. Согласно статье 120 Семейного Кодекса Азербайджанской республики, усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением:

1) лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;

2) лиц, лишенных по суду родительских прав или ограниченных судом в родительских правах;

3) лиц, отстраненных от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей;

4) лиц, ранее обвиненных и лишенных по суду родительских прав;

5) лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права.

6) перечень заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку (попечительство), устанавливается соответствующим органом исполнительной власти. (Постановление Кабинета Министров Азербайджанской республики от 15.08.2000 года №141).

Кроме того, лица, не состоящие между собой в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребенка [10].

С 1 ноября 2019 года деятельность в области усыновления курируется Министерством труда и социальной защиты населения. Министерством была создана специальная электронная подсистема "Дети, лишенные родительской опеки, и усыновление", таким образом, процесс усыновления проводится в электронном формате. Обращения, связанные с усыновлением, подаются в электронном виде, уведомления о статусе обращения отображаются в личном кабинете пользователя. После усыновления детей, осуществляется строгий контроль за созданием условий для их развития в приемных семьях, периодический контроль за их состоянием и положением в новых семьях [7].

В 2020 ГОДУ ПЕРЕДАНЫ НА
УСЫНОВЛЕНИЕ В ОБЩЕМ
234 РЕБЕНКА, ИЗ НИХ 123
МАЛЬЧИКА И 111 ДЕВОЧЕК.

По последним данным Министерства юстиции Азербайджана, появившимся в печати, в 2019 году число детей, переданных на усыновление составляло 660, из них 345 девочек и 315 мальчиков. Также реше-

нием судов Азербайджанской республики были отменены 59 решений об усыновлении. В 2020 году переданы на усыновление в общем 234 ребенка, из них 123 мальчика и 111 де-

вочек. В том числе 14 детей, 8 из которых девочки, переданы на усыновление иностранным гражданам и лицам, не имеющим азербайджанского гражданства¹.

Законы, принятые государством, по оказанию социальной помощи, способствуют также преодолению саморазрушающего поведения, выражающегося в различных формах асоциального поведения. Разумеется, социальная помощь – это последняя инстанция в данном процессе, связанная с социальными предпосылками формирования подобной среды. Необходимо, прежде всего, бороться с причинами распространения таких видов социального зла, как алкоголизм, наркомания, войны, политические конфликты, ставящие под угрозу жизнь и здоровье народа, его генофонд. Социальная помощь оказывается детям, утратившим опеку родителей, по ряду показаний, в том числе и связанных с их учебой, здоровьем и т.д.

Среди законов страны, имеющих непосредственное отношение к детям без опеки родителей, следует также назвать Закон Азербайджанской республики "О правах ребенка", подписанный президентом Г. Алиевым 19 мая 1998 года, который определяет права и свободы детей в Азербайджанской республике, основные принципы государственной политики в отношении детей, задачи государственных органов, других юридических и физических лиц в об-

¹Государственный комитет статистики. – Баку, 2021. – С. 74-77.

ласти охраны детей в соответствии с Конституцией Азербайджанской Республики, Конвенцией о правах ребенка и другими нормами международного права.

Обратим внимание на статью 31 – Меры по защите детей, лишенных родительского попечения. Здесь говорится о том, что защита детей, лишенных родительского попечения, обеспечивается посредством передачи таких детей в усыновление, опеку, попечительство, в другие семьи, а в случае невозможности осуществления таких способов – посредством размещения детей в соответствующие учреждения для содержания детей. При определении способа защиты детей следует учитывать этническое происхождение ребенка, его религиозную, культурную и языковую принадлежность, а также преемственность воспитания.

Дети, лишенные родительского попечения и содержащиеся в детских учреждениях, находятся на полном государственном обеспечении. Все это реализуется на практике, однако самым важным вопросом остается то, как подготовлены эти дети к будущей жизни, владеют ли они специальностью, профессией, и самое главное, – есть ли им где жить. Если этих условий не создано, то сразу возникнет напряженная обстановка вокруг выпускника детского дома, различные проблемы, которые решить будет потом практически невозможно.

Отметим также важный пункт в семейном законодательстве Азербайджанской республики о правах и обязанностях родителей в воспитании и образовании детей. В статье 58.2 подчеркивается, что родители несут ответственность за воспитание, здоровье своих детей, их психическое, физическое, духовное развитие, а в статье 60.2 подчеркивается, что при осуществлении родительских прав родители не должны причинять ущерба духовному развитию, физическому и психическому здоровью детей. При воспитании детей не допускаются их эксплуатация, оскорбление, унижение достоинства, жестокость, грубость, равнодушие. Родите-

ли, которые при осуществлении родительских прав ущемляют права и интересы детей, несут ответственность в установленном законодательством порядке [9].

Отметим, что в целом любое воспитательное учреждение, где могут находиться дети, должно отвечать подобным требованиям в отношении детей.

Вот список учреждений по стране, где содержатся дети: Баку – 5 домов, в Гяндже – один, в Ленкорани – один, в Шеки – один, всего по стране – 25. Кроме того, имеется 6 специализированных интернатов (в Баку), 2 – в Сумгаите, имеются также детские санатории, все в Баку (5), и, наконец, есть детские учреждения, принадлежащие неправительственным организациям, это "Umid Yeri" (Умид Йери) и ассоциация "SOS Uşaq Kəndləri-Azərbaycan" (Детские села SOS – Азербайджан) [5].

Обсуждения. Следует отметить, что в стране внедряются новые проекты по оказанию социальных услуг детям и семьям, проживающих в трудных условиях.

Для решения проблемы потребностей в социальной помощи соответствующими государственными органами осуществляются различные проекты и программы [7].

Министерством труда и социальной защиты населения (МТСЗН) на основе социальных заказов подготовлены минимальные стандарты требований к социальным услугам, предоставляемых гражданским обществом.

В Азербайджане участие гражданских организаций, специализирующихся на обеспечении социальных услуг, поддерживается законом. В рамках проектов социальных услуг, предоставляемых НПО, оказываются самые различные социальные услуги.

Основываясь на передовом мировом опыте, совместно с международными экспертами разработаны стандарты по социальным услугам, предоставляемым НПО, все это сыграет ключевую роль в создании механизма мониторинга и оценки указанной работы. Это, в конечном счете, позволит повы-

ситель эффективность и качество социальных услуг, предоставляемых гражданским обществом, расширить их охват.

В рамках вышеуказанных проектов в различных регионах созданы центры дневного ухода и реабилитационные центры, приюты, и т.д. В общей сложности, более 1500 детям, имеющим проблемы со здоровьем, инвалидность или проживающим в тяжелых условиях, а также членам их семей предоставляются социальные услуги.

Отметим, что президент Азербайджана Ильхам Алиев 9 января 2013 года подписал указ о мерах социальной защиты детей, относящихся к группе риска. Данный указ дал возможность детям-инвалидам и тем несовершеннолетним, кто находится в общественно опасном состоянии, получить социальную защиту, а также возможность улучшить качество социальных услуг, предоставляемых им. Для оказания помощи детям-инвалидам и социальной реабилитации несовершеннолетних из резервного фонда президента поручено было для начала выделить Министерству труда 2 миллиона манатов.

Кроме этого также следует отметить, что утвержденная президентом Ильхамом Алиевым "Государственная Программа передачи детей из государственных детских учреждений в семьи (де-институционализации) и альтернативного ухода", охватывающая 2006-2015 годы, является одной из важнейших государственных программ в области защиты детей. Основной целью программы было создание механизмов передачи детей, проживающих в государственных учреждениях в семьи и альтернативного ухода за ними с учетом необходимости для полноценного и гармоничного развития ребенка расти в счастливой и любящей семейной среде, закреплённая в Конвенции ООН о правах ребенка. В рамках деятельности, по возвращению детей из государственных детских учреждений в родные семьи, около 100 детей вернулись в свои семьи.

Сегодня в Азербайджане уделяется особое внимание обеспечению жильем детей-сирот и детей, которые воспитывались в государственных детских учреждениях и покидают эти учреждения по достижении 18 лет. С этой целью, согласно соответствующему распоряжению Кабинета министров с 2015 года, в поселке Масазыр Апшеронского района построены 3 тринадцатизэтажных дома, каждый из которых по 120 квартир для выпускников государственных детских учреждений, потерявших обоих родителей и детей, лишенных родительской опеки. С целью увеличения занятости проживающей здесь молодежи при поддержке представительства в нашей стране Международной Организации по Миграции (МОМ) работают ковровые и швейные мастерские. В ближайшее время планируется организовать курсы повышения квалификации по нескольким профессиям. Жильцы этих домов обеспечиваются работой по озеленению территории, на картонной фабрике, на стройке жилого дома и т.д.

Широкое распространение получила благотворительная деятельность как со стороны Фондов, к примеру, Нефтяного фонда, Фонда имени Г. Алиева, так и отдельных международных организаций и частных лиц.

Отметим также, что, помимо указанных проектов, государством реализуется ряд мер в направлении социальной помощи детям, не имеющих родительскую опеку. В соответствии с Законом об образовании, если дети потеряли своих родителей или лишены родительской опеки, то государственные, муниципальные и негосударственные высшие и средние специальные учебные заведения не взимают плату за обучение с таких учащихся или студентов. Оплата стоимости обучения производится из государственного бюджета [1, с. 189-190].

Заключение. Таким образом, исследования проблемы детей, оставшихся без родительской опеки, проводятся на протяжении ряда лет, прежде всего, усилиями между-

народных и неправительственных организаций, а также государственными комитетами и ведомствами. Кроме того, в указанном направлении работают и отдельные исследователи. Данное направление социальной политики должно еще больше привлекать внимание научной общественности. Имеются разработки отдельных ученых, в этом направлении работают социальные работники, психологи, экономисты, политики, однако сделано еще недостаточно работы. В частности, необходимо исследовать многие вопросы социально-экономического, политического и нравственного характера, которые непосредственно связаны с ростом числа детей, лишенных родительской опеки.

Страдают дети, и проблема должна быть решена на уровне регулирования и коррекции социальной политики страны. Работа с детьми, лишенными родительской опеки, проводится по всем направлениям, однако необходимы превентивные меры для того, чтобы подобных детей становилось меньше. Кроме того, основная цель заключается в интеграции их в общество с тем, чтобы они смогли стать полноценными членами общества и принести как обществу, так и себе максимальный успех.

Литература:

1. Раджабли Х. Система социальной защиты Азербайджанской республики. – Баку : МБМ, 2012. – 408 с.
2. Гасанов Р. Социальная политика. – Баку : Европа, 2016. – 309 с.
3. Беспалов Ю.В. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – Владимир-М., 2000. – 191 с.
4. Макинтайр Роберт. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // <https://ecfor.ru/publication>
5. Возраст 440 тыс. граждан Азербайджана превышает 70 лет // <https://report.az/ru/socialnaya-zashhita/>
6. Uşaqlarımın sağlam olmasını istəyirəm // <http://www.reytinqinfo.az/>
7. Семейный кодекс Азербайджанской Республики // <http://e-qanun.az/framework/46946>
8. Детские дома и интернаты в Азербайджане // <http://www.navigator.az>
9. Закон Азербайджанской республики от 22 июня 1999 года №693-ПГ. О социальной защите детей, потерявших родителей и лишенных родительской опеки // <http://base.spinform.ru/>
10. Порядок передачи детей на усыновление // <http://www.edu.gov.az>
11. Права детей в исламе // <http://www.whyislam.ru/>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа в РИНЦ выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Публикуется за счет средств издательства. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

"KANT" серия "Социально-гуманитарные науки" издается по следующим отраслям наук: 10.00.00 Филологические науки; 17.00.00 Искусствоведение; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политические науки; 24.00.00 Культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

- **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

- **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

- **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

- **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

- **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

- **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147–158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАСУ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (далее – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутренне рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходи

мости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Стоимость печатного экземпляра с учетом почтовой пересылки по РФ (по запросу автора) – **1600 руб./1 экз.**

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6. Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____

1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____

1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____

1.9. Название статьи _____

4.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социологические науки

УДК 316.74

ВАК 22.00.00

Иванов И.И., 2020

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.